

2024. Т. 16. № 2

ISSN 2219-6242 (Print)

Научный журнал
**СОЦИОЛОГИЯ
И ПРАВО**

ISSN 2219-6242 (Print)

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

2024. Т. 16. № 2

Scientific Journal

SOCIOLOGY AND LAW

2024. Vol. 16. No. 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

*директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
доктор юридических наук, доцент*

Заместитель главного редактора

А. Б. ЧЕРНЫХ

*доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета
технологий управления и экономики, кандидат социологических наук*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. А. о. АГАЕВ

*профессор кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

В. БЕРГМАНН

*член ученого совета Европейской академии наук
и искусств, доктор юридических наук, профессор
(Берлин, Германия)*

А. А. БЕСЧАСНАЯ

*профессор кафедры государственного
и муниципального управления Северо-Западного
института управления — филиала Российской
Академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
доктор социологических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)*

В. М. БОЕР

*профессор кафедры гражданского права Института
технологий предпринимательства и права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
юрист РФ, почетный работник высшего
профессионального образования РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

С. С. БРАЗЕВИЧ

*профессор кафедры международных отношений
и политологии Санкт-Петербургского
государственного экономического университета,
доктор социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Н. В. БУТЕЛЬ

*профессор кафедры конституционного
и международного права Санкт-Петербургского
института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

И. И. ЕЛИСЕЕВА

*заведующий сектором Социологического института
РАН (филиал ФНИСЦ РАН), доктор экономических
наук, профессор, член-корреспондент РАН,
заслуженный деятель науки РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ

*заведующий кафедрой правового регулирования
градостроительной деятельности и транспорта
Санкт-Петербургского государственного
архитектурно-строительного университета, доктор
юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
(Санкт-Петербург, Россия)*

Е. А. КЕЧИНА

*профессор кафедры социологии Белорусского
государственного университета, доктор
социологических наук, профессор
(Минск, Беларусь)*

В. А. КЛИМЕНКО

*советник департамента гуманитарного
сотрудничества, общеполитических и социальных
проблем Исполнительного комитета СНГ, кандидат
экономических наук, доктор социологических наук,
профессор (Минск, Беларусь)*

С. Ю. КОСАРЕВ

*профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-
технической экспертизы Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого,
доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Я. А. МАРГУЛЯН

*профессор кафедры социологии и управления
персоналом Санкт-Петербургского государственного
экономического университета, доктор
социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

А. А. МАРКОВ

*заведующий кафедрой международных отношений
и политологии Санкт-Петербургского
государственного экономического университета,
доктор социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО

*профессор кафедры государственного
и международного права Санкт-Петербургского
государственного морского технического
университета, доктор юридических наук,
доктор экономических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

С. М. ОГАНЕСЯН

*профессор кафедры гражданского права и процесса
Санкт-Петербургского университета технологий
управления и экономики, доктор юридических наук,
доцент (Санкт-Петербург, Россия)*

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ

*профессор кафедры связей с общественностью
и рекламы Российского государственного
педагогического университета имени А. И. Герцена,
доктор социологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)*

Е. В. СИЛИНА

*профессор кафедры гражданского процессуального
права Северо-Западного филиала Российского
государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)*

А. Г. ТЮРИКОВ

*заведующий кафедрой социологии факультета
социальных наук и массовых коммуникаций
Финансового университета, доктор социологических
наук, профессор (Москва, Россия)*

В. Б. ШАБАНОВ

*заведующий кафедрой криминалистики юридического
факультета Белорусского государственного
университета, доктор юридических наук, профессор
(Минск, Беларусь)*

SOCIOLOGY AND LAW 2024. Vol. 16. No. 2

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief

E. V. VOSKRESENSKAYA

Director of the Juridical Institute of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

A. B. CHERNYKH

Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Sociology

---

EDITORIAL BOARD

G. A. o. AGAEV

Professor at the Department of Public Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

W. BERGMANN

Member of the Senate of the European Academy of Sciences and Arts, Doctor of Law, Professor (Berlin, Germany)

A. A. BESCHASNAYA

Professor at the Department of State and Municipal Administration of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Social Science, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

V. M. BOER

Professor at the Department of Law of the Institute of Entrepreneurship Technologies and Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

S. S. BRAZEVICH

Professor at the Department of International Relations and Political Science of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

N. V. BUGEL

Professor at the Department of Constitutional and International Law of the St. Petersburg Institute (branch) of ARSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

I. I. ELISEEVA

Sector Manager of the Sociological Institute of the RAS (branch of the FCTAS RAS), Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

N. N. ZHILSKIY

Head of the Department of Legal Regulation of Urban-Planning Activities and Transport of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

E. A. KECHINA

Professor at the Department of Sociology of the Belarusian State University, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

V. A. KLIMENKO

Advisor to the Department for Humanitarian Cooperation, General Political and Social Problems of the CIS Executive Committee, PhD in Economics, Doctor of Social Science, Professor (Minsk, Belarus)

S. Yu. KOSAREV

Professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Ya. A. MARGULYAN

Professor at the Department of Sociology and Personnel Management of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. A. MARKOV

Head the Department of International Relations and Political Science of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

Yu. V. MISHALCHENKO

Professor at the Department of State and International Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University, Doctor of Law, Doctor of Economic Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

S. M. OGANESYAN

Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

N. N. POKROVSKAIA

Professor at the Department of Public Relations and Advertising of the Herzen University, Doctor of Social Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

E. V. SILINA

Professor at the Department of Civil Procedure Law of the North Western branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

A. G. TYURIKOV

Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Social Science, Professor (Moscow, Russia)

V. B. SHABANOV

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor (Minsk, Belarus)

Редакция

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ О. В. ЯРЦЕВА
Выпускающий редактор В. В. САЛИНА
Редактор-корректор Е. С. ЧУЛКОВА
Компьютерная верстка М. Ю. ШМЕЛЁВ

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Адрес редакции и издателя

190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а. Тел.: (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором), регистрационный номер ПИ № ФС77-67818 от 28.11.2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© Все права защищены.

Сайт журнала: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Типография

Издательско-полиграфический центр
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Подписка

Каталог АО «Почта России». Подписной индекс: ПП620

Издается с 2009 г. Периодичность: четыре раза в год. Свободная цена.

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ

Формат 84×108¹/₁₆.

Дата выхода в свет 05.07.2024.

Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 9,76. Усл. печ. л. 16,38.

Тираж 62 экз. Заказ № 1640.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

Журнал «Социология и право» включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Социология и право» обязательна.

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в международную справочную систему по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Статьи журнала включены в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в сети Интернет по адресу <https://elibrary.ru/> (научная электронная библиотека) РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы).

Editorial staff

Head of Publishing and Printing Center O. V. YARTSEVA
Managing Editor V. V. SALINA
Copy Editor E. S. CHULKOVA
Pre-Press M. Yu. SHMELEV

Founder and Publisher

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Official address of the Editoriat Office and Publisher

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia. Phone (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Reg. III No. ФС77-67818 28 Nov. 2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© All rights reserved.

Official website: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Printing office

Publishing and Printing Center
of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia

Subscription

Catalogue "Russian Post". Subscription index: PP620

Published since 2009. Frequency: four times a year. Free-of-control price.

For purchase request, contact the publishing house of the UMTE

Format 84×108¹/₁₆.

Release date 05.07.2024.

Offset paper.

Published pages: 9,76. Conventional printed pages: 16,38.

Circulation 62 copies. Order No. 1640.

Distinguished authors and readers of the journal!

The journal "Sociology and Law" is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals, recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of the main scientific dissertations for doctorate and PhD academic degrees.

The point of view of the editorial office may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

When reprinting the link to the journal "Sociology and Law" is obligatory.

The information concerning editions and publications is included in the international reference system for periodicals and continuing publications "Ulrich's Periodicals Directory".

The articles of the journal are included in the Russian Science Citation Index (RSCI), available on the Internet by the link: <https://elibrary.ru/> (scientific electronic library) RSCI is the data base, including bibliographic information extracted from the text of articles and article references (list of references).

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Чернавский М. Ю.</i> О социальных противоречиях	174
<i>Оганян К. М., Оганян К. К.</i> О мотивации социального и жизненного успеха личности спортсмена	186
<i>Юмашева И. А., Афанасьева Т. С.</i> Специфика женского стиля управления	192
<i>Федоров П. М.</i> Обобщенное доверие в современном китайском обществе	202
<i>Хомяков Д. В., Печерица Е. В.</i> Проблемы командообразования в условиях цифровизации на производствах	214
<i>Чурина Е. Н.</i> Мера близости условного расстояния институциональной логики и практики дискурсанта	223
<i>Фомичев А. Н.</i> Социально-экономические особенности малых предприятий в аспекте рискованных обстоятельств	234

Право в жизни государства и личности

<i>Воскресенская Е. В., Жильский Н. Н., Категов А. С.</i> Правовое понятие «интеллектуальная собственность»: теоретические вопросы	243
<i>Косьяненко Е. В., Трухин М. А.</i> Проблемы юридической регламентации нормы о занятии высшего положения в преступной иерархии	249
<i>Королев П. П., Ефимовский А. В.</i> Соглашение об определении таможенной стоимости как инструмент таможенного регулирования	256
<i>Попов М. В., Черных А. Б.</i> Роль и правовое значение срочных трудовых контрактов в социально-экономических условиях современной России	266
<i>Белоусова А. Ю.</i> Особенности прекращения уголовных дел по ст. 264 УК РФ в связи с примирением сторон	276
<i>Четырбок Д. А.</i> Проблема правового статуса лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации	283
<i>Денисовский М. О.</i> Сравнительно-правовой анализ зарубежных и отечественных норм об оспаривании сделок несостоятельного должника	292
<i>Тарасевич С. В.</i> Налоговое администрирование цифровой экономики: концепции, проблемы и направления развития	304

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Mikhail Yu. Chernavskiy</i> . About social contradictions	174
<i>Kadzhik M. Oganyan, Karina K. Oganyan</i> . On the motivation of social and life success of the athlete's personality	186
<i>Irina A. Yumasheva, Tatyana S. Afanasyeva</i> . The specifics of women's management style	192
<i>Petr M. Fedorov</i> . Generalized trust in modern Chinese society	202
<i>Denis V. Khomiakov, Elena V. Pecheritsa</i> . Challenges of team building in the context of digitalization at production facilities	214
<i>Elena N. Churina</i> . The measure of proximity of conditional distance of institutional logic and discourse practice	223
<i>Aleksandr N. Fomichev</i> . Socio-economic characteristics of small enterprises in the aspect of risky circumstances	234

The Law in a State and Person Life

<i>Elena V. Voskresenskaya, Nikolay N. Zhilskiy, Aleksandr S. Kategov</i> . Legal concept of "intellectual property": Theoretical issues	243
<i>Elena V. Kosyanenko, Maxim A. Trukhin</i> . Problems of legal regulation of the norm on occupation of the highest position in the criminal hierarchy	249
<i>Pavel P. Korolev, Andrew V. Efimovsky</i> . Agreement on customs value determination as an instrument of customs regulation	256
<i>Mikhail V. Popov, Antonina B. Chernykh</i> . The role and legal significance of fixed-term labor contracts in the socio-economic conditions of modern Russia	266
<i>Arina Yu. Belousova</i> . Features of termination of criminal cases under Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with reconciliation of the parties	276
<i>Denis A. Chetyrbok</i> . The problem of the legal status of persons replacing public offices of the subjects of the Russian Federation	283
<i>Maksim O. Denisovsky</i> . Comparative legal analysis of foreign and domestic norms on challenging transactions of an insolvent debtor	292
<i>Sergey V. Tarasevich</i> . Tax administration of digital economy: Concepts, problems and directions of development	304

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА SOCIAL PROBLEMS OF A SOCIETY

Научная статья

УДК 316.48

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-174-185

О социальных противоречиях

Михаил Юрьевич Чернавский

Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Москва, Россия,
chernavsky14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1038-5683>

Аннотация. В статье проанализирована природа социальных противоречий с позиций методологии марксизма и структуралистского психоанализа. Диалектический анализ марксистски трактуемых противоречий позволяет автору выявить сущность промышленного капитализма. Структуралистский психоанализ в понимании природы социальных противоречий дает возможность исследовать вопрос о ретроградном возврате России в капитализм и способен объяснить функционирование современной капиталистической системы глобальной эксплуатации за счет использования механизмов идеологического фантазма. Процедура нейтрализации противоречий в современном российском социуме осуществляется за счет конвертации экономических противоречий в политические и посредством реализации идеи «экспорта хаоса».

Ключевые слова: социальное противоречие, противоположности, структуралистский психоанализ, прибавочное наслаждение, абстракция, идеализация, социальная суггестия, идеологический фантазм

Для цитирования: Чернавский М. Ю. О социальных противоречиях // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 174–185. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-174-185>

Original article

About social contradictions

Mikhail Yu. Chernavskiy

K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(the First Cossack University), Moscow, Russia, chernavsky14@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1038-5683>

Abstract. The article analyzes the nature of social contradictions from the positions of Marxism methodology and structuralist psychoanalysis. Dialectical analysis of Marxist interpreted contradictions allows the author to reveal the essence of industrial capitalism. Structuralist psychoanalysis in understanding the nature of social contradictions makes it possible to investigate the question of Russia's retrograde return to capitalism and is able to explain the functioning of the modern capitalist system of global exploitation through the use of mechanisms of ideological phantasm. The procedure of neutralization of contradictions in modern Russian society is carried out by converting economic contradictions into political ones and through the implementation of the idea of "export of chaos".

© Чернавский М. Ю., 2024

Keywords: social contradiction, opposites, structuralist psychoanalysis, surplus pleasure, abstraction, idealization, social suggestion, ideological phantasm

For citation: Chernavskiy M.Yu. About social contradictions. *Sociology and Law. 2024;16(2):174-185.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-174-185>

Введение

Современные общественные науки находятся в непрекращающемся поиске методологического инструментария для описания динамичной, нелинейной и сложнопредсказуемой социальной реальности. Ключевой проблемой анализа социума выступает выявление сути наличествующих в обществе противоречий. Общественные науки со времен легализации диалектики в немецкой классической философии усматривают в социальных противоречиях основополагающую двигательную силу любых социальных изменений. Представляется, что предложить аргументированную версию выявления сущности современных социальных противоречий будет возможным с опорой на марксистскую методологию, обогащенную идеями структуралистского психоанализа.

Противоречие: социально-философские трансформации

В философии Античности противоречия осмыслены в контексте языческих представлений о природе реальности и выступали либо необходимым ингредиентом любых процессов (Гераклит), либо нивелировались на основании их невозможности быть непротиворечиво помысленными (Парменид), в частности, на примере противоречивого для мысли анализа процессов движения (Зенон).

Стремление мысли избегать противоречий и достигать тем самым истины стало доминирующим мотивом античного логоцентризма, было названо диалектикой как искусством вести беседу. Противоречивость мысли отождествлялась при этом с заблуждением (Сократ, Платон, Аристотель). Средневековая философия стремилась объявить противоречия мысленного постижения реальности несовершенством и греховностью человека, а процедуру их окончательного и предельного разрешения перенести в Царствие Небесное.

Философия Нового времени объявила разум основным механизмом разрешения противоречий. Противоречия уничтожаются либо за счет методологически правильного дедуктивного пользования разумом (Р. Декарт), либо посредством освобождения индуктивного чувственного познания от заблуждений (Ф. Бэкон).

Немецкое Просвещение в лице И. Канта столкнулось с противоречиями в процессе гносеологического анализа условий, предпосылок опытного познания и отреагировало на них в духе агностицизма. Кант фактически отказался обсуждать вопрос относительно бытия, статуса и функционирования онтологических противоречий во внешнем, ноуменальном относительно человеческого сознания мире, провозгласив этот мир миром «вещей-в-себе» (*Ding-an-sich*). Гносеологические противоречия, функционирующие в феноменальной сфере человеческого мышления как чистого, свободного от эмпирии разума, в мире «вещей-для-нас» (*Ding-für-uns*) были обозначены как принципиально неразрешимые, антиномичные и равнодоказуемые (несмотря на их антагонистичность) ввиду их оторванности от эмпирического основания.

Г. В. Ф. Гегель превратил противоречивость разума из предела в его собственный принцип и объявил противоречие главной движущей силой развития: «Противоречие... есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто

имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно» [1, с. 65]. Диалектическое понимание природы противоречий позволило Гегелю абсолютизировать противоречие в качестве универсальной способности вещей, явлений и процессов быть причиной собственного изменения. Возможность раскрытия законов развития мира обусловлена тем, что в основе мира находится противоречиво развивающийся дух.

В процессе развития противоречивое единство раздваивается на противоположности. Их борьба и столкновение приводят к «снятию» противоположностей, благодаря этому происходит «жизнь настоящего духа», представляющая собой «кругообращение ступеней» [2, с. 125]. Дух, или абсолютная идея, будучи тезисом, на стадии антитезиса отторгает себя в природу, чтобы на стадии синтеза — понятийным образом познающего реальность человеческого сознания — познать себя.

Марксизм трактует гегелевские противоречия в качестве объективных свойств материальной действительности. Разрешение противоречий посредством революционного снятия противоположностей носит либо постоянно воспроизводимый характер ввиду бесконечности и сложности устройства познаваемого разумом мира (метод Гегеля), либо имеет финалистский результат, при котором абсолютная идея окончательно познает сама себя (система Гегеля). Ориентация на системную завершенность процесса диалектического развития породила две глобальные социальные утопии двух самых ярких гегельянцев: коммунизм К. Маркса и либеральный «конец истории» Ф. Фукуямы.

Новое социальное качество утверждает и учреждает себя посредством стремления тезиса к синтезу через борьбу с антитезисом. Неизбежная тоска тезиса по синтезу выглядит убедительной с точки зрения марксистского анализа предшествующей истории европейского человечества как смены общественно-экономических формаций (рабовладение — феодализм — капитализм — коммунизм). Речь в данном случае идет исключительно о европейской истории, так как азиатский путь развития крайне сложно коррелировал с классическим марксизмом. Это видно на примерах выбивающегося из стройной логики классической марксистской аналитики «азиатского способа производства» и труднообъяснимых в марксистском контексте феноменов взрывного развития современного Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии (среди них — Япония, Тайвань, Сингапур, Южная Корея).

Классический марксизм в односторонне-детерминистском аспекте решал проблему соотношения базиса как причины (социальные взаимодействия людей, обусловленные их отношениями друг к другу в процессе общественного производства, распределения, обмена и потребления) и надстройки как следствия (идеалистически обосновывающие отношения эксплуатации религия, мораль, политика, идеология, право). Неомарксистская и постмарксистская мысль неуклонно двигалась в сторону усиления субстанциальных возможностей надстройки в ее взаимодействиях с базисом. Доминанция базиса над надстройкой провозглашалась «лишь в конечном итоге» с признанием относительной независимости и самостоятельности надстроечных явлений (Ф. Энгельс), господство капитализма усматривалось в самодовлеющих факторах культуры (А. Грамши), мутация капитализма сводилась к тотальному распространению особого типа западной рациональности в сфере общественного сознания (Франкфуртская школа), власть капитала объяснена посредством использования механизма идеологической интерпелляции (Л. Альтюссер), анализ современного западного общества осуществляют при задействовании структур социального бессознательного (С. Жижек).

Перестройка: тезис стремится стать... антитезисом

Загадкой советской эпохи для социальных философов была и остается политика перестройки, которая привела к развалу одного из величайших государств на планете — Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Судьба СССР в XX столетии настолько же парадоксальна, насколько и необъяснима в контексте марксистской методологии. Пролетарская революция в аграрной стране интеллектуальным и политическим усилием В. И. Ленина опровергла догмы классического марксизма, но вместе с тем подняла марксизм на недостижимую практическую высоту, превратив его в крайне популярную и политически притягательную для многих народов идеологию XX в.

Трансформация Советского государства в конце века удивила марксистов ничуть не меньше: Советский Союз, будучи промышленно высокоразвитым государством, достигшим невероятных научных высот в освоении Земли и космоса, ретроградно свалился в так называемый штопор буржуазной революции августа 1991 г. Великий коммунистический проект вместо диалектической трансформации в новое научно-техническое качество архаично воспроизвел идеалы примитивного буржуазного общества потребления. Тем самым динамика развития первого в мире социалистического государства, казалось бы, полностью перечеркивает догматы классического марксизма: вместо торжества коммунизма в СССР произошла буржуазная революция августа 1991 г.

Представляется, что разгадка феномена ретроградного возвращения нашей страны к начальным этапам развития капитализма кроется в более сложных, чем это виделось классическому марксизму, взаимоотношениях между базисом и надстройкой. Реальность социальных взаимодействий в СССР конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. демонстрировала иной, не классически-марксистский способ взаимодействия базиса и надстройки. Рабочий класс и трудовое крестьянство перестали ориентироваться на синтезность коммунизма и начали идеализировать антитезисность буржуазных отношений.

Парадоксальное с точки зрения законов марксистско-гегелевской диалектики тяготение позднесоветского социалистического общества к антитезису (капитализму), с которым оно совсем недавно вело непримиримую борьбу, помышляя о синтезе (коммунизме), точно передал президент России В. В. Путин в знаменитом интервью Такеру Карлсону: «... после 1991 года, когда Россия ожидала, что ее возьмут в братскую семью “цивилизованных народов”, ничего подобного не произошло. Вы же нас обманули ... обещали, что не будет расширения НАТО на восток, но это произошло пять раз, пять волн расширения. Мы все терпели, все уговаривали, говорили: не надо, мы же свои теперь, как у нас говорят, буржуинские, у нас рыночная экономика, нет власти Коммунистической партии, давайте будем договариваться. ...Ельцин ездил в США, помните, выступал в Конгрессе и говорил замечательные слова: God bless America. Он же все сказал, это были сигналы: пустите нас к себе» [3].

Подрывная деятельность западных пропагандистских центров влияния продемонстрировала невидимые советскими марксистами скрытые силы идеологической надстройки, которая на практике переформатировала базис. Представляется, что объяснить действие механизма надстроечного воздействия на базис способен структуралистский психоанализ, который переносит акцент на действие надстройки, не порывая при этом с диалектическим подходом в объяснении природы противоречий. Позднесоветская интеллигенция стала целевой группой для западного идеолого-психологического воздействия. Парадоксальность ситуации состояла в том, что высокий уровень образования советской интеллигенции

при блокировании источников альтернативной, немарксистской, прозападной информации привел сначала к разочарованию (теперь уже массовому) в ценностях коммунизма, а затем и к идее демонтажа Советского государства.

Не вполне понятная с позиций рационализированной марксистской диалектики алогичность представлений позднесоветского общества выражена, в частности, в парадоксальной убежденности широких народных масс относительно реальности сочетания взаимоисключающих принципов: возможности построения общества фетишизации денег и абсолютизации материального достатка (элемент капитализма и рыночных отношений) при сохранении низкого уровня цен и социальных гарантий личности (элемент социализма и плановой экономики). К социальным завоеваниям социалистической экономики позднесоветское общество относилось как к естественности воздуха, который не исчезнет ни при каких социальных трансформациях. В итоге возникла странная с позиций рационализированного марксизма, но объяснимая с точки зрения иррационального психоанализа парадоксальная убежденность в сохранении минимального достатка и доступного уровня цен при параллельной насыщенности рынка товарами и услугами по образцу стран Запада.

Однако рационально выявленные тенденции социального развития четко указывают на то, что при изменении принципиального, фундаментального компонента системы (отношения собственности и типа управления народным хозяйством) изменяется в целом система социально-экономических отношений. Тезис (социалистичность экономики), вступая во взаимодействие с антитезисом (частная собственность на средства производства), ни при каких обстоятельствах не способен в неизменном виде сохраниться в синтезе (рыночные отношения).

Пролетариат и интеллигенция периода перестройки стремились не к рационально-диалектической синтезности на путях качественного повышения своей профессиональной квалификации на базе овладения технологиями научно-технического прогресса. Позднесоветское общество иррационально-психологически хотело стать банальной буржуазией, паразитарно обогащаясь за счет мелкого акционирования в условиях работающего финансового капитализма при минимальных личных трудозатратах. Социальная память вскрывает то, что на уровне обыденных общественных представлений позднего советизма в народе бытовали фрейдистско-гедонистские фразы относительно уровня и характера потребления товаров и услуг в предстоящем для всех капиталистическом будущем («надо почувствовать себя человеком!», «нам бы погнить как на Западе!»).

Славой Жижек очень точно определил сущность возникшей для нас во время перестройки и господствующей сегодня идеологии потребления как «гедонистический цинизм». Он призывал: «Не верьте в великие идеи, наслаждайтесь жизнью, будьте внимательны к себе. Жизнь при этом — это ваши собственные удовольствия, деньги, сила, предпочтения» [4].

Психологически фундированное стремление тезиса стать не синтезом, но антитезисом сыграло с советским народом злую шутку: вместо развития по канонам марксистской диалектики советское общество погрузилось в ретроградный процесс первоначального накопления капитала, распродажи общенародной собственности на средства производства и природные ресурсы, увязнув в пучине бандитского капитализма.

Современный капитализм: где же его конец?

Согласно марксизму, капитализм обречен на исчезновение с учетом логики социально-экономического развития, которая выводит на историческую арену новый, более прогрессивный по отношению к буржуазии класс — пролетариат.

Пролетариат призван осознать процесс капиталистической эксплуатации и основную причину социальных противоречий: природу прибавочной стоимости. Капиталист эксплуатирует рабочего, присваивая себе результаты его труда в превращенной форме, то есть забирая себе постоянно возрастающую прибавочную стоимость как разницу между рыночной стоимостью товара и себестоимостью продукции. Ввиду нарастающего конфликта между производительными силами и производственными отношениями пролетариат неминуемо уничтожит частную собственность как основу эксплуатации. Вслед за этим на планете установится единая федерация свободных производителей (коммунизм).

Однако локальные, пусть и стремительные, успехи в практической реализации марксистской доктрины столкнулись сегодня с удивительной живучестью капитализма. Феномен выживаемости последнего в современном мире перманентных кризисов и галолирующей неопределенности может быть объяснен его мимикрической способностью абсорбировать в себе социальные противоречия посредством культивирования постоянной нестабильности, хаоса, нагнетания обстановки психологической нервозности и педалирования духа перманентной социальной конкурентности. Причину эффективного функционирования современного капитализма можно объяснить по аналогии с рекомендациями по обману детектора лжи: если детектор реагирует на мельчайшие физиологические волнения в случае попытки испытуемого солгать, то, значит, следует постоянно волноваться для введения механических датчиков и сенсоров в заблуждение относительно того, какой именно ответ лживый.

Капитализм превратился в машину переработки своих внутренних противоречий посредством широкого задействования как идеальных структур пропаганды определенного образа жизни и стандартов потребления, так и через привлечение механизмов работы бессознательного по управлению человеческими желаниями. Современный капитализм не опирается на волю свободного, суверенного и автономного индивида, но конструирует субъекта в соответствии с интересами функционирования мировой финансово-экономической системы.

Структурами, поддерживающими капиталистический порядок объявлены господствующий в социуме дискурс, постоянно воспроизводимая система дисциплинарной власти, отношения собственности, насильственные способы конструирования субъекта, укорененный в структурах социального и индивидуального бессознательного мотив подчинения общественному и государственному порядку (Ж. Леви-Стросс, Р. Барт, Ж. Лакан, М. Фуко, Л. Альтюссер). Экономическая власть сегодня в капиталистическом обществе реализует себя посредством механизмов так называемой символической власти, при которой в сознание человека привносится система искусственных потребностей, и их человек удовлетворяет в интересах экономически господствующих сил. В результате в современном мире происходит массивная идеологическая экспансия экономически более развитых и военно-политически более мощных государств через навязывание гражданам других стран целей и смыслов, объективно не соответствующих их суверенным потребностям и интересам.

Наслажденческий фантазм капитализма

Современный капитализм подчинил себе человека через использование тотальной стратегии наслаждения, при которой социальная реальность фантазматически превращается в объекты желания. В классическом психоанализе З. Фрейда источником желаний выступала инстинктивная бессознательная природная начинка человека.

Ж. Лакан обратил внимание на то, что в современном капитализме уместно использовать понятие «прибавочное наслаждение» как способность наслаждаться посредством Другого. При этом не только условный «господин» наслаждается посредством «раба», но в соответствии с законами диалектического развития и «раб» наслаждается посредством наслаждения «господина». Гипнотически воздействующий капитализм призывает субъекта добровольно стать жертвой эксплуатации по модели взаимоотношений «раб — господин», предоставив ему перверсивно-мазохистски структурированное прибавочное наслаждение от процесса экономического насилия, в котором он выступает жертвой.

Все вещи в современном социальном мире превращаются в товар, все может стать предметом желания. Джинн желания выпущен из религиозно и морально закупоренной «бутылки» социальных запретов, норм наружу и требует постоянного удовлетворения. Если ранее желание находилось под религиозным запретом, затем должно было пройти сито рационализации и моральных норм, то в современном капитализме желание легализуется и ставится во главу угла, доминируя над верой и разумом.

Желание монетизируется и становится товаром в поле игры маркетинговых сил. Стремление «не желать» становится преступлением, а отказ от наслаждения интерпретируется как социальный грех, указывающий на низкую статусность и «лузерство» индивида. Человек современного капитализма не имеет права не наслаждаться, большинство светских разговоров, как правило, строго подпадают под тематику «конкуренции наслаждений».

Фантазматичность наделяет материальную действительность объективно отсутствующими у нее характеристиками. Потребление товаров и услуг осуществляется посредством процедуры фантазма, то есть приписывания товарам объективно отсутствующих у них потребительских свойств социального порядка (красоты, счастья, любви, радости). В частности, флакон шампуня может фантазматично наделяться потребителем принципиально отсутствующими в жидкости социальными ценностями, в том числе красотой, сексуальностью, привлекательностью, успешностью.

На это методологическое новшество указывает С. Жижек, рассматривая проблему выявления, с одной стороны, социально-сущностных, с другой — мифифицированно-явленных оснований функционирования товара и денег: «Вы можете думать, товар — это простое воплощение отношений между людьми, но, на самом деле, вам так не кажется. В вашей социальной реальности вы постоянно сталкиваетесь с жутким фактом того, что товар для вас действительно оказывается неким магическим, наделенным особыми силами, объектом» [5].

Товар ценен не ввиду своих материальных характеристик, но по причине субъективно приписываемых ему воображаемых смыслов, свойств и качеств. Это служит основанием для появления конечной (рыночной) стоимости товара, несущей в себе прибавочную стоимость как экономическую основу эксплуатации. Прибавочная стоимость, выявленная классическим марксизмом, выступает экономической основой эксплуатации, будучи дополнением к себестоимости товара.

Распыленный идеологический фантазм участников рынка, описанный структуралистским психоанализом, порождает товарный фетишизм в качестве психологической формы зависимости. В этом смысле законы функционирования человеческой психики выступают главным двигателем капиталистической эксплуатации. Более того, именно психология человека способствует адаптации людей к социальным противоречиям современного капитализма, позволяя даже в эксплуатации увидеть социальную ценность.

С. Жижек описывает работу идеологического фантазма следующим образом: «На Западе ты приходишь в “Старбакс” и видишь огромный постер, гласящий: “Наш кофе немного дороже, но 1 % от продаж идет на помощь голодающим детям Гватемалы”. Или: “1 % идет на сохранение тропических лесов”. И если ты пьешь их кофе, то в комплекте с ним получаешь некоторую долю общественной солидарности и идеологического удовлетворения. Пьешь и думаешь: “Я что-то сделал для общества!” И это действительно работает» [4]. В этой связи критика социальных противоречий современного капитализма оборачивается критикой глубинных оснований сконструированной человеческой психики, а противостояние системе капиталистической эксплуатации трансформируется в противостояние природе современного человека как продукта этой системы.

Абстрагирование, идеализация, социальная суггестия

Примирение с объективно существующей несправедливостью и противоречиями современного мира становится возможным за счет использования механизмов идеологического фантазма, то есть идеалистического достраивания субъектами дисфункциональной социальной реальности до гармоничного и комфортного для субъекта образа социума. Образ идеального социума либо способствует представлению о возможности сведения социальных противоречий до уровня их относительно беспроблемного разрешения (идеологии), либо переносит процедуру разрешения противоречий в потусторонний мир (религии). Строительным материалом фантазматически достроенной реальности выступают процедуры абстрагирования, идеализации и социальной суггестии.

Абстрагирование представляет собой процесс мыслительного выделения отдельных, существенных в данном контексте сторон, свойств, качеств или отношений вещи, явления или процесса с одновременным отвлечением от других их характеристик. Мир абстрактных сущностей позволяет смягчить процедуру столкновения человека с угрожающей социальной реальностью, примирить субъекта с некомфортным миром и адаптироваться к тяготам и невзгодам социального существования.

Возможно, именно факт выявления в вещах их понятийно-идеалистического содержания привел Гегеля к мысли о способности мышления образовывать совершенные общие понятия, дистанцированные от несовершенных налично-материальных конкретностей: «Органическое целое имеет совершенное нутро, которое образуется в своей абстракции» [6, с. 364]. Представляется, что немецкий мыслитель постулирует важность выявления в вещах компонентов идеального Всеобщего, что в современной структуралистской философии получает популярное наименование борьбы за «господствующее означающее» с позиций интересов «хозяина дискурса».

Идеализация предполагает умозрительное конструирование некоторого абстрактного объекта, принципиально не существующего в объективной реальности. Выявленные в процессе абстракции компоненты приписывают вымышленным объектам, существующим исключительно в пространстве социальной реальности. К этим идеализированным объектам относятся универсальные социальные понятия, такие как общество, народ, нация, национальный интерес, элита, социальная группа, демократия, справедливость, всеобщая воля и др.

Мы не отказываем упомянутым идеализациям в онтологичности, а лишь настаиваем на том, что их существование носит специфически социальный характер и относится к процедуре наделения идеализаций реальностью, которая становится возможной только в ходе социальных взаимодействий и служит их закономер-

ным результатом в процессе социальной суггестии. Социальная суггестия представляет собой процесс взаимного внушающего воздействия индивидов друг на друга, в ходе которого различные субъекты социальных отношений взаимно подкрепляют себя в вере относительно реального существования неких социальных сущностей. Социальная суггестия порождает объекты, существование которых отвечает потребностям и интересам социальных субъектов (групп, слоев, институтов, классов, государств).

Великая тайна социальности состоит в том, что за миром социальных видимостей, идеологий и фантазмов не скрывается абсолютной сущности, способной удовлетворить и примирить между собой разнонаправленные социальные силы. Реализация любой социальной концепции, известной как идеология, неизбежно будет иметь издержки в виде недовольства ряда общественных групп, социальных слоев, классов и государств. Социальный интерес одной группы всегда утверждает себя в противодействии социальным интересам иных субъектов социума. Объективно-беспристрастного арбитра, способного разрешить социальные противоречия, принципиально не существует. Реализация интересов одного субъекта неминуемо повлечет за собой ущемление интересов других субъектов как на внутреннем треке разнообразных внутригосударственных отношений, так и в плоскости внешней политики. Победивший субъект навязывает иным участникам социальных взаимодействий собственную интерпретацию социума в качестве объективной и абсолютной.

Свидетельства о принципиальной невозможности достижения всеобщего счастья вследствие всестороннего и окончательного разрешения социальных противоречий выражены, в частности, в бытующих в народе тезисах о вынужденном примирении с несправедливой действительностью и переносе возможного разрешения противоречий на будущее («а кому сейчас легко?», «не жили хорошо, и не надо», «наши дети будут жить при коммунизме», «необходимо затянуть пояса»). Рассуждения о единстве социальных противоположностей и убежденность в гармонизации общественных противоречий строятся на фундаменте идеалистических абстракций, которые создают иллюзорный мир идеалистических сущностей. Различные идеологии предлагают собственные идеализации. К ним отнесены индивид (либерализм), Бог (консерватизм), класс (коммунизм), нация (национализм). Содержание идеологий существенно, а порой и принципиально разнится, по форме же функционирования различные идеологии предлагают схожие способы интеграции человека в социальный порядок.

Социальное бытие России: конвертация противоречий и экспорт хаоса

Социальное бытие противоречий предполагает, с одной стороны, их объективное существование в качестве объективных общественных коллизий (уровень объективных потребностей), связанных с неравномерным распределением в обществе разнообразных ресурсов. С другой — социальное бытие противоречий несет в себе субъективный компонент, связанный с осмыслением различными субъектами социума этих противоречий (уровень субъективных интересов).

Провести четкую фундированную границу между объективными и субъективными сторонами противоречий, между потребностями и интересами не представляется возможным. И объективное существование противоречий, выявляемых в процессе социального взаимодействия, и их субъективное отражение в сфере общественного сознания пребывают в диалектическом единстве. Мера объективности в позиционировании противоречий, как правило, возрастает по мере близости интерпретаторов этих противоречий к власти. Соответственно, взгляд на при-

роду и содержание социальных противоречий оппозиционных сил объявляется субъективным, поверхностным и не имеющим сущностных оснований в социальной реальности.

В этой связи показательна попытка описать противоречия с выгодной социальному субъекту стороны. В частности, В. И. Ленин представил природу, содержание и основания социальных противоречий в России начала XX века в нужном для своей революционной партии свете. Создатель первого в мире социалистического государства подверг марксизм существенной доктринальной корректировке, что обернулось расколом некогда единой Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) на большевиков и меньшевиков.

Лидер мирового пролетариата существенно скорректировал методологический подход К. Маркса к выявлению природы социальных противоречий, искусственно их нагнетая применительно к российским реалиям. Ленин особенно широко трактовал понятие «пролетариат», указав на наличие так называемого сельского пролетариата. С целью приближения пролетарской революции он также предложил конвертировать социально-экономические противоречия в политические. Ленин не по-марксистски абсолютизировал политический и агитационный факторы складывания революционной ситуации, что позволило ему обосновать острую необходимость пролетарской революции в аграрной Российской империи.

С аналогичными мотивациями сталкивается современная российская власть, для которой главной и принципиально важной задачей является процедура легализации в общественном сознании итогов грабительской приватизации общенародной собственности в 90-е гг. XX в.

Идеологическим обоснованием своеобразного экспорта хаоса, как результата конвертации экономических противоречий во внешнеполитические, послужила статья В. Ю. Суркова под названием «Куда делся хаос? Распаковка стабильности» (2021). Сурков обосновывает не просто возможность, но настоятельную необходимость нейтрализации внутренних социально-экономических противоречий посредством внешнеполитической «утилизации» этих противоречий вовне, «на чужой территории» [7].

Таким образом, основным идеологическим средством примирения широких народных масс с экономической несправедливостью распределения общенародных активов становится чрезмерная акцентировка действующей российской власти на объективно существующих внешнеполитических противоречиях России и Запада.

Выводы

Методология классического марксизма трактует социальные противоречия как объективно возникающие коллизии между эксплуататорами и эксплуатируемыми на базе несправедливого распределения ресурсов вследствие наличия отношений собственности и присвоения живого труда одних людьми другими посредством механизма прибавочной стоимости. Развал СССР и буржуазная революция августа 1991 г. не укладываются в каноны классической диалектики относительно появления нового прогрессивного синтеза на базе доминирования объективного базиса над субъективной настройкой. Объяснить феномен подмены синтеза (коммунизма) антитезисом (капитализмом) можно, признав активность идеологической надстройки по отношению к базису. Это привело к подмене социального идеала советского общества, в частности к подмене коммунизма капитализмом.

Мнимая гармонизация социальных противоречий современного капитализма выявляется в контексте структуралистского психоанализа через функциониро-

вание идеологических фантазмов. Идеологические фантазмы гармонизируют насыщенную противоречиями социальную реальность по канонам господствующих в обществе социально обусловленных вожденных представлений, соответствующих глубинным желаниям индивида.

Примирение с социальными противоречиями становится возможным посредством использования человеческой склонности мыслить абстрактно, абсолютизируя одни характеристики предмета с одновременным игнорированием других его сторон, качеств и свойств. Образованные на основе абстрагирования социальные идеализации обретают онтологический статус через процедуры социальной суггестии.

Абстракции, идеализации и социальная суггестия призваны снизить накал социальных противоречий в сознании индивида и солидаризировать граждан с неискоренимым наличием в социуме несправедливости, коллизий и разнонаправленных групповых, классовых и межгосударственных интересов. Идеализации суггестивно онтологизируются благодаря циркулированию в обществе целевых идеологических установок и посредством использования пропагандистских механизмов для их популяризации. Острота социальных противоречий в современной России нивелируется конвертацией социально-экономических противоречий во внешнеполитические, а также через механизмы так называемого экспорта хаоса, то есть выноса разрушительной социальной энергии вовне, за пределы социума.

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 2. Учение о сущности / пер. с нем. М.: Мысль, 1971. 248 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / пер. А. М. Водена. СПб.: Наука, 1993. 477 с.
3. Интервью Владимира Путина журналисту Такеру Карлсону. Стенограмма и видео // Российская газета. 2024. 9 февраля. URL: <https://rg.ru/2024/02/09/stenogramma-interviu-vladimira-putina-zhurnalistu-takeru-karlsonu.html> (дата обращения: 11.05.2024).
4. Баранов О. Славой Жижек о брендах, видеоиграх и изнанке коммунизма // Look At Me. 2013. 8 апреля. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/191353-slavoj-zizek> (дата обращения: 11.05.2024).
5. Жижек С. Как читать Лакана // Психоанализ. URL: <https://psychoanalysis.by/wp-content/uploads/2018/09/Славой-Жижек-Как-Читать-Лакана1.pdf> (дата обращения: 11.05.2023).
6. Гегель Г. В. Ф. Иенская реальная философия // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. М.: Мысль, 1970. 668 с.
7. Сурков В. Ю. Куда делся хаос? Распаковка стабильности // Актуальные комментарии. 2021. 20 ноября. URL: <https://actualcomment.ru/kuda-delsya-khaos-raspakovka-stabilnosti-2111201336.html> (дата обращения: 11.05.2024).

References

1. Hegel G.W.F. Wissenschaft der Logik. Bd. 1: Die objektive Logik. Buch 2: Die Lehre vom Wesen. Nürnberg : Johann Leonhard Schrag; 1812. 380 p. (Russ. ed.: Hegel G.W.F. Nauka logiki (in 3 vols.). Vol. 2: Uchenie o sushchnosti. Moscow: Mysl'; 1971. 248 p.).
2. Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Berlin: Verlag von Dunder und Humblot; 1840. 547 p. (Russ. ed.: Hegel G.W.F. Lektzii po filosofii istorii. St. Petersburg: Nauka; 1993. 477 p.).
3. Interview of Vladimir Putin with journalist Tucker Carlson. Transcript and video. Rossiiskaya gazeta. Feb. 09, 2024. URL: <https://rg.ru/2024/02/09/stenogramma-interviu-vladimira-putina-zhurnalistu-takeru-karlsonu.html> (accessed on 11.05.2024). (In Russ.).

4. Baranov O. Slavoj Žižek on brands, video games and the underbelly of communism. Look At Me. Apr. 08, 2013. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/people/experience/191353-slavoj-zizek> (accessed on 11.05.2024). (In Russ.).
5. Žižek S. How to read Lacan. Psychoanalysis. URL: <https://psychoanalysis.by/wp-content/uploads/2018/09/Славой-Жижек-Как-Читать-Лакана1.pdf> (accessed on 11.05.2024). (In Russ.).
6. Hegel G.W.F. Jenaer Realphilosophie: Vorlesungsmanuskripte zur Philosophie der Natur und des Geistes von 1805-1806. Hamburg: Verlag von Felix Meiner; 1969. 408 p. (Russ. ed.: Hegel G.W.F. Ienskaya real'naya filosofiya. In: Hegel G.W.F. Raboty raznykh let (in 2 vols.). Vol. 1. Moscow: Mysl'; 1970. 668 p.).
7. Surkov V.Yu. Where has the chaos gone? Unboxing stability. Aktual'nye kommentarii. Nov. 20, 2021. URL: <https://actualcomment.ru/kuda-delsya-khaos-raspakovka-stabilnosti-2111201336.html> (accessed on 11.05.2024). (In Russ.).

Информация об авторе

М. Ю. Чернавский — доктор философских наук, доцент, заведующий научной лабораторией «Анализ социальных проблем», профессор факультета социально-гуманитарных технологий; 109004, Москва, ул. Земляной Вал, д. 73.

Information about the author

M. Yu. Chernavskiy — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the scientific laboratory “Analysis of Social Problems”, Professor at the Faculty of Social and Humanitarian Technologies; 73 Zemlyanoy Val st., Moscow 109004, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 16.05.2024; одобрена после рецензирования 04.06.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 16.05.2024; approved after reviewing 04.06.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 796.01:159.9

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-186-191

О мотивации социального и жизненного успеха личности спортсмена

Каджик Мартиросович Оганян¹✉, Карина Каджиковна Оганян²

^{1, 2} Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия

¹ koganyan53@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-001-7339-7190>

² karina_oganyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9514-7002>

Аннотация. В статье утверждается, что XXI век — вершина времени, когда человек играет главенствующую роль в любых отношениях. Будущее сопряжено с появлением искусственного интеллекта, превосходящего человеческий разум, прошлое недооценивает значение каждой личности, ее капитала для жизни общества в целом. Авторами исследована мотивация социального и жизненного успеха личности спортсмена. Выявлены статусные роли, проанализированы роли, связанные с мотивами. Дано определение понятия «успех» в жизни спортсмена. В результате проведения опроса установлено, что для студентов Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья (НГУ) имени П. Ф. Лесгафта определение жизненных ценностей — одна из главных задач для достижения успеха.

Ключевые слова: мотивация, студенты, социальный успех, жизненный успех, статусные роли, спортсмен, профессия, цель, социализация

Для цитирования: Оганян К. М., Оганян К. К. О мотивации социального и жизненного успеха личности спортсмена // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 186–191. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-186-191>

Original article

On the motivation of social and life success of the athlete's personality

Kadzhih M. Oganyan¹✉, Karina K. Oganyan²

^{1, 2} Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg, Russia

¹ koganyan53@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-001-7339-7190>

² karina_oganyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9514-7002>

Abstract. The article argues that the XXI century is the pinnacle of time, when a person plays a predominant role in any relationship. The future involves the emergence of artificial intelligence that surpasses the human mind, the past underestimates the importance of each personality, its capital for the life of society as a whole. The article investigates the motivation of social and life success of the athlete's personality. Status roles are identified, roles related to motivation are analyzed. The definition of the concept of “success” in the life of an athlete is given. As a result of the survey it is established that for students of the National State University of Physical Culture, Sports and Health (NSU) named after P. F. Lesgaft the definition of life values is one of the main tasks to achieve success.

Keywords: motivation, students, social success, life success, status roles, athlete, profession, goal, socialization

For citation: Oganyan K.M., Oganyan K.K. On the motivation of social and life success of the athlete's personality. *Sociology and Law. 2024;16(2):186-191.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-186-191>

Введение

Актуальность исследования мотивации успеха личности определена отношением к человеку [1]. Человек сегодня — это не физическое тело с соответствующими потребностями, а человеческий капитал, который нуждается в осознании себя, в определении того, что он собой представляет, к чему может стремиться, а главное, чего может достичь.

В студенческой среде существует противоречие в контексте вопроса о выборе оптимального пути формирования мотивации социального и жизненного успеха, в том числе между возможностями творческой самореализации и карьерным ростом. В жизни и деятельности студентов все большую роль приобретают информационные технологии, что может напрямую влиять как на увеличение мотивации социального и жизненного успеха их личности, так и на ее снижение.

С учетом этого особое место занимают некоторые структурные элементы мотивации обучения студентов вузов, в том числе социально значимые (полезность обществу и государству, участие в развитии гражданского общества), профессиональные (получение профессии, приобретение квалификации), познавательные (расширение кругозора), статусные (отношения с преподавателями, положение в обществе) [2, с. 67–69]. Степень разработанности данного вопроса варьируется в зависимости от контекста. Значимый вклад в развитие теории мотивации внесли и российские социологи (А. И. Стронин [3], П. А. Сорокин, Н. К. Михайловский, П. А. Лавров) [4], и западные исследователи (А. Маслоу, Д. МакГрегор, Ф. Герцберг) [5].

Мотивация представляет собой потребность человека, необходимую для существования и саморазвития. Специалисты гуманитарного профиля рассматривают мотив как социальное, побуждающее действие. Чтобы раскрыть структуру мотивации, нужно выявить внутреннее мотивационное состояние: цель, интерес, желания. Мотивация связана с рядом факторов, внешних и внутренних. Выделим две характеристики в поведении человека: побудительную и регулятивную. Первая выражена в активности и направленности поведения, вторая — в гибкости и устойчивости поведения. Практический результат, достигнутый субъектом с помощью мотивации, специалисты называют уровнем притязаний, который бывает адекватным, завышенным и заниженным.

Особый интерес вызывает профессиональная мотивация в учебной деятельности студентов в вузовской среде. В частности, в наших исследованиях показано, что на первом курсе профессиональная мотивация занимает последнее место, со второго — приобретает устойчивое положение, а на пятом курсе находится на третьем месте [2]. Эти показатели свидетельствуют о росте профессиональной мотивации в процессе обучения, что способствует конкурентоспособности выпускников.

Рассматривая специфику мотивации в спорте, укажем, что проблемам мотивации уделяют внимание многие отечественные и зарубежные ученые. По мнению П. Ф. Лесгафта, мотивы составляют ядро личности, а поведение спортсмена всегда является мотивированным. Побуждающая функция мотива вызывает активизацию внутренней энергии спортсмена.

Эти аспекты находят отражение в концепции мотивации в спорте И. А. Юрова. Он применяет комплексный подход при исследовании мотивации. Мотивы должны соответствовать классу спортсмена, его возможностям и реальной ситуации. Результативность деятельности личности спортсмена зависит от уровня притязаний (повышенного или пониженного) [6]. Одновременно жизненные успехи личности спортсмена измеряются стремлением к успеху и стремлением избежать неудачи. Специалисты называют это мотивацией достижения. Из этого вытекает, что у профессиональных спортсменов ярче выражен мотив достижения успеха, чем мотив избегания неудач.

В литературе обращено внимание на то, что с увеличением потребности в достижении успеха усиливается реакция спортивной мобилизации («спортивная злость»). Данный процесс отслеживает тренер, наблюдая за динамикой развития мотивов спортсменов [7].

Общая характеристика респондентов

Задачи исследования:

- 1) определить статусные роли спортсмена;
- 2) выявить соотношение ролей с мотивами;
- 3) раскрыть сущность понимания успеха для спортсмена.

Цель исследования — показать сущность мотивации успеха спортсмена. Всего в опросе приняли участие 200 человек. Среди них — студенты разных направлений подготовки НГУ имени П. Ф. Лесгафта.

Преобладающий возраст — от 18 до 22 лет. Большинство участников опроса отнесли себя к категории «студент», 32 % — к категории «работающий студент». Гендерное различие представлено следующим образом: мужчины — 30 %, женщины — 70 %.

Гипотеза исследования заключается в том, что успех и мотивация личности связаны с набором статусных ролей. Ввиду однородности опрашиваемых групп студентов выявлено, что для мужчин статусный набор — это «сын, брат, студент» или «студент, сын, друг», для женщин — «студентка, дочь, подруга». Исходя из этого, понимание успеха у данной группы только зарождается.

Обсуждение

Мотивация рассмотрена нами как побуждение к действию для удовлетворения потребностей. Каждый вопрос базируется на четырех основах социального и жизненного успеха: материальное благополучие, социальный престиж — факторы социального успеха, семья и самосовершенствование — жизненного.

Прослеживается взаимосвязь между набором статусных ролей «дочь, подруга, студент» с выбором наиболее свободного графика со стабильной заработной платой (65 %), выбор других мотиваторов — ниже. Это объясняется тем, что выборка гендерно однородна, и российское общество не предъявляет завышенных требований к уровню заработка для женщин.

Противоположные показатели выявлены у студентов первого курса. В частности, возрастает необходимость в получении образования по выбранной профессии (40 %). Желание стабильного заработка при наличии гибкого графика работы у всех студентов связано со стремлением к самосовершенствованию.

Второй вопрос о мотивации показал наиболее полную связь со статусными ролями. Большинство студентов стремится к самосовершенствованию (70 % респондентов). Это подтверждается тем, что указанная возрастная категория

понимает, что в современном обществе конкурентное преимущество всегда будет за высококвалифицированным специалистом, который постоянно развивается, повышает свой профессионализм, стремится к гармоничному развитию своей личности. Это, безусловно, относится и к специалисту в сфере физической культуры и спорта.

Вместе с тем обеспечение семьи тоже является важным мотивирующим фактором (20 %), что может быть связано с традициями государства. Понимание мотивации как внутреннего побуждения к действию является характерным для студентов первого и второго курсов всех факультетов (60 %). Понимание мотивации как средства достижения успеха находится на втором месте по ответам (20 %). Лишь 10 % респондентов дали другое определение мотивации.

Респондентам предложено выбрать характеристики работы-мечты. На втором месте по ответам респондентов оказалась необходимость творческого подхода в работе (21 %). Если учитывать, что работа в сфере физической культуры и спорта связана с творчеством, видится логичным, что они отдают этому предпочтение. Кроме того, во время занятий спортом в мозге человека активизируются области, отвечающие за творчество и вдохновение.

В процессе исследования нами поставлены и ситуативные вопросы. Престиж высокой должности привлекает большинство студентов первого и второго курсов всех факультетов. При этом лишь половина респондентов готова пожертвовать личными интересами в угоду карьерного роста, что во многом противоречиво.

Большинство студентов утверждают, что всегда доводят начатое до конца. Это связано с развитием компетенций, которые прививают студентам в вузах. Кроме того, их будущая профессия специалиста в сфере физической культуры и спорта предполагает развитие таких качеств, как ответственность, дисциплинированность и целеустремленность. Студенты, ответившие, что они не доводят начатое дело до конца, осознают, что для выполнения цели не хватает разумной оценки нужных ресурсов.

Взаимосвязь мотивации и успеха

Каждой из трех групп предложено выбрать вариант определения успеха. По результатам исследования стало очевидным, что определение успеха варьируется между возможностью иметь семью и построением карьеры. Это объясняется тем, что в данной возрастной категории респондентов на первое место выходит развитие себя в профессии, обретение своего места в сфере физической культуры и спорта. Вследствие этого будет поставлена и реализована такая цель, как создание и обеспечение будущей семьи.

Респондентам предложен открытый вопрос о понимании сущности успеха. Это некоторые примеры их ответов. Успех — это:

- достижение поставленных целей;
- реализация во всех сферах жизни;
- самосовершенствование;
- гармония между успехами в карьере и семьей.

Выводы

1. В целом в работах отечественных и зарубежных авторов изложены различные подходы к мотивации социального и жизненного успеха личности спортсмена, исследователи предлагают их классификации по разным основаниям,

определяют элементы мотивации. Вместе с тем дальнейшее развитие социологического подхода к мотивации социального и жизненного успеха личности спортсмена требует формирования механизма такой мотивации.

2. По результатам проведенного социологического исследования можно заключить, что студенты успешно развивают в себе такие качества, как ответственность, дисциплинированность и целеустремленность. Это усиливает среди них мотивацию социального и жизненного успеха личности спортсмена.

3. Выбор основных социальных статусных ролей у опрашиваемых студентов показывает то, какая из мотиваций социального или жизненного успеха будет лидирующей для достижения поставленных целей. К тому же выделены факторы, отвечающие за социальный успех и жизненный успех.

4. Выявлено противоречие между значимостью престижа высокой должности для студентов и готовностью пожертвовать личными интересами. Не для всех опрашиваемых творческий характер в работе находится в приоритете.

5. Большинство студентов считают самосовершенствование одним из основных факторов, определяющих их мотивацию. Вместе с тем их незначительная часть отдает предпочтение обеспечению семьи как фактору мотивации.

6. Понимание спортсменами сущности успеха варьируется от достижения целей до обеспечения гармонии между карьерой и семьей.

7. Развитие мотивации социального и жизненного успеха личности спортсмена — сложная многоаспектная сфера, изучение которой будет продолжаться постоянно. Тенденция к изменению оценки значимости общественного признания как фактора развития личности, ее конкурентоспособности прослеживается в последнее десятилетие.

С учетом изложенного повышается необходимость разработки социально-психологических технологий в целях эффективного совершенствования мотивации социального и жизненного успеха личности спортсмена. Речь идет, например, о технологиях развития коммуникативных и конфликтологических компетенций мотивации социального и жизненного успеха личности.

Список источников

1. Оганян К. М., Оганян К. К. О проблеме формирования мотивации успеха: социологический и психологический подходы // Социология и право. 2021. № 1. С. 18–25. DOI: 10.35854/2219-6242-2021-1-18-25
2. Оганян К. М., Оганян К. К., Львин Ю. М. Адаптация и ценностно-нормативные конфликты в студенческой среде (социологический анализ). СПб.: Сударыня, 2005. 159 с.
3. Стронин А. И. Теория личности (по материалам рукописи): монография. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2013. 188 с.
4. Оганян К. К. Анализ теории личности в российской социологии: история и современность. М.: ИНФРА-М, 2015. 360 с.
5. Ритцер Дж. Современные социологические теории: 5-е изд. / пер. с англ. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
6. Юров И. А. Психология спортивной успешности. М.: РУСАЙНС, 2024. 178 с.
7. Гогунев Е. Н., Мартьянов Б. И. Психология физического воспитания и спорта. М.: Академия, 2000. 288 с.

References

1. Oganyan K.M., Oganyan K.K. On the problem of formation of motivation for success: Sociological and psychological approaches. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2021;(1):18-25. (In Russ.). DOI: 10.35854/2219-6242-2021-1-18-25

2. Oganyan K.M., Oganyan K.K., L'vin Yu.M. Adaptation and value-normative conflicts in the student environment (sociological analysis). St. Petersburg: Sudarynya; 2005. 159 p. (In Russ.).
3. Stronin A.I. Personality theory (based on the manuscript). Moscow: Infra-M; 2013. 188 p. (In Russ.).
4. Oganyan K.K. Analysis of personality theory in Russian sociology: History and modernity. Moscow: Infra-M; 2015. 360 p. (In Russ.).
5. Ritzer G. Contemporary sociological theory. New York, NY: McGraw-Hill Book Co.; 1992. 608 p. (Russ. ed.: Ritzer G. Sovremennye sotsiologicheskie teorii. 5th ed. St. Petersburg: Piter; 2002. 688 p.).
6. Yurov I.A. Psychology of sports success. Moscow: RuScience; 2024. 178 p. (In Russ.).
7. Gogunov E.N., Mart'yanov B.I. Psychology of physical education and sports. Moscow: Akademiya; 2000. 288 p. (In Russ.).

Информация об авторах

К. М. Оганян — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин имени В. У. Агеевца; 190121, Санкт-Петербург, Декабристов ул., д. 35;

К. К. Оганян — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин имени В. У. Агеевца; 190121, Санкт-Петербург, Декабристов ул., д. 35.

Information about the authors

K. M. Oganyan — Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines named after V. U. Ageevts; 35 Dekabristov st., St. Petersburg 190121, Russia;

K. K. Oganyan — Doctor of Philosophy, Associate Professor, professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines named after V. U. Ageevts; 35 Dekabristov st., St. Petersburg 190121, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 22.12.2023; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 316.354

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-192-201

Специфика женского стиля управления

Ирина Александровна Юмашева^{1✉}, Татьяна Сергеевна Афанасьева²

¹ Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ irma8715@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1746-0164>

² tafanasy@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыт вопрос о специфике женского стиля управления в современном социуме. Рассмотрены барьеры развития женского лидерства, а также описаны преимущества женского управления. Представлены результаты проведенного исследования специфики женского стиля управления. На его основе авторами определены перспективы развития женского стиля управления и изменения роли женщины в современном мире.

Ключевые слова: женский стиль управления, лидерство, социум, стереотипы и предрассудки, барьеры развития женского лидерства, преимущества женского лидерства

Для цитирования: Юмашева И. А., Афанасьева Т. С. Специфика женского стиля управления // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 192–201. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-192-201>

Original article

The specifics of women's management style

Irina A. Yumasheva^{1✉}, Tatyana S. Afanasyeva²

¹ North-Western Institute of Management — branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ irma8715@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-1746-0164>

² tafanasy@yandex.ru

Abstract. The article reveals the issue of the specificity of women's management style in modern society. The barriers to the development of women's leadership are considered, and the advantages of women's management are described. The results of the conducted research on the specifics of women's management style are presented. On its basis the authors define the prospects for the development of women's management style and changes in the role of women in the modern world.

Keywords: women's management style, leadership, society, stereotypes and prejudices, barriers to the development of women's leadership, advantages of women's leadership

For citation: Yumasheva I.A., Afanasyeva T.S. The specifics of women's management style. *Sociology and Law*. 2024;16(2):192-201. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-192-201>

© Юмашева И. А., Афанасьева Т. С., 2024

Введение

В современной управленческой науке по-прежнему остается дискуссионным вопрос о специфике женского стиля управления. При рассмотрении определения понятия «женский стиль управления» среди основных специфических характеристик исследователи выделяют такие, как усиление «мягких качеств», демократичность в командной работе, «понимающее управление», более качественная и эффективная коммуникация, ряд других [1, с. 26].

На наш взгляд, для понимания сущности и специфики исследуемой проблематики необходимо обратиться к истории формирования и развития «женского управления». Его история берет начало еще в Древнем мире, когда женщины не просто выступали в роли «советниц» мужей-правителей, но и занимали ведущие управленческие должности в государственной иерархии. Приведем несколько исторических примеров [1, с. 88].

1. Широко известна царица Томирис (570–520 гг. до н.э.), которой удалось не только объединить и укрепить степные племена саков-массагетов, но и одержать победу в борьбе за свободу степных народов над персидским царем Киром II.

2. В истории Древнего Египта времена правления женщины-фараона Хатшепсут ознаменованы окончанием восстановления Египта после нашествий, расцветом торговли, культуры и строительством уникальных храмов и памятников, экспедицией по освоению территорий в Восточной Африке. Хатшепсут охарактеризована современниками как очень образованная, глубоко понимающая религию и интересы государства правительница.

3. В Индии пятой повелительницей Делийского султаната была Разия Султан (1236–1240), которую историки-современники описывают как справедливую, благодетельную покровительницу ученых, творящую правосудие, заботящуюся о подданных, обладающую военным талантом и наделенную всеми замечательными качествами и свойствами, необходимыми правителю.

4. Жанна д'Арк, Екатерина Великая, Индира Ганди, Маргарет Тэтчер — это далеко не полный ряд имен женщин-лидеров, глобально изменивших не только ситуацию в своем государстве, но и общемировую политическую арену.

И в современном мире женщины занимают лидерские позиции, становятся президентами, директорами крупных компаний и концернов, видными общественными деятелями и т. д. Несмотря на неопровержимые достижения женского управления и наблюдающийся прогресс в понимании и восприятии роли женщины, в целом женское лидерство до сих пор сталкивается с дискриминацией, стереотипизацией и социальным неравенством [2, с. 38]. Какие барьеры в современном социуме препятствуют развитию женского управления, достижению женщинами высоких позиций и главных социально-политических ролей?

Один из базовых фундаментальных барьеров — стереотипы и социальные предрассудки относительно роли женщины в обществе. В современном социуме широко распространен стереотип «женщина-мать», которая должна только воспитывать детей и обеспечивать домашний уют [3, с. 6]. Особенно стоит обратить внимание на то, что по-прежнему относительно роли женщин наиболее активными гендерными и социальными стереотипами являются установки «женщина — слабый пол», «женщина-болтушка», «женщина боится всего вокруг». Среди предрассудков к наиболее популярным и глубоко укоренившимся относятся следующие:

- женщина по умолчанию любит детей и животных;
- женщина работает хуже, чем мужчина;

- женщина трусливее мужчины;
- женщин в мире больше, чем мужчин;
- женщина хуже приспособлена к жизни;
- женщины живут дольше мужчин;
- моногамный брак придумали женщины и др.

Существенным барьером в процессе развития женского лидерства является дискриминация на рабочем месте, которая может быть выражена в неравенстве доступа к ряду ресурсов, несправедливом оценивании способностей к выполнению сложных задач, ограничении доступа к определенным профессиям/должностям, отказе в получении возможностей профессионального и карьерного роста и др. Среди барьеров, препятствующих развитию женского управления, выделяют недостаток/отсутствие поддержки и наставничества в преимущественно мужском рабочем коллективе, неравенство в оплате труда за аналогичные по сложности и объему обязанности, дискриминацию при найме на работу.

Тем не менее женское управление как явление активно развивается и на современном этапе имеет целый ряд очевидных преимуществ и специфических характеристик. Женское управление или женское лидерство представляет собой явление, при котором руководящие роли женщины выполняют для достижения общих целей социума. Уникальность данного явления заключается в том, что женское лидерство основано на высоком эмоциональном интеллекте, социальной ответственности и стремлении к сотрудничеству ввиду эволюционно сложившейся природы женщины как «созидательницы и хранительницы очага, обеспечивающей не только благополучие всех причастных, но и стратегическое успешное развитие рода» [4, с. 72].

Женский стиль управления характеризуется более широким разнообразием форм, методов и высокой склонностью к инновациям разных типов, что обусловлено уникальным социальным опытом и особенностями процесса женского мышления. Вариативность женского мышления и диверсификация подходов к решению сложных задач обеспечивает высокую инновационность «женского» типа управления и креативность в решении проблем и формировании новых стратегий женщинами-лидерами [5, с. 119].

Кроме того, в современной психологической науке проведен ряд исследований, в ходе которых доказано, что в целом женщины обладают более высоким эмоциональным интеллектом и что именно этот фактор объясняет способность к более эффективному пониманию, управлению «собственными и окружающими» эмоциями, установлению высокоэффективной всесторонней коммуникации, созданию благоприятной рабочей атмосферы, а также недопущению/разрешению конфликтов. Среди специфических характеристик «женского управления» современные исследователи и практики выделяют и высокую эмпатичность, стремление к созданию гармоничной окружающей среды для всех сотрудников, что способствует повышению трудовой и жизненной мотивации, эффективности работы коллектива [6, с. 47].

Материалы и методы

В рамках исследования специфики женского стиля управления нами проведен опрос, в котором участвовали 250 респондентов. Гендерный состав участников представлен следующим образом: 125 женщин и 125 мужчин в возрасте от 28 до 50 лет, как показано на рисунке 1. Опрос проведен в онлайн-формате с применением Google-форм, на основе опроса в социальной сети «ВКонтакте», а также рассылки по электронной почте.

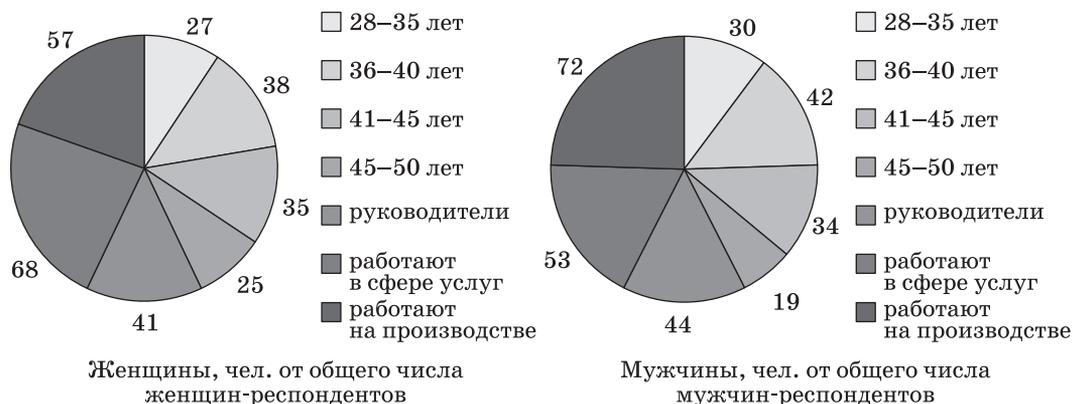

Рис. 1. Гендерно-социальная характеристика респондентов
 Fig. 1. Gender and social characteristics of respondents

Среди женщин-респондентов 41 человек от общего числа опрошенных занимают руководящие должности, 35 — работают в сфере услуг, 25 — на производстве. Среди мужчин-респондентов 44 человека от общего числа опрошенных занимают руководящие должности, 53 — работают в сфере услуг, 72 — на производстве. Распределение по возрастным категориям среди респондентов-мужчин и респондентов-женщин имеет незначительное количественное различие, что подтверждается данными, приведенными на рисунке 1. В процессе опроса сформулирован ряд вопросов, которые отражены в таблице 1.

Результаты

Проведенный опрос позволил сформировать характеристику восприятия «женского» стиля управления современным обществом.

Результаты ответов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением “женщина-руководитель — это социальная норма”?» представлены на рисунке 2.

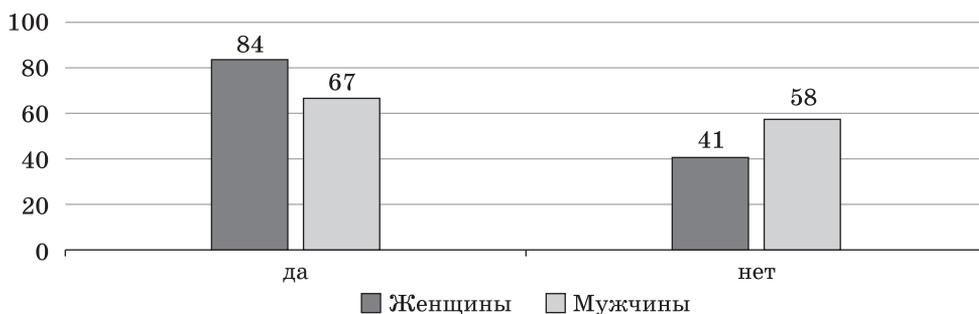

Рис. 2. Результаты ответов респондентов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением “женщина-руководитель — это социальная норма”?», чел.

Fig. 2. Results of respondents' answers to the question “Do you agree with the statement that a woman manager is a social norm?”, number of respondents

Как видно на рисунке 2, согласие с мнением о том, что в современном обществе роль «женщины-руководителя» является социальной нормой, выразили 84 опрошенных женщины и 67 респондентов-мужчин. Не согласны с этим

Таблица 1

**Состав анкеты опроса респондентов в рамках исследования специфики
женского стиля управления**

Table 1. Composition of the questionnaire of the respondents' survey within the framework
of the research on the specifics of women's leadership style

Вопрос	Вариант ответа	
1. Ваш возраст, лет: 28–35 36–40 41–45 46–50		
2. Пол: женщина		
мужчина		
3. Вы работаете: сфера услуг		
производство		
<i>Основные вопросы</i>	Да	Нет
4. Согласны ли Вы с утверждением «женщина-руководитель — это социальная норма»?		
5. Согласны ли Вы с утверждением «женщина-руководитель более склонна к общению с подчиненными»?		
6. Согласны ли Вы с утверждением «женщина-руководитель действует мягче в управлении коллективом, чем мужчина-руководитель»?		
7. Согласны ли Вы с утверждением о том, что женщинам и мужчинам предоставлены равные возможности в карьерном и профессиональном росте?		
8. Согласны ли Вы с мнением о том, что женщина-руководитель более склонна к инновациям и креативности в управлении коллективом и рабочими процессами?		
9. Какие черты характерны для женщины-руководителя? (укажите пять характеристик)	Вариант ответа	
10. Какие черты характерны для мужчины-руководителя? (укажите пять характеристик)	Вариант ответа	

утверждением 41 опрошенная женщина и 58 респондентов-мужчин. При этом среди респондентов-мужчин положительное восприятие социальной нормы женщины-руководителя прежде всего прослеживается у мужчин, занимающих руководящие должности (35 человек из опрошенных 44 «мужчин-руководителей»), и мужчин, работающих в сфере услуг (32 человека из 53, работающих в этой сфере). Мужчины-респонденты, работающие в производственной сфере, дали однозначно отрицательный ответ. Среди респондентов-женщин ответы распределены следующим образом: согласны с утверждением все опрошенные женщины-руководители (41 человек), 28 женщин-респондентов, работающих в сфере услуг (из 35 опрошенных женщин этой категории), 12 женщин-респондентов, работающих в сфере производства (из 25 опрошенных женщин этой категории).

Следовательно, на основе полученных результатов можно заключить, что в восприятии современного общества сохраняются позиции гендерного подхода в восприятии роли женщин-руководителей не только среди мужчин, но и среди женщин. Это свидетельствует об устойчивости целого ряда гендерных стереотипов: «женщины не созданы управлять», «женщины работают хуже, чем мужчины», «основная роль женщины — женщина-мать и жена» и др.

Результаты ответов на вопрос о том, согласны ли Вы с утверждением «женщина-руководитель более склонна к общению с подчиненными», приведены на рисунке 3.

Рис. 3. Результаты ответов респондентов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением “женщина-руководитель более склонна к общению с подчиненными”?», чел.

Fig. 3. Results of respondents' answers to the question “Do you agree with the statement that a female manager is more inclined to communicate with her subordinates?”, number of respondents

Анализ ситуации по итогам ответов на данный вопрос показал, что среди женщин-респондентов 88 человек согласны с большей склонностью женщины-руководителя к коммуникации с подчиненными. Среди мужчин-респондентов с этим утверждением выразили согласие 72 человека. Несогласие с предложенным утверждением показали 37 респондентов-женщин и 53 респондента-мужчины. Из числа мужчин-респондентов согласны с указанным утверждением не только мужчины, работающие в сфере услуг, но и часть мужчин, занятых в производственной сфере. Подобная ситуация распределения ответов наблюдается среди респондентов-женщин.

Полученные ответы респондентов свидетельствуют о том, что 64 % от общего количества опрошенных подтверждают более высокую склонность женщин-руководителей к коммуникации с подчиненными как специфическую черту «женского» стиля управления.

В ходе опроса всем респондентам задан вопрос о предоставлении равных возможностей женщинам и мужчинам в карьерном и профессиональном росте. Распределение ответов на этот вопрос представлено на рисунке 4. Ответы на указанный вопрос говорят о том, что наибольшее согласие с данным утверждением выразили респонденты-мужчины (71 человек от общего числа этой категории).

При этом женщины-респонденты в большинстве не согласны с указанным утверждением (78 женщин-респондентов от общего количества этой категории). Соответственно, распределение ответов в итоге свидетельствует о наличии тенденции распространения в современном российском обществе мнения о неравенстве предоставления возможностей в карьерном и профессиональном росте мужчинам и женщинам. Такое мнение зачастую является отражением сугубо личной

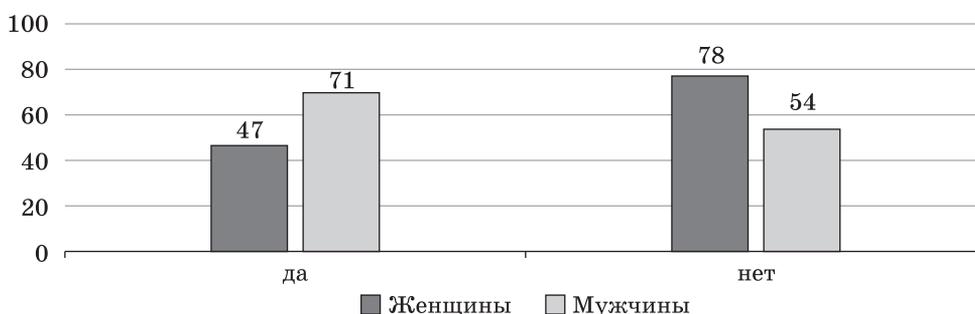

Рис. 4. Результаты ответов респондентов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением о том, что женщинам и мужчинам представлены равные возможности в карьерном и профессиональном росте?», чел.

Fig. 4. Results of respondents' answers to the question "Do you agree with the statement that women and men have equal opportunities in career and professional growth?", number of respondents

позицией человека, который либо не владеет информацией относительно данного вопроса, либо выражает сугубо стереотипизированное мнение без практического жизненно обоснованного подтверждения.

Анализ ответов на восприятие утверждения о том, что «женщина-руководитель более склонна к инновациям и креативности в управлении коллективом и рабочими процессами», находит отражение на рисунке 5.

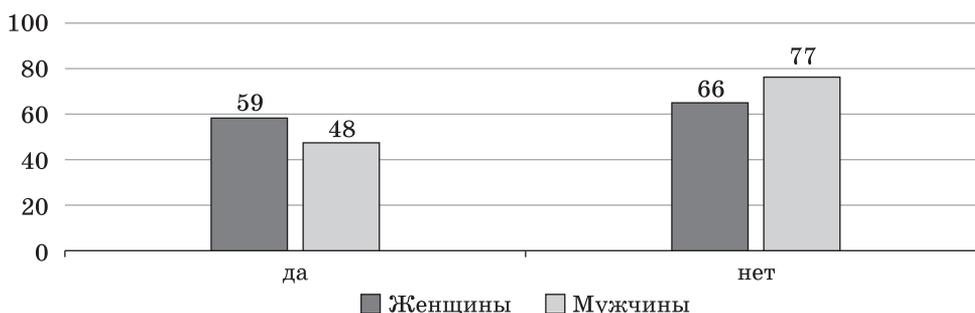

Рис. 5. Результаты ответов респондентов на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением о том, что женщина-руководитель более склонна к инновациям и креативности в управлении коллективом и рабочими процессами?», чел.

Fig. 5. Results of respondents' answers to the question "Do you agree with the statement that a female manager is more inclined to innovations and creativity in managing the team and work processes?", number of respondents

Ответы на рассматриваемый вопрос распределены следующим образом: согласны с утверждением 59 женщин-респондентов и 48 мужчин-респондентов от общего числа опрошенных в каждой категории; не согласны 66 женщин-респондентов и 77 мужчин-респондентов. Представленные ответы свидетельствуют о том, что 42,8 % от общего числа опрошенных женщин и мужчин (с незначительным перевесом в пользу мужчин-респондентов) выражают мнение о большей склонности женщины-руководителя к инновациям и креативности в управлении коллективом и рабочими процессами. 57,2 % от общего количества опрошенных мужчин и женщин считают данное утверждение не соответствующим действительности.

С целью выявления специфических характеристик женщин-руководителей и мужчин-руководителей предложен вопрос с открытым ответом для обеспечения свободы мнения респондентов. Результаты ответов на такой вопрос представлены на рисунках 6 и 7.

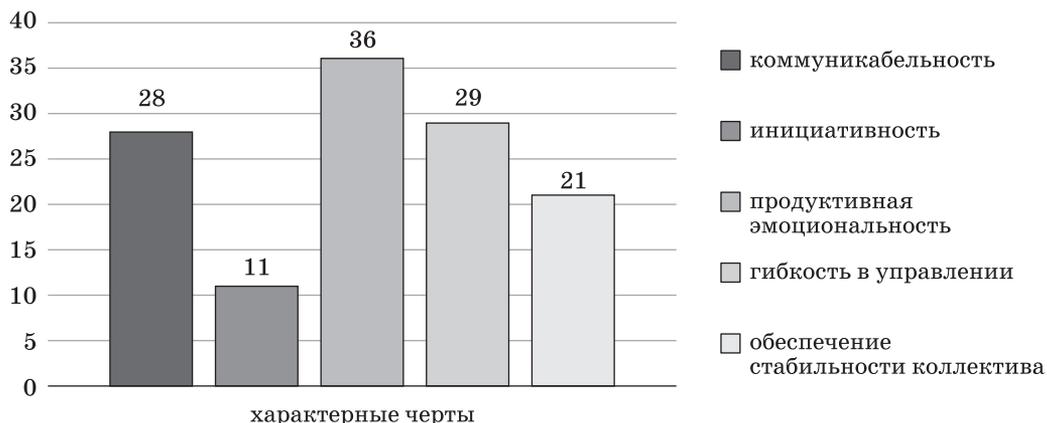

Рис. 6. Результаты ответов женщин-респондентов о специфических чертах женского стиля управления, чел.

Fig. 6. Results of female respondents' answers about specific features of female management style, number of respondents

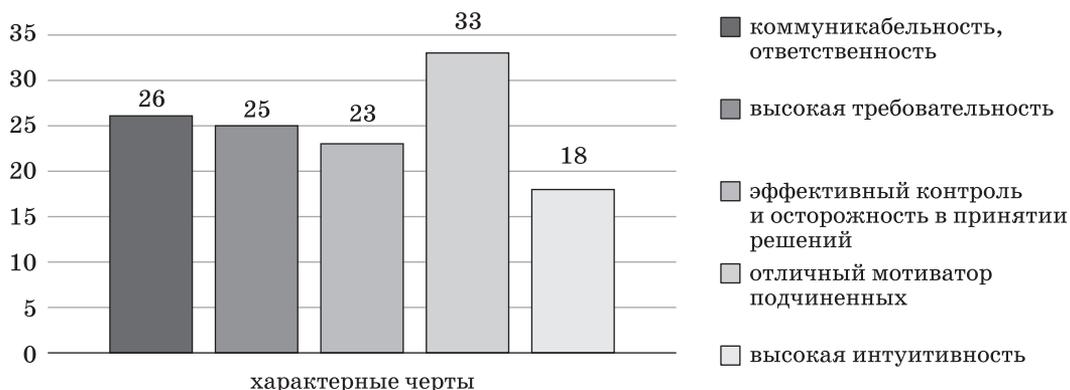

Рис. 7. Результаты ответов мужчин-респондентов о специфических чертах женского стиля управления, чел.

Fig. 7. Results of male respondents' answers about specific features of female management style, number of respondents

На рисунках 6 и 7 отражены представленные чаще всего ответы респондентов. Их анализ позволил выявить наиболее характерные черты женщин-руководителей. Так, респонденты-женщины специфическими чертами женского управления считают продуктивную эмоциональность, гибкость, коммуникабельность, обеспечение стабильности коллектива и инициативность. Мужчины-респонденты к основным специфическим характеристикам женского стиля руководства относят высокие мотивационные качества, коммуникабельность и ответственность, высокую требовательность, эффективность контроля и осторожность в принятии решений, высокую интуитивность в управлении коллективом и при взаимодействии с руководством.

Обсуждение

На основе результатов исследования сформулированы перспективы развития женского стиля управления и изменения роли женщины с учетом наблюдающихся тенденций в современном российском обществе. Одна из ключевых перспектив развития женского стиля управления — эффективное и качественное развитие женской модели лидерства, что обусловлено усилением позиции женщины-руководителя в современном обществе и гуманизацией общего подхода к управлению.

Кроме того, в современном обществе прослеживается ориентация на усиление качественно высокого морально-нравственного управления с одновременным повышением интерактивности коммуникаций на всех уровнях менеджмента. Это также свидетельствует об укреплении позиций и дальнейшем развитии женского управления, поскольку, по мнению исследователей, психологов и социологов, данные качества присущи прежде всего женщине-руководителю. Обнаружена и тенденция к развитию комбинированного стиля управления среди женщин-руководителей, в рамках которого женский менеджмент осваивает «мужские черты», такие как директивность, требовательность, жесткость в принятии решений и др.

Выводы

Таким образом, в современном обществе, с одной стороны, наблюдается ситуация «стеклянного потолка», при которой женщина-руководитель сталкивается с «невидимыми», интуитивно ощущаемыми, но реальными преградами и препятствиями в реализации тактического и стратегического менеджмента в эффективных условиях окружающей действительности. С другой — необходимо констатировать усиление как государственной, так и внутриорганизационной политики равных возможностей женского и мужского лидерства в управлении. Это подтверждается реализацией целого ряда государственных, межотраслевых, внутрикорпоративных программ и проектов по развитию не только женского лидерства, но и обеспечению равных возможностей использования «социального и профессионального лифта» как перспективного социального института изменения и качественного повышения социального статуса и для женщин, и для мужчин в равной степени.

Список источников

1. *Берн Ш.* Гендерная психология / пер. с англ. СПб.: Прайм-Евронек, 2021. 320 с.
2. *Лидеры об управлении. Разговор начистоту* / под ред. М. Эшби, С. Майлз; пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2006. 320 с.
3. *Гололобова Т. М.* Особенности женского стиля управления компаниями // Вестник университета (Государственный университет управления). 2021. № 12. С. 5–9. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-12-5-9
4. *Шейн Э. Х.* Организационная культура и лидерство / пер. с англ. СПб.: Питер, 2021. 172 с.
5. *Гоулман Д., Бояцис Р., МакКи Э.* Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 301 с.
6. *Чечурова Ю. Ю.* Индивидуально-личностные особенности стиля управления женщин руководителей // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 44–53.

References

1. Burn Sh.M. The social psychology of gender. New York, NY: McGraw-Hill Humanities; 1995. 233 p. (Russ. ed.: Burn Sh. Gendernaya psikhologiya. St. Petersburg: Praim-Evroznak; 2021. 320 p.).
2. Ashby M.D., Miles S.A., eds. Leaders talk leadership: Top executives speak their minds. Oxford, New York: Oxford University Press; 2002. 288 p. (Russ. ed.: Ashby M.D., Miles S.A., eds. Lideriy ob upravlenii. Razgovor nachistotu. Moscow: Olymp-Business; 2006. 320 p.).
3. Gololobova T.M. Features of a woman's style of company management. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2021;(12):5-9. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2021-12-5-9
4. Schein E.H. Organizational culture and leadership. San Francisco, CA: Jossey-Bass Publ.; 2010. 464 p. (Russ. ed.: Schein E.H. Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo. St. Petersburg: Piter; 2021. 172 p.).
5. Goleman D., Boyatzis R.E., McKee A. Primal leadership: Learning to lead with emotional intelligence. Boston, MA: Harvard Business Press; 2004. 327 p. (Russ. ed.: Goleman D., Boyatzis R., McKee A. Emotsional'noe liderstvo. Iskusstvo upravleniya lyud'mi na osnove emotsional'nogo intellekta. Moscow: Alpina Publisher; 2019. 301 p.).
6. Chechurova Yu.Yu. Individual-personal characteristics of the leadership style of women managers. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki = Vestnik of Tver State Technical University. Series: Social Sciences and Humanities*. 2020;(1):44-53. (In Russ.).

Информация об авторах

И. А. Юмашева — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций; 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О. д. 57/43;

Т. С. Афанасьева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры медиакоммуникаций и рекламы; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

I. A. Yumasheva — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Journalism and Media Communications; 57/43 Sredniy Ave. V.O., St. Petersburg 199178, Russia;

T. S. Afanasyeva — PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Media Communications and Advertising; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 21.03.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 21.03.2024; approved after reviewing 24.04.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 304.44

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-202-213

Обобщенное доверие в современном китайском обществе

Петр Михайлович Федоров^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет), Санкт-Петербург, Россия,

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, 263816@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5427-2763>

Аннотация. Статья посвящена изучению факторов динамики обобщенного доверия в культуре современного китайского общества. Обосновано использование данных кросс-культурных исследований для раскрытия содержания понятия обобщенного доверия и его структуры в различных национальных культурах. Для более полного понимания результатов социологических исследований межличностного доверия в Китае предложена их интерпретация при помощи понятия «доверие, основанное на отношениях», отражающего специфику китайского феномена доверительных отношений, как персонализированной, аффективной, инструментальной социальной связи. Цель исследования — разработка концептуальной модели обобщенного доверия в современной культуре Китая и оценка возможности использования данных кросс-культурных социологических исследований обобщенного доверия для раскрытия содержания понятия «доверие» в различных национальных культурах, изучения социальных установок доверия. Новизна результатов исследования состоит в аргументированном обосновании интерпретации концепции межличностного доверия в современной культуре Китая при помощи понятия «основанное на отношениях доверие», а также в обосновании актуальности применения данных кросс-культурных социологических исследований обобщенного доверия для раскрытия содержания понятия обобщенного доверия и его структуры в различных национальных культурах.

Ключевые слова: культура доверия, обобщенное доверие, межличностное доверие, китайское общество, кросс-культурные исследования

Для цитирования: Федоров П. М. Обобщенное доверие в современном китайском обществе // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 202–213. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-202-213>

Original article

Generalized trust in modern Chinese society

Petr M. Fedorov^{1, 2}

¹ Saint-Petersburg State Institute of Technology, St. Petersburg, Russia,

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia, 263816@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5427-2763>

Abstract. The article is focused on the study of the factors of generalized trust in modern Chinese society. The use of cross-cultural research data to reveal the content of the concept of generalized trust and its structure in different national cultures is justified. For a more complete understanding of the results of sociological studies of interpersonal trust in China, their interpretation is proposed using the concept of “relationship-based trust”, reflecting the specificity of the Chinese phenomenon of trusting relationships as a personalized, affect-

© Федоров П. М., 2024

tive, instrumental social bond. The purpose of the study is to develop a conceptual model of generalized trust in contemporary Chinese culture and to assess the possibility of using the data of cross-cultural sociological studies of generalized trust to reveal the content of the concept of “trust” in different national cultures, to study the social attitudes of trust. The novelty of the research results consists in the reasoned justification of the interpretation of the concept of interpersonal trust in the modern culture of China by means of the concept of “relationship-based trust”, as well as in the justification of the relevance of the application of the data of cross-cultural sociological research of generalized trust to reveal the content of the concept of generalized trust and its structure in different national cultures.

Keywords: trust culture, generalized trust, interpersonal trust, Chinese society, cross-cultural research

For citation: Fedorov P.M. Generalized trust in modern Chinese society. *Sociology and Law. 2024;16(2):202-213.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-202-213>

Введение

Современные российско-китайские отношения в сфере экономики и политики достигли беспрецедентно высокого уровня и продолжают развиваться. Об этом свидетельствуют как заявления представителей Правительства [1], так и объективные экономические показатели: по данным Главного таможенного управления Китайской Народной Республики (КНР), товарооборот Китая с Россией в 2023 г. достиг рекордных \$240,11 млрд, увеличившись на 26,3 % [2]. Расширение международного экономического сотрудничества актуализирует исследование кросс-культурного взаимодействия в деловой сфере, вопросов взаимопонимания культур разных стран. Тем более что в сферах бизнеса и политики понимание детерминирующих поведение партнера культурных паттернов дает преимущество.

В исследующей межличностное доверие социологической теории принято выделять обобщенное доверие, то есть доверие людям в целом, независимо от того, являются ли эти люди в отношении респондента его родственниками, знакомыми, и партикуляризированное доверие — доверие людям, которых респондент знает лично. Работы таких исследователей, как Ф. Фукуяма, Р. Инглхарт, К. Вельцель, связывают уровень обобщенного доверия с уровнем жизни в стране, социальным благополучием, эффективностью работы социальных, политических институтов. Вместе с тем остаются актуальными вопросы методологии кросс-культурных исследований обобщенного доверия и понимания факторов динамики обобщенного доверия в национальных культурах.

Актуальность исследования обусловлена недостаточностью теоретического осмысления концепции доверия в современной культуре Китая. Новизна результатов исследования состоит в аргументированном обосновании интерпретации концепции межличностного доверия в современной культуре Китая при помощи понятия «основанное на отношениях доверие», а также в обосновании актуальности использования данных кросс-культурных социологических исследований обобщенного доверия для раскрытия содержания понятия обобщенного доверия и его структуры в различных национальных культурах.

Материалы и методы

Принятая в кросс-культурных исследовательских проектах изучения социальных установок и ценностей (таких как Всемирное исследование ценностей / World Values Survey, WVS) операционализация обобщенного доверия основана на методике, предложенной в 1957 г. М. Розенбергом в книге «Профессии и ценности».

В ней обобщенное доверие оценено через установки доверия в отношении различных социальных объектов. Открытый доступ к данным исследования WVS и его масштаб (около 400 тыс. интервью в 100 странах мира с 1981 г. по настоящее время) сформировали традицию изучения обобщенного доверия при помощи вопросов о доверии. Так, в опроснике Всемирного исследования ценностей содержится следующая формулировка (WVS, вопрос № 57): «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или надо быть очень осторожным в отношениях с людьми?». У современных исследователей возникают обоснованные сомнения относительно валидности такого метода изучения доверия, поскольку, отвечая на вопрос о том, можно ли доверять большинству людей, респондент демонстрирует в большей степени свои социальные установки в отношении доверия, чем доверие как таковое. В частности, Ю. В. Веселов, Н. Г. Скворцов пишут, что эти процедуры операционализации доверия позволяют измерить не реальный его уровень, но лишь мнение людей о доверии [3, с. 157].

В целом, соглашаясь с оценкой авторов, стоит указать, что использование данных кросс-культурных исследований обобщенного доверия, построенных на подобной операционализации, оказывается актуальным, но не для оценки уровня обобщенного доверия, а для раскрытия содержания понятия обобщенного доверия и его структуры в различных национальных культурах. Изучение социальных установок в отношении различных ин-групп (семья, знакомые), аут-групп (люди другой веры, другой национальности) позволяет раскрыть комплексную структуру объекта социальной установки, в частности обобщенного доверия.

Как теоретический, так и практический интерес представляет проверка степени, в которой концептуальные модели обобщенного доверия, «работающие» в рамках одной культуры, актуальны для другой культуры. Например, интерпретация ответов на вопрос о «доверии большинству людей», отражающая установки обобщенного доверия, то есть доверия по отношению к людям вообще, обусловлена решением двух проблем:

- радиус доверия, то есть содержание категории «большинство людей», может различаться в национальных культурах;
- в национальных культурах понятия «доверие большинству людей» и «осторожность в отношениях с людьми» могут быть наполнены различным смыслом.

Чжай Сюэвэй (факультет социальных и поведенческих наук Нанкинского университета, Китай) утверждает, что проблема, с которой в настоящее время сталкиваются китайские ученые, изучающие обобщенное доверие, состоит в использовании западных моделей доверия, сформированных западной культурой, без критической рефлексии того, что приведенные модели также являются своего рода культурным феноменом. В этом вопросе японские ученые (например, Т. Ямагиши) действуют более последовательно, разрабатывая теорию обобщенного доверия на основе изучения японской культуры. Поясняя этот тезис, Чжай Сюэвэй описывает шкалу измерения социальной установки доверия в китайском обществе следующим образом: «линия доверия» китайцев начинается с искренности (чэнг “诚”), затем переходит в доброжелательность (жен-ай 仁爱), продолжается к верности (синьйи 信义) и, наконец, обращается в свою противоположность — предательство (бейсинцийи 背信弃义) [4, с. 1].

Обратимся к данным седьмой волны Всемирного исследования ценностей, отраженным на рисунке 1. Данная диаграмма демонстрирует относительно высокий уровень обобщенного доверия в Китае. Но прямое сравнение уровня декларируемого респондентами из Китая обобщенного доверия с аналогичным уровнем для выборок из других стран будет не совсем корректным.

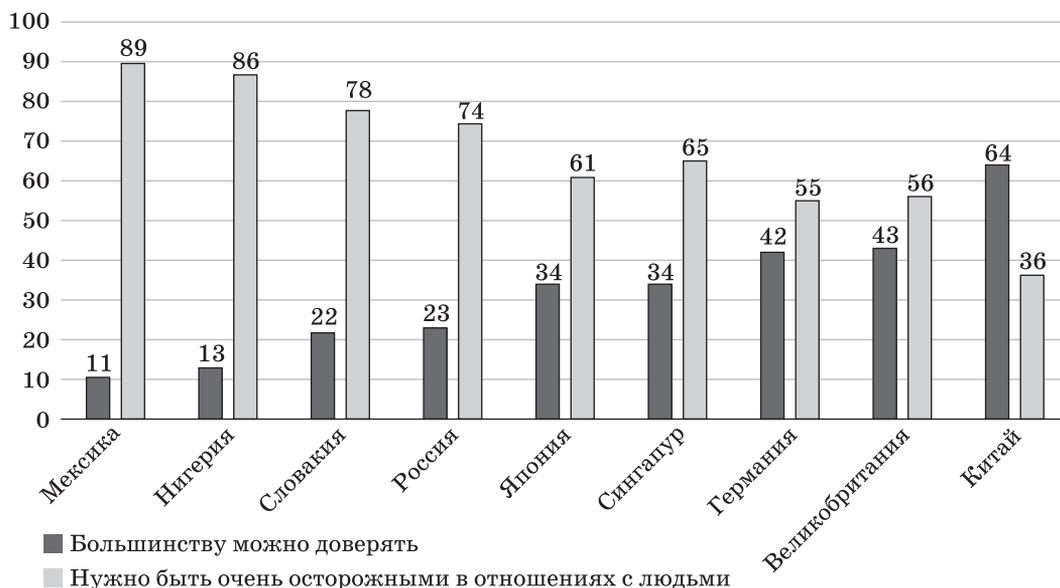

Рис. 1. Ответы на вопрос № 57 Всемирного исследования ценностей, %
 Fig. 1. Responses to question No. 57 of the World Values Survey, %

Построение диаграмм перекрестного распределения ответов на вопросы «Если говорить в целом, Вы считаете, что большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?» и «Скажите, Вы полностью доверяете, в некоторой степени доверяете, не очень доверяете или совсем не доверяете людям, с которыми Вы встречаетесь в первый раз?» говорит о различиях в содержании установок обобщенного доверия в культурах разных стран, как показано на рисунках 2, 3 и 4.

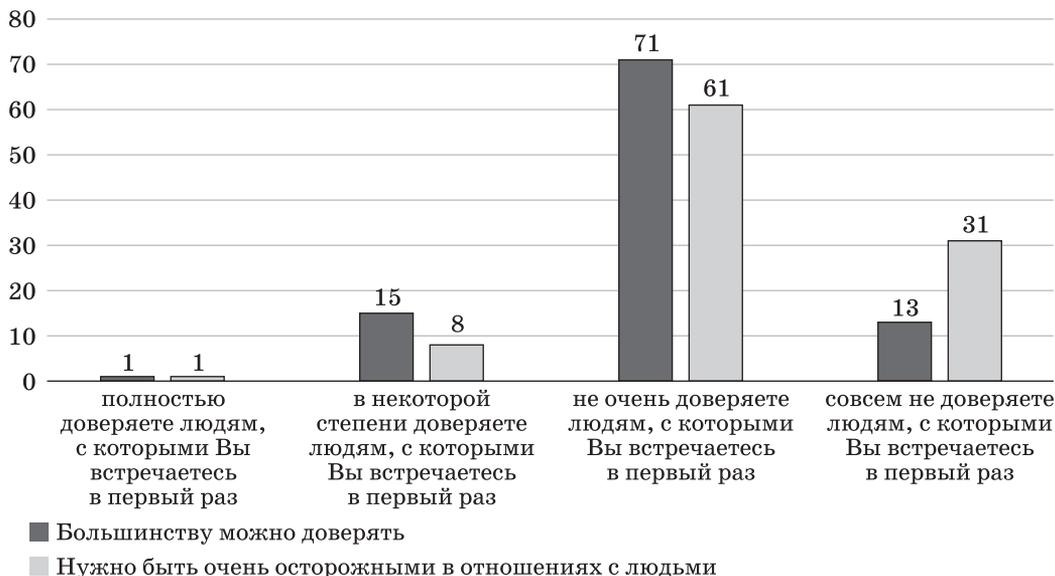

Рис. 2. Перекрестное распределение ответов на вопросы № 57 и № 61 в Китае, %
 Fig. 2. Cross-cultural distribution of responses to questions No. 57 and No. 61 in China, %

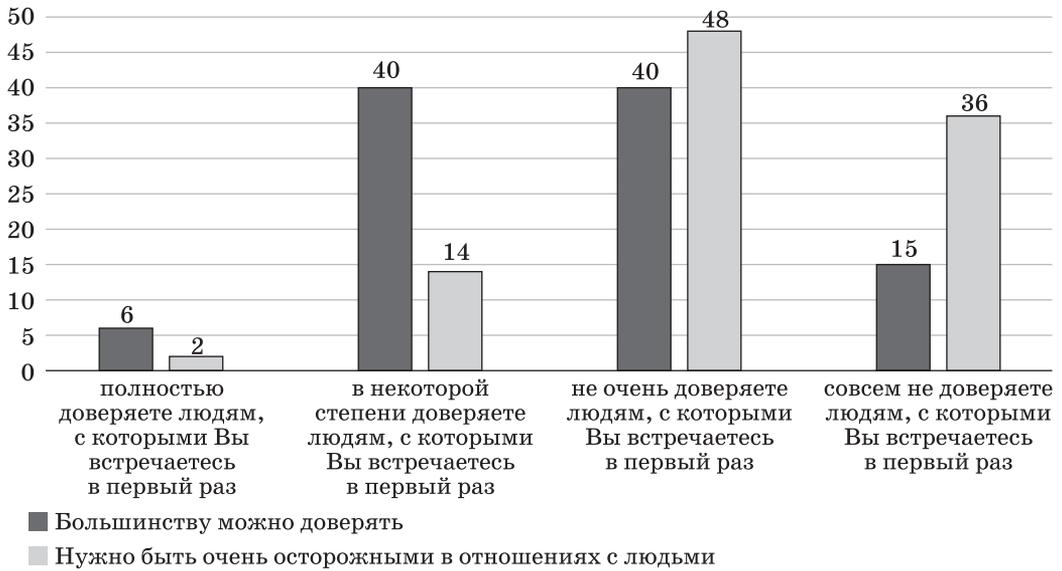

Рис. 3. Перекрестное распределение ответов на вопросы № 57 и № 61 в России, %
 Fig. 3. Cross distribution of answers to questions No. 57 and No. 61 in Russia, %

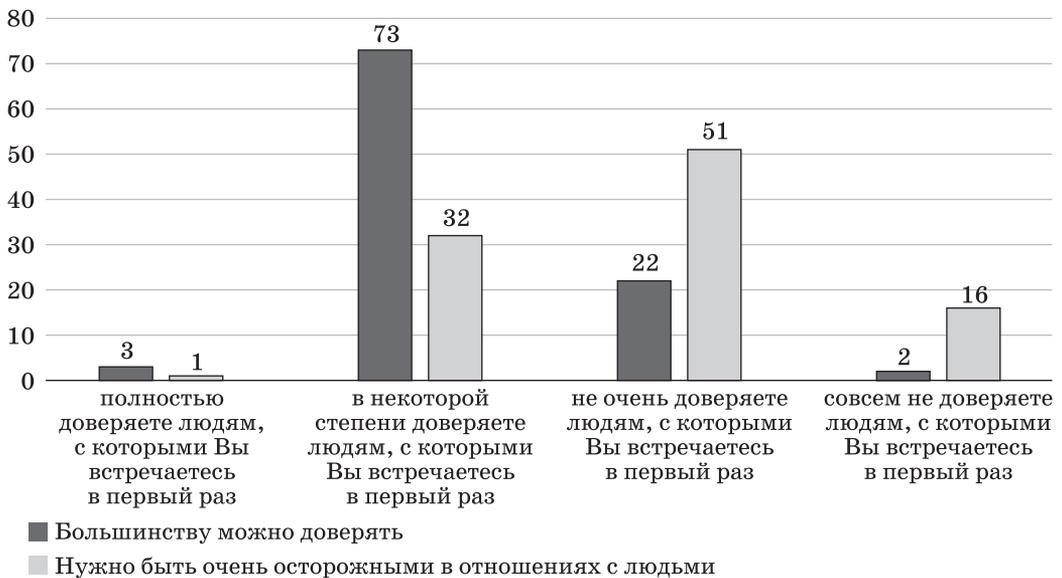

Рис. 4. Перекрестное распределение ответов на вопросы № 57 и № 61 в Великобритании, %
 Fig. 4. Cross distribution of answers to questions No. 57 and No. 61 in Great Britain, %

Доля респондентов, считающих что «большинству людей можно доверять» и при этом не очень доверяющих «людям, с которыми встретились первый раз», в британской выборке WVS составляет 22 %, российской — 40 %, а в китайском сегменте исследования таких респондентов — 71 %.

Одно из объяснений этого феномена — более узкий радиус доверия, определяемый Ф. Фукуямой как «круг людей, среди которых действуют нормы сотруд-

ничества» [5, с. 66]. Работы таких исследователей, как Стерджис, Смит [6, р. 74], Делхи, Ньютон, Вельцель [7, р. 786], убедительно демонстрируют, что круг лиц, включаемых респондентами в понятие «большинство людей», значительно различается в национальных культурах. На радиус этого круга влияют социальные факторы (эффективная деятельность институтов), особенности экономической модели и факторы национальной культуры.

Другое объяснение сочетания декларируемого доверия «большинству людей» и недоверия «людям, с которыми встретились первый раз», предложенное Т. Ямагиши, заключается в том, что отношение к обобщенному доверию и «осторожности» в конфуцианских культурах выступают не противоположными сторонами одной «шкалы», измеряющей обобщенное доверие, а двумя различными, хотя и взаимосвязанными социальными установками [8]. Подтверждение такого объяснения в дальнейшем получено в экспериментах А. С. Миллера и Т. Митамуры [9, р. 62]. Убеждение относительно того, что осторожность необходима в отношениях с другими, является не отсутствием доверия, а скорее, установкой на потенциальное наличие риска эксплуатации со стороны других. Иными словами, люди доверчивые и вместе с тем благоразумные — это люди, которые верят в то, что большинство из нас достойны доверия, но готовы иметь дело с небольшим меньшинством потенциальных «хищников».

Китайский социолог Чжай Сюэвэй в упомянутой ранее статье, анализируя результаты исследований особенностей обобщенного доверия в конфуцианских культурах, обосновывает необходимость выделения двух типов доверия в культуре современного китайского общества: конфуцианская культура оказывает положительное влияние на «доверие, основанное на отношениях» в обществе, в котором важна репутация, и отрицательное — на «доверие, основанное на социальных нормах», в обществе, в котором значимым является верховенство закона. Соглашаясь с автором, укажем, что характерное для западной социологии определение понятия «доверие» в рамках индивидуалистической системы ценностей смещает акцент на положение индивида в группе, социальной, рыночной среде, а следовательно — на изучение доверия как индивидуальных убеждений, установок. Однако в китайской системе ценностей, которую Маркус и Китаема характеризуют как «культуру взаимозависимости», в которой идентичность связана с представлением о фундаментальной связи людей друг с другом, утверждении себя в отношениях, акцент смещается на приспособление и гармоничную взаимозависимость [10, р. 224]. Поэтому для более полного понимания результатов социологических исследований межличностного доверия в Китае необходима их интерпретация при помощи понятия «основанное на отношениях доверие».

В качестве примера можно привести результаты опубликованного международной группой социальных психологов в 2023 г. исследования влияния межличностного доверия и приверженности (commitment) на качество отношений между коллегами в группе из 346 китайских офисных служащих (разного пола, в возрасте от 25 лет, с опытом работы не менее двух лет). Хотя предметом исследования выступает не обобщенное доверие, а доверие партикуляризованное, его результаты позволяют обнаружить существенные различия в интерпретации базового понятия «доверие» в контексте западной и китайской культур. Авторы пишут, что вопреки их ожиданиям, нет признаков того, что доверие коллег напрямую влияет на качество отношений между ними. Результаты показывают, что приверженность, а не доверие, играет доминирующую роль в качестве отношений с коллегами на рабочем месте в Китае [11, р. 1]. В построенной исследователями модели уровни приверженности и доверия выступают различными переменными. Однако в интерпретации китайского феномена персонализиро-

ванной, аффективной, инструментальной социальной связи (гуаньси, 关系) понятие «основанное на отношениях доверие» более адекватно отражает национальную специфику, чем понятие «приверженность» (commitment). Многогранный феномен гуаньси включает в себя обмен материальными и нематериальными услугами (жэньцинг, 人情); аффективную привязанность (ганьцинг, 感情); уважение к социальному статусу и репутации (мьенци, 面子). Таким образом, доверие, основанное на социальных нормах оказывается менее значимым для качества отношений между коллегами фактором, чем доверие, основанное на человеческих отношениях.

При проведении кросс-культурных исследований, помимо единообразия в трактовке ключевых понятий («доверие», «большинство людей», «осторожность в отношениях с людьми») респондентами разных стран, базовым допущением выступают предположения о межгрупповой сравнимости структур социальных установок доверия и инструментов их измерения [12, р. 456]. Одним из способов проверки указанной сравнимости служит факторный анализ (confirmatory factor analysis), позволяющий выявить латентные переменные, обуславливающие значения ряда интересующих нас наблюдаемых переменных. Используем данный прием для оценки сопоставимости значений переменных, отвечающих за измерение установок обобщенного доверия. В нашем случае сходство структур факторных моделей, полученных для выборок разных стран, будет говорить о том, что значения сравнимы. Напротив, различия в структурах будут свидетельствовать в пользу их несопоставимости.

По данным седьмой волны Всемирного исследования ценностей, проведен факторный анализ переменных, характеризующих установки межличностного доверия (вопросы с № 57 по № 63 WVS). Полученные факторные модели представлены в таблице 1. Проверка пригодности исходных данных для процедуры факторного анализа проведена с использованием тестов Kaiser — Meyer — Olkin (для российской выборки значение составило 0,746; китайской 0,701; британской 0,741) и Barlett (с положительным результатом). Условие определения количества факторов — значение характеристических чисел (собственных значений) более 1. Выделение факторов осуществлялось методом главных компонент. Отрицательные значения коэффициентов корреляции объясняются тем, что шкалы исходных переменных направлены от позитивной установки (минимальное значение) к негативной (максимальное значение).

Таблица 1

Факторный анализ переменных, характеризующих установки межличностного доверия

Table 1. Factor analysis of variables characterizing interpersonal trust attitudes

	Россия		Китай		Великобритания	
	1	2	1	2	1	2
Доверие большинству людей	,421	,142	,329	,296	,532	,263
Доверие семье	-,121	,812	-,089	,619	,675	-,115
Доверие соседям	,389	,649	,179	,754	,656	,302
Доверие людям, с которыми лично знакомы	,419	,608	,193	,750	,684	,159
Доверие людям, с которыми встречается в первый раз	,747	,132	,637	,309	,593	,395
Доверие людям другой веры	,877	,101	,836	-,015	,184	,904
Доверие людям другой национальности	,866	,109	,831	,000	,147	,912

Первый фактор, выделенный в российской и китайской выборках, можно назвать фактором «аут-группового доверия», поскольку наибольшую факторную нагрузку в нем имеют переменные, измеряющие ответы на вопросы о доверии людям другой веры, другой национальности, доверие людям, «с которыми встречаетесь в первый раз». В российской и китайской выборках переменная, измеряющая ответ на вопрос о доверии «большинству людей», в наивысшей степени коррелирует именно с этим фактором. В британской выборке переменная, измеряющая доверие «большинству людей», коррелирует с другим фактором, в частности фактором «ин-группового доверия» (доверия семье, соседям, людям, «с которыми лично знакомы»). Таким образом, различия в структуре факторных моделей не позволяют проводить прямые кросс-культурные сравнения значений переменных, измеряющих уровень обобщенного доверия.

При этом в китайском сегменте исследования связь обобщенного доверия с доверием незнакомцам, людям другой веры или другой национальности минимальна. Это позволяет заключить, что в восприятии китайских респондентов объект социальной установки доверия «большинство людей» слабо связан с объектами «незнакомые люди» и «представители аут-групп». Гипотеза, объясняющая это расхождение, сводится к следующему: вопрос о доверии большинству в китайском обществе операционализирует установки в отношении социальных норм доверительных отношений (но не обобщенное доверие в традиционном для отечественной социологии понимании); вопросы о доверии незнакомым людям и представителям аут-групп операционализируют комплекс аут-групповых установок.

Изучение факторов, влияющих на динамику обобщенного доверия в современном китайском обществе, связано с исследованием изменений социальной структуры, изменений экономической модели, обусловленных глобализацией социокультурных изменений. Опираясь на работы исследователей радиуса доверия, таких как Стерджис, Смит, Делхи, Ньютон, Вельцель, современные корейские социологи Лим, Им, Ли обосновывают тезис о коллективистской традиции конфуцианских культур (среди них — Корея, Китай, Япония) как моральной основе обобщенного доверия. В проведенном ими регрессионном анализе с радиусом доверия сильно коррелируют не только культурные ценностные ориентации, но и факторы социального опыта респондента (например, ежедневного опыта общения с незнакомыми людьми в общественных местах), что позволяет строить модель, объясняющую динамику установок обобщенного доверия [13].

Коллективом авторов Южно-Китайского технологического университета и Университета имени Сунь Ятсена на основе анализа статистических данных о динамике рабочей силы в регионах Китая и данных об уровне преступности в регионах разработана регрессионная модель, обосновывающая влияние индекса социокультурного разнообразия населения того или иного региона на уровень преступности. Исследование демонстрирует негативное влияние социокультурного разнообразия населения на обобщенное доверие: чем выше уровень разнообразия населения в регионе, тем ниже в нем уровень обобщенного доверия. В модели уровень обобщенного доверия использован как опосредующая переменная: разнообразие населения приводит к увеличению уровня преступности при низком уровне обобщенного доверия. В таблице 2 приведены соответствующие результаты. Согласно этим данным, включение переменной обобщенного доверия повышает точность регрессионной модели, к тому же индекс разнообразия населения более значимо влияет на уровень преступности, чем уровень обобщенного доверия [14].

Таблица 2

Регрессионная модель влияния индекса социокультурного разнообразия населения региона на уровень преступности в Китае

Table 2. Regression model of the influence of the index of sociocultural diversity of the regional population on the crime rate in China

	Зависимая переменная: показатель уровня преступности (кол-во вступивших в законную силу приговоров за уголовные преступления на 10 тыс. чел.)		Зависимая переменная: обобщенное доверие
	Модель не содержит переменных доверия	Модель содержит переменные доверия	
	(1)	(2)	(3)
Социокультурное разнообразие населения	0,414	0,317	-0,172
Обобщенное доверие		-0,109	
Скорректированный R^2	0,206	0,478	0,239
Количество наблюдений (регионов)	288	288	288

Син Цицзянг, социальный психолог факультета социологии и психологии Центрального финансово-экономического университета в Пекине, на основе комплексного анализа микро- и макроэкономических данных и результатов психологических исследований разработал модель влияния процесса «маркетизации» (рыночной трансформации китайской экономики) на динамику обобщенного доверия в Китае. Среди рыночных институциональных факторов, снижающих уровень обобщенного доверия, он указывает рыночные стимулы, механизмы конкуренции, неравенство доходов. При этом в модели выделены институциональные факторы сохранения обобщенного доверия: рыночные правила, кредитная система (институт репутации). Однако свойственная Китаю культура негласных договоренностей и лояльность к нарушению рыночных правил представляют угрозу этим институциональным факторам сохранения обобщенного доверия. Фактором, опосредующим влияние маркетизации на обобщенное доверие, выступает изменение распространенных в обществе взглядов на человеческую природу: рост популярности модели homo Economicus [15, p. 1951].

Выводы

Подводя итог, укажем, что в современной социологической научной литературе сформировались различные подходы к пониманию феномена доверия.

Первый подход, представленный в работах Т. Ямагиши, можно назвать «рациональным». В контексте этого подхода доверие понимают как результат рациональной оценки надежности партнера по социальному взаимодействию. Второй подход можно назвать «социально-когнитивным», в рамках которого, например в работах А. Тэшфеля и Дж. Тернера, обобщенное доверие связывают с восприятием ин-группы и социальными установками в отношении аут-групп, то есть формирование обобщенного доверия понимают как результат межгруппового взаимодействия. Третий подход, отраженный в работах Э. Усланера, можно назвать подходом «культуры доверия». С учетом этого подхода обобщенное доверие понимают как совокупность социальных норм, основанных на культурной традиции.

Каждый из подходов помогает более всестороннему, глубокому пониманию специфики обобщенного доверия в современном китайском обществе и особенностей его динамики. Использование данных кросс-культурных исследований обобщенного доверия оказывается актуальным для раскрытия содержания понятия доверия в различных национальных культурах и исследования социальных установок доверия. Изучение социальных установок в отношении различных ин-групп, аут-групп дает возможность раскрыть комплексную структуру объекта социальной установки, в частности обобщенного доверия.

Список источников

1. Андрей Белоусов: Товарооборот России и Китая стабильно растет // Правительство России: офиц. сайт. 2023. 20 ноября. URL: <http://government.ru/news/50157/> (дата обращения: 19.04.2024).
2. В Китае заявили о рекордных объемах торговли с Россией в 2023 году // ТАСС. 2024. 12 января. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19713193> (дата обращения: 19.04.2024).
3. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 157–179. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212
4. Zhai X. The essence of trust and its culture // *Chinese Journal of Sociology*. 2014. Vol. 34. No. 1. P. 1–26. (На кит.).
5. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
6. Sturgis P., Smith P. Assessing the validity of generalized trust questions: What kind of trust are we measuring? // *International Journal of Public Opinion Research*. 2010. Vol. 22. No. 1. P. 74–92. DOI: 10.1093/ijpor/edq003
7. Delhey J., Newton K., Welzel C. How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem // *American Sociological Review*. 2011. Vol. 76. No. 5. P. 786–807. DOI: 10.1177/0003122411420817
8. Yamagishi T., Yamagishi M. Trust and commitment in the United States and Japan // *Motivation and Emotion*. 1994. Vol. 18. No. 2. P. 129–166. DOI: 10.1007/BF02249397
9. Miller A. S., Mitamura T. Are surveys on trust trustworthy? // *Social Psychology Quarterly*. 2003. Vol. 66. No. 1. P. 62–70. DOI: 10.2307/3090141
10. Markus H. R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // *Psychological Review*. 1991. Vol. 98. No. 2. P. 224–253. DOI: 10.1037/0033-295X.98.2.224
11. Co-worker relationship quality: The role of commitment and trust in China / S. Horak, A. Klein, H. Ahlf [et al.] // *European Journal of International Management*. 2024. Vol. 23. No. 1. P. 31–59. DOI: 10.1504/EJIM.2023.10053669
12. Byrne B. M., Shavelson R. J. Testing for the equivalence of factor covariance and mean structures: The issue of partial measurement in variance // *Psychological Bulletin*. 1989. Vol. 105. No. 3. P. 456–466. DOI: 10.1037/0033-2909.105.3.456
13. Lim C., Im D.-K., Lee S. Revisiting the “trust radius” question: Individualism, collectivism, and trust radius in South Korea // *Social Indicators Research*. 2021. Vol. 153. No. 1. P. 149–171. DOI: 10.1007/s11205-020-02496-4
14. Jin J., Shi Y., Zhu L. The barriers of identity: Population diversity, social trust and crime // *Chinese Journal of Sociology*. 2022. Vol. 8. No. 2. P. 243–267. DOI: 10.1177/2057150x221091078
15. Xin Z. Marketization and interpersonal trust decline in China // *Advances in Psychological Science*. 2019. Vol. 27. No. 12. P. 1951–1966. (На кит.). DOI: 10.3724/SP.J.1042.2019.01951

References

1. Andrey Belousov: Trade turnover between Russia and China is growing steadily. Official website of the Russian Government. Nov. 20, 2023. URL: <http://government.ru/news/50157/> (accessed on 19.04.2024). (In Russ.).

2. China announced record trade volumes with Russia in 2023. TASS News Agency. Jan. 12, 2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19713193> (accessed on 19.04.2024). (In Russ.).
3. Veselov Yu.V., Skvortsov N.G. Transformation of the culture of trust in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(1):157-179. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212
4. Zhai X. The essence of trust and its culture. *Chinese Journal of Sociology*. 2014;34(1): 1-26. (In Chin.).
5. Fukuyama F. Trust: The social virtues and the creation of prosperity. New York, NY: The Free Press; 1996. 480 p. (Russ. ed.: Fukuyama F. Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu. Moscow: AST; Ermak; 2004. 730 p.).
6. Sturgis P., Smith P. Assessing the validity of generalized trust questions: What kind of trust are we measuring? *International Journal of Public Opinion Research*. 2010;22(1): 74-92. DOI: 10.1093/ijpor/edq003
7. Delhey J., Newton K., Welzel C. How general is trust in “most people”? Solving the radius of trust problem. *American Sociological Review*. 2011;76(5):786-807. DOI: 10.1177/0003122411420817
8. Yamagishi T., Yamagishi M. Trust and commitment in the United States and Japan. *Motivation and Emotion*. 1994;18(2):129-166. DOI: 10.1007/BF02249397
9. Miller A.S., Mitamura T. Are surveys on trust trustworthy? *Social Psychology Quarterly*. 2003;66(1):62-70. DOI: 10.2307/3090141
10. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*. 1991;98(2):224-253. DOI: 10.1037/0033-295X.98.2.224
11. Horak S., Klein A., Ahlf H., et al. Co-worker relationship quality: The role of commitment and trust in China. *European Journal of International Management*. 2024;23(1):31-59. DOI: 10.1504/EJIM.2023.10053669
12. Byrne B.M., Shavelson R.J. Testing for the equivalence of factor covariance and mean structures: The issue of partial measurement in variance. *Psychological Bulletin*. 1989; 105(3):456-466. DOI: 10.1037/0033-2909.105.3.456
13. Lim C., Im D.-K., Lee S. Revisiting the “trust radius” question: Individualism, collectivism, and trust radius in South Korea. *Social Indicators Research*. 2021;153(1):149-171. DOI: 10.1007/s11205-020-02496-4
14. Jin J., Shi Y., Zhu L. The barriers of identity: Population diversity, social trust and crime. *Chinese Journal of Sociology*. 2022;8(2):243-267. DOI: 10.1177/2057150x221091078
15. Xin Z. Marketization and interpersonal trust decline in China. *Xīnlǐ kēxué jìnzhǎn = Advances in Psychological Science*. 2019;27(12):1951-1966. DOI: 10.3724/SP.J.1042.2019.01951

Информация об авторе

П. М. Федоров — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления социально-экономическими системами (СПБУТУиЭ); 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; доцент кафедры управления персоналом и рекламы (СПБГТИ (ТУ)); 190013, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 24-26/49а; SPIN-код 6241-3688.

Information about the author

P. M. Fedorov — PhD in Sociology, Associate Professor at the Department of Management of Socio-Economic Systems (UMTE); 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia; Associate Professor at the Department of Personnel Management and Advertising (SPSIT); 24-26/49A Moskovskiy Ave., St. Petersburg 190013, Russia; SPIN-code 6241-3688.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 30.05.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 30.05.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 331.104.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-214-222

Проблемы командообразования в условиях цифровизации на производствах

Хомяков Денис Витальевич¹✉, Печерица Елена Васильевна²

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ hdvmail@rambler.ru✉, <https://orcid.org/0009-0006-2147-4397>

² helene8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1963-4471>

Аннотация. В статье речь идет о том, что прогресс научных исследований и эволюция мировой экономической среды в XXI веке вызвали значительные трансформации в парадигмах функционирования организаций, порождая новые стратегии ведения предпринимательской деятельности. Особое внимание уделено изучению динамики формирования командных структур в условиях цифровой трансформации, что обуславливает необходимость комплексного научного анализа, особенно в ракурсе дистанционной организации труда. В данном контексте цифровое пространство становится преимущественной ареной интеракции, что оказывает влияние на структурирование и развитие социальных взаимосвязей внутри организаций. В статье исследован процесс командообразования и взаимодействия в организации в условиях цифровизации, а также активного внедрения дистанционного формата работы в ее деятельность. Исследование включает в себя этапы формирования команды, влияния офлайн- и онлайн-взаимодействия, удовлетворенности сотрудников, проблемы и решения, принятые руководителями, для компенсации недостатков цифровизации. Результаты указывают на необходимость дальнейших исследований в области развития навыков виртуального сотрудничества, управления организационной культурой и адаптации лидерства к условиям удаленной работы для оптимизации процессов работы в виртуальных командах.

Ключевые слова: цифровизация, человеческий капитал, командообразование, комьюнити-менеджмент, управление, самоорганизация

Для цитирования: Хомяков Д. В., Печерица Е. В. Проблемы командообразования в условиях цифровизации на производствах // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 214–222. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-214-222>

Original article

Challenges of team building in the context of digitalization at production facilities

Denis V. Khomiakov¹✉, Elena V. Pecheritsa²

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ hdvmail@rambler.ru✉, <https://orcid.org/0009-0006-2147-4397>

² helene8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1963-4471>

Abstract. The article deals with the fact that the progress of scientific research and the evolution of the global economic environment in the XXI century has caused significant transformations in the paradigms of the functioning of organizations, generating new strategies for doing business. Particular attention is paid to the study of the dynamics of the forma-

tion of command structures in the conditions of digital transformation, which necessitates a comprehensive scientific analysis, especially in the perspective of remote work organization. In this context, the digital space becomes a predominant arena of interaction, which affects the structuring and development of social interrelationships within organizations. The article investigates the process of team building and interaction in the organization in the conditions of digitalization, as well as the active introduction of the remote format of work in its activities. The study includes the stages of team formation, the impact of offline and online interaction, employee satisfaction, problems and decisions made by managers to compensate for the shortcomings of digitalization. The results indicate the need for further research in the areas of virtual collaboration skills, organizational culture management, and leadership adaptation to remote work environments to optimize virtual team processes.

Keywords: digitalization, human capital, team building, community management, governance, self-organization

For citation: Khomiakov D.V., Pecheritsa E.V. Challenges of team building in the context of digitalization at production facilities. *Sociology and Law. 2024;16(2):214-222.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-214-222>

Введение

Научный прогресс и динамика глобальной экономики в XXI веке обусловили существенные трансформации в практике функционирования организаций, выдвигая новые подходы к ведению деловой деятельности. В частности, стал актуальным вопрос о феномене формирования команд в условиях цифровизации. Этот феномен требует системного исследования, особенно в контексте формирования коллективов в условиях дистанционной работы, когда все основные взаимодействия осуществляются в цифровом, виртуальном пространстве, тем самым изменяется специфика формирования социальных связей.

Актуальность настоящего исследования объясняется двумя факторами. Во-первых, в современном мире предпринимателям предстоит принимать решение о том, формировать команду традиционным способом или прибегнуть к удаленным методам работы. Во-вторых, большинство традиционных команд столкнулись с дистанционной работой в период пандемии COVID-19.

Формирование виртуальных команд несет не только потенциальные преимущества и возможности, способствующие улучшению эффективности работы, но и риски, которые могут препятствовать успешной реализации проектов и достижению поставленных целей в срок. Особое внимание следует уделить возможности формирования командного духа в контексте виртуальных команд. Некоторые исследователи [1] считают, что в условиях, при которых взаимодействие осуществляется исключительно через информационные технологии в виртуальном пространстве, это практически невозможно. Однако нами выдвинута гипотеза о том, что при определенных условиях формирование командного духа может быть реализовано и даже оказаться эффективным при дистанционном взаимодействии. Большую роль в этом вопросе играет развитая самоорганизация на производстве.

Цель настоящей статьи — выявление ключевых качеств, которыми должны обладать участники проекта и рабочее пространство (в том числе виртуальное) для эффективного командообразования в условиях цифровизации.

Теория

Исследования в области формирования и развития коллективов проведены Б. Такманом, как показано на рисунке 1 [2]. В результате ученым выделено

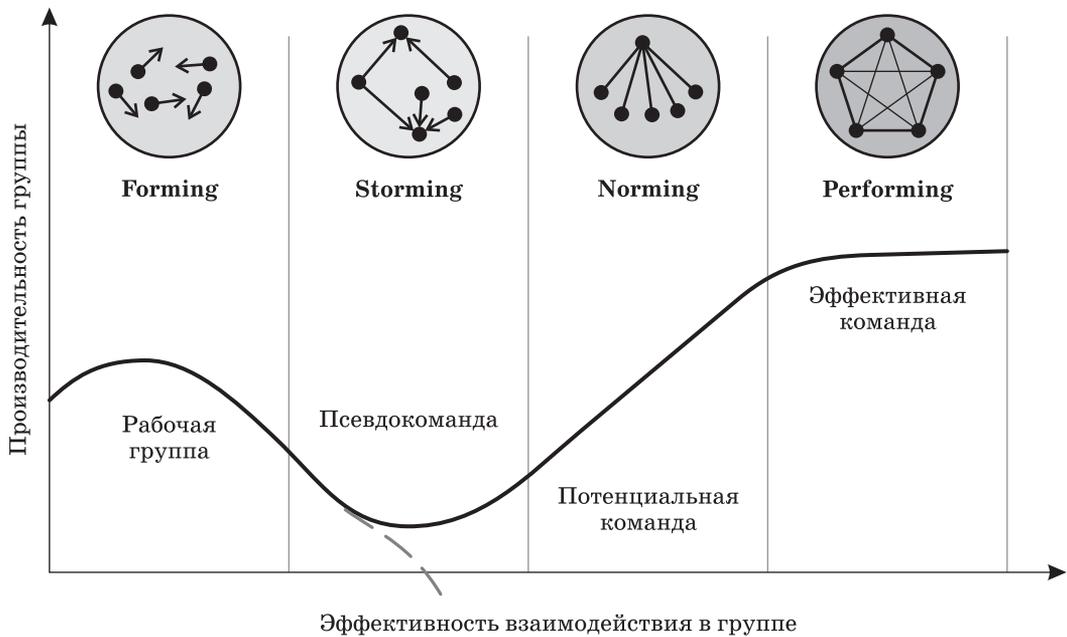

Рис. 1. Модель групповой динамики Б. Такмана
Fig. 1. B. Tuckman's model of group dynamics

несколько этапов, которые группа проходит на своем пути к становлению командой. Один из наиболее важных этапов, который может оказать значительное влияние на дальнейшую эффективность команды, — этап шторминга. На данном этапе, который наступает сразу после формирования команды, участники проявляют конфликтные и агрессивные поведенческие реакции. Внутренние разногласия могут достигать высокого уровня напряженности, выраженного в острой критике, противостоянии идей и попытке установить иерархические отношения.

Однако существует ряд методов, которые могут помочь смягчить этот процесс и обеспечить успешное преодоление этапа шторминга. Важное значение имеют подготовка и активное воздействие на предшествующем этапе — форминге (forminПС). На этом этапе участники команды должны совместно определить общие цели и нормы поведения, разработать принципы совместной деятельности. Эти этапы соответствуют концепции процесса формирования горизонтальных структур в «бирюзовых организациях», которые характеризуются высокой степенью доверия, равенством, самоорганизацией и участием сотрудников в процессе принятия решений. Данный этап свидетельствует о значимости общих ценностей, целей в коллективе. Процесс форминга направлен на предотвращение будущих конфликтов.

Кроме того, важным моментом является распределение ролей внутри группы. Определение ролей экспертов, исполнителей и других участников команды заранее позволяет избежать путаницы и неопределенности во время работы, что, в свою очередь, способствует более гладкому прохождению этапа шторминга. Для успешного управления этим процессом необходимо наличие лидера, который принимает на себя ответственность за организацию обсуждения и урегулирование конфликтов в начальный период формирования команды. Лидер в соответствии с принципами самоуправления должен быть назначен командой и иметь необходимые для данной позиции качества.

Самоорганизация выступает как потенциально эффективный подход к управлению предприятием, позволяет предприятию адаптироваться к переменам, быстро реагировать на изменения внешней среды, исследовать и внедрять новые идеи и решения без привязки к заранее установленным шаблонам. В своих работах Г. Хакен [3] определяет самоорганизующиеся системы как обладающие способностью приобретать пространственную, временную и функциональную структуру без специфического воздействия извне. Под специфическим воздействием подразумевается такое, которое навязывает системе определенную структуру или функционирование.

Самоуправление как концепция не ограничивается высшим управленческим персоналом или отдельными группами внутри организации. Л. В. Докашенко пишет о том [4], что развитая система самоуправления свойственна устойчиво развивающимся предприятиям. Эти организации выделяются способностью адаптироваться к изменяющимся условиям и эффективно управлять рисками. Ключевой характеристикой их функционирования служит готовность к самостоятельному поиску и реализации решений, направленных на обеспечение желаемой прибыли и результативности при использовании собственных ресурсов. Эти решения должны быть способными к адаптации относительно разнообразных факторов, оказывающих влияние на деятельность предприятия.

Самостоятельность в принятии решений — ключевой элемент успешного функционирования устойчиво развивающихся предприятий. Существенную роль в этом вопросе играет самоуправление. Для описания подобных эффективно работающих структур самоорганизации нередко используют термин «бирюзовые организации» [5]. Тем не менее следует различать «бирюзовые» структуры и структуры, в которых самоорганизация присутствует наравне с традиционным управлением.

В отличие от регламентного управления, при котором иерархия подчинения является важным элементом, в самоуправлении она либо незначительно выражена, либо отсутствует. Этот подход предполагает активное участие субъектов в выборе целей, разработке стратегий и принятии решений, что способствует демократизации управления в целом. «Бирюзовые» компании стремятся довести такой подход до максимума, полностью отказавшись от иерархии внутри организации. Они ориентируются не столько на материальные задачи, сколько на функционирование в соответствии с ценностями организации и ее сотрудников.

Тем не менее социальная изоляция и атомизация общества, как утверждал Э. Тоффлер [6], нарастает в значительной степени за счет процессов урбанизации и преобладания информационного общества. Рост городов приводит к уменьшению уровня доверия между людьми, частоты и качества личного общения, что, в свою очередь, способствует общекультурному кризису. М. Бубер описывает этот кризис как потерю истинной общности и одновременное стремление к ней. Он утверждает, что истинная общность заключается не только в коллективности, но и в глубокой потребности взаимодействия с другими людьми, динамической направленности от «я» к «ты» [7]. Подобное происходит и в организациях: эффективная команда не может быть атомизирована, и кризис общности актуализирует поиск новых решений в области командообразования.

Кризис общности стимулирует поиск альтернативных форм связи, в качестве которых, в частности, могут выступать виртуальные инструменты [8]. Они выполняют компенсаторную функцию, обеспечивая форму социального взаимодействия, которая частично смягчает чувство одиночества, но не заменяет потребности в глубоких и подлинных межличностных отношениях.

Материалы и методы

В настоящем исследовании основным методом является анкетирование. Этот метод позволил собрать мнения сотрудников относительно влияния информатизации на самоорганизацию на их предприятии. Вопросы составленной анкеты связаны с проблемами доступности информационных ресурсов, эффективности существующих информационных систем, а также их влияния на способы взаимодействия между сотрудниками и организационную культуру предприятия. Анкета состоит из следующих разделов:

1. Оценка влияния информатизации на процессы самоорганизации. Вопросы, открытые и закрытые, направлены на выявление изменений в рабочих процессах, автономии принятия решений, возможности сотрудничества и координации действий.

2. Оценка уровня удовлетворенности сотрудников. Анкетирование позволяет также изучить уровень удовлетворенности сотрудников в контексте использования информационных технологий. Этот раздел может включать в себя оценку удобства использования систем, степени соответствия их потребностям, влияния на уровень стресса и комфортности рабочей среды.

Обычно при проведении такого рода опроса используют шкалу Лайкерта, с помощью которой респондентам предлагается оценить степень удовлетворенности тем или иным аспектом (например, могут проверяться такие аспекты, как корпоративная культура, возможности развития, условия труда и т. д.) по шкале от -2 до 2 , где -2 — очень недоволен, а 2 — очень доволен. Далее вычисляют индекс удовлетворенности сотрудника по следующей формуле:

$$\text{Индекс удовлетворенности сотрудника} = \frac{\text{Сумма ответов}}{\text{Количество вопросов}} \times 100 \%$$

Дополнительно нами проведено интервью с руководителями отделов (пять человек). Цель интервью — выявление главных проблем, с которыми столкнулась организация в процессе командообразования в условиях дистанционной работы, и пути их решения, примененные руководством, в том числе для оценки эффективности этих путей. Исследование проведено в декабре 2023 г. В нем приняли участие все сотрудники (24 человека) развивающегося медиапродакшена (проект запущен в июле 2023 г.). Опрошенные запросили анонимность в качестве условия участия.

Результаты

Командообразование в рассматриваемой организации проходило в течение следующих этапов:

1. Офлайн-собеседование в формате брейн-шторма сразу со всеми потенциальными кандидатами. За счет такого формата руководитель проекта смог не только оценить профессиональные компетенции каждого из кандидатов, но и их взаимодействие друг с другом как коллектива. Этапы шторминга и отчасти форминга, описанные Б. Такманом, пройдены в этот момент: команда пережила конфликты, в ходе которых сформированы идеи для дальнейшего развития проекта.

2. Образование отделов и выход команды в цифровое пространство. Для создания виртуального рабочего пространства организация использовала ряд инструментов: канбан-доску Trello, сервис для создания заметок Notion, сервисы Google Документы и Google Таблицы, мессенджеры и сервис видеоконференций Zoom. На этом этапе завершен этап форминга, поскольку распределены роли внутри группы и определены внутренние правила взаимодействия между членами команды.

3. Сочетание онлайн- и офлайн-режима работы. Полного сбора команды с момента первой встречи коллектива не было, но сотрудники отделов регулярно взаимодействовали при выполнении рабочих задач, которые невозможно выполнить удаленно (съемки, запись и т. д.). Наиболее изолированными оказались сценаристы и отдел маркетинга: у них не было необходимости присутствовать при реализации такого рода задач.

Исследование показало, что большинство сотрудников удовлетворены текущим форматом взаимодействия. Однако многим (58 %) трудно разобраться в применяемых организацией онлайн-инструментах. Для решения этой проблемы проведены отдельные встречи, на которых сотрудникам разъяснена специфика работы с данными инструментами. Тем не менее три человека (12,5 %) указали, что до сих пор не разобрались в виртуальной рабочей среде. Таким образом, обучение сотрудников помогло повысить их компетенции и обеспечить комфортное взаимодействие большей части с онлайн-инструментами.

Большинство членов команды указали (91 %), что им комфортен дистанционный формат работы. При этом 72 % из них сообщили, что ранее им также было комфортно работать удаленно, остальные 28 % заявили, что ранее им было удобнее работать в формате онлайн. Среди причин, по которым этим сотрудникам стало комфортно работать в режиме онлайн, хотя они не испытывали этого ранее, названы обучение, скорость реагирования команды, сохранение четкого графика («работа остается на работе, мы не перерабатываем, как было на моей предыдущей удаленке»).

Среди коммуникационных трудностей сотрудники выделили дефицит неформального общения. В традиционных командах они указывали на возможность общаться во время выполнения задач на рабочем месте «с человеком за соседним столом» или по дороге в офис. Тем не менее с октября в организации проводили необязательные офлайн-встречи для совместной работы в коворкинге (два раза в неделю) и мероприятия тимбилдинга два раза в месяц. Руководители отделов обратили внимание на то, что работники, которые заявляли о нехватке неформального и личного общения с другими участниками проекта, появлялись и на тех, и на других встречах нечасто. Совместные встречи в коворкинге отменили в декабре, поскольку к тому моменту около четырех встреч пропущены всеми, а на остальные встречи в декабре собирались не более пяти человек, и «снимать» коворкинг считали нецелесообразным.

Несмотря на то, что от сотрудников, по сообщениям руководителей, не поступало запроса на личное знакомство с ними, принято решение о том, что каждый сотрудник должен лично встретиться с руководителем своего отдела и руководителем проекта. Руководитель проекта сказал: «Мы решили, что нам самим было бы трудно ощущать мотивацию, если бы не знали друг друга лично, поэтому стоило уделить этому [встречи с сотрудниками] время. Так мы могли показать, что сами придерживаемся озвученных ценностей компаниями, стать реальными людьми, а не именами отправителей переводов. Кажется, это помогло поднять мотивацию». После обработки интервью сотрудникам задан дополнительный вопрос. Действительно, 100 % опрошенных ответили, что личное знакомство помогло стимулировать их к деятельности, возросло их доверие к руководству. Один из сотрудников заявил: «Это действительно помогло мне почувствовать себя частью команды».

Среди других проблем сотрудники выделили затрудненность коммуникации с другими отделами. Однако это напрямую не относится к дистанционному формату взаимодействия команды. Руководители отделов разъяснили, что для структурирования работы принято решение о том, что раз в два дня руководители

отделов встречаются на общей видеоконференции и обсуждают вопросы, которые обозначила команда их отдела друг с другом. Между тем один из руководителей указал, что недоволен таким решением, поскольку, по его мнению, оно снижает эффективность и создается «эффект испорченного телефона». Вместе с тем другие руководители считают это решение удачным, поскольку могут контролировать взаимодействие между отделами и «так возникает меньше хаоса из-за того, что сотрудники принимают несогласованные решения».

Итак, хотя организация и заявляет о стремлении создать горизонтальную структуру, руководители трех из четырех отделов фактически стремятся построить традиционную иерархическую систему менеджмента и не дают сотрудникам возможностей для самоорганизации. Наиболее эффективным, по мнению руководителя проекта, является отдел сценаристов, руководитель которого симулирует самоорганизацию сотрудников и недоволен тем, как остальные пресекают прямую коммуникацию между сотрудниками отделов. Индекс удовлетворенности сотрудников также наиболее высок именно в этом отделе ($n = 4$, $i = 87\%$) и выше, чем средний по компании ($n = 24$, $i = 61\%$). Тем не менее руководитель проекта считает, что эффективность отдела обусловлена спецификой его деятельности, а не управленческими решениями.

Пятеро сотрудников негативно оценили текущие взаимоотношения в компании, назвав их «токсичными», «немотивирующими», и никто из них не был из отдела сценариев. Сотрудники сообщили о том, что они не чувствуют, что их мнение учитывается, и двое из них также планируют сменить работу. Исследуемая организация существует только полгода, что объясняет нерешенность ряда вопросов в различных областях, в том числе в области командообразования. Среди решений, принятых руководителями, лишь некоторые оказали позитивный эффект (обучение, сохранение четкого рабочего графика, офлайн-знакомство с руководителем проекта и руководителями отделов каждого из сотрудников). Другие были неудачными и, хотя не отразились на командообразовании негативно, привели к убыткам (офлайн-встречи).

Выводы

Исследование организационного процесса командообразования и взаимодействия в рассматриваемой компании предоставляет ценные выводы о том, как различные формы взаимодействия (онлайн и офлайн) в процессе формирования команды влияют на ее эффективность и удовлетворенность сотрудников. Так, этапы формирования команды проведены наиболее эффективно в том, что связано с выбором формата взаимодействия. Офлайн-собеседование в формате брейншторма помогло не только оценить профессиональные компетенции кандидатов, но и их взаимодействие в коллективе. Этот этап позволил пройти через фазы шторминга и форминга в соответствии с моделью Б. Такмана за крайне короткий срок. Формирование отделов и переход к цифровому пространству с использованием различных онлайн-инструментов структурировало команду, определило внутренние правила взаимодействия. Сочетание онлайн- и офлайн-режима работы позволило решить задачи, требующие физического присутствия, и поддерживало связь между сотрудниками.

Большинство сотрудников (91 %) комфортно чувствуют себя в дистанционном формате, что связано с обучением, скоростью реагирования и сохранением четкого графика работы. Однако проблемы возникают, включая трудности в использовании онлайн-инструментов и дефицит неформального общения. Некоторые сотрудники высказали недовольство взаимоотношениями в коллективе

и планируют сменить работу, что указывает на проблемы в организационной культуре.

Решение провести личные встречи с руководством оказалось полезным для стимулирования активности и повышения доверия сотрудников. Структурирование работы между отделами через регулярные видеоконференции может быть эффективным, но может вызывать и неудовлетворенность, если не учитывать потребности сотрудников. Некоторые руководители стремятся к построению традиционной иерархической структуры, что может ограничивать самоорганизацию сотрудников и создавать напряженные взаимоотношения, при этом не только между сотрудниками, но и между руководителями. Исследование указывает на необходимость более гибкого подхода к командообразованию и управлению, учитывая потребности и предпочтения сотрудников, а также на стремление к развитию открытой и поддерживающей культуры в организации.

Дальнейшие исследования могут сосредоточиться на влиянии офлайн- и онлайн-взаимодействия относительно эффективности команд, развития навыков виртуального сотрудничества, управления организационной культурой в дистанционной среде и адаптации лидерства к условиям удаленной работы. Эти аспекты позволят лучше понять процессы командообразования и оптимизировать взаимодействие в виртуальных командах, что в итоге будет способствовать повышению производительности и удовлетворенности сотрудников.

Список источников

1. Необходимость цифровой трансформации предприятий малого бизнеса как способ повышения эффективности процессов цифровизации / Ю. В. Вылгина, А. Ю. Орлов, А. М. Карякин [и др.] // *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2023. № 6. С. 55–66. DOI: 10.47576/2411-9520_2023_6_55
2. Tuckman B. W. Developmental sequence in small groups // *Psychological Bulletin*. 1965. Vol. 63. No. 6. P. 384–399. DOI: 10.1037/h0022100
3. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Мир, 1991. 240 с.
4. Докашенко Л. В. Управление устойчивым развитием организации на принципах саморегулирования // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2004. № 8. С. 89–94.
5. Аббосов М. И., Ястребова Т. Е. Бирюзовые организации как тренд развития деловых организаций // *Sciences of Europe*. 2020. № 47-4. С. 13–15.
6. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ, 2002. 784 с.
7. Бубер М. Проблема человека // Бубер М. Два образа веры: сб. / пер. с нем. М.: Республика, 1995. С. 157–232.
8. Кучумов А. В., Печерица Е. В. Цифровая трансформация предпринимательской деятельности: национальные и международные исследования // *Экономический вектор*. 2023. № 1. С. 103–108. DOI: 10.36807/2411-7269-2023-1-32-103-108

References

1. Vylgina Yu.V., Orlov A.Yu., Karyakin A.M., et al. The need for digital transformation of small businesses as a way to increase the efficiency of digitalization processes. *Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy = Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts*. 2023;(6):55-66. (In Russ.). DOI: 10.47576/2411-9520_2023_6_55
2. Tuckman B.W. Developmental sequence in small groups. *Psychological Bulletin*. 1965; 63(6):384-399. DOI: 10.1037/h0022100
3. Haken H. Information and self-organization: A macroscopic approach to complex systems. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag; 1988. 196 p. (Russ. ed.: Haken H. Informatsiya i samoorganizatsiya: Makroskopicheskiy podkhod k slozhnym sistemam. Moscow: Mir Publ.; 1991. 240 p.).

4. Dokashenko L.V. Management of steady development of the organization on principles of self-management. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Orenburg State University Vestnik*. 2004;(8):89-94. (In Russ.).
5. Abbosov M., Yastrebova T. Turquoise organizations as a trend in the development of business organizations. *Sciences of Europe*. 2020;(47-4):13-15. (In Russ.).
6. Toffler A. The third wave: The classic study of tomorrow. New York, NY: Bantam Books; 1989. 560 p. (Russ. ed.: Toffler A. Tret'ya volna. Moscow: AST; 2002. 784 p.).
7. Buber M. Das Problem des Menschen. Heidelberg: Lambert Schneider; 1948. 169 p. (Russ. ed.: Buber M. Problema cheloveka. In: Buber M. Dva obraza very. Moscow: Respublika; 1995:157-232.).
8. Kuchumov A.V., Pecheritsa E.V. Digital transformation of entrepreneurship: National and international studies. *Ekonomicheskii vector = Economic Vector*. 2023;(1):103-108. (In Russ.). DOI: 10.36807/2411-7269-2023-1-32-103-108

Информация об авторах

Д. В. Хомяков — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Е. В. Печерица — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры управления социально-экономическими системами; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

D. V. Khomiakov — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

E. V. Pecheritsa — PhD in Sociology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Management of Socio-Economic Systems; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 316:811.161.1

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-223-233

Мера близости условного расстояния институциональной логики и практики дискурсанта

Елена Николаевна Чурина

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия, e.churina@spbacu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0951-1910>

Аннотация. Согласно авторской позиции, современное направление социологии управления рассматривает поле проблем вокруг дискуссионной деятельности человека и социальных групп, сформированных под воздействием социальных институтов и организаций, в процессе управления цифровыми средствами коммуникаций между ними. Методология исследования управленческих процессов требует новых подходов к эмпирическому социологическому исследованию, предполагая предрасположенность субъекта к типичному восприятию условий деятельности и определенной реакции, которая обусловлена сформированным мировоззрением и практической деятельностью, что соответствует зарубежным исследованиям постинституционалистики. По мнению автора статьи, для применения кластерного анализа эмпирических данных необходимо введение условных расстояний между институциональными логиками и практиками субъектов дискуссии, именуемых далее дискурсантами, в формате гипотезы исследования. Настоящее эмпирическое исследование основано на анализе видеозаписей научного семинара «Философия сложности» Института философии Российской академии наук (РАН), размещенных в сети Интернет, $N = 121$ (2019–2024); анализе участников дискуссии по видеозаписи доклада на научном семинаре «Философия и IT» Института философии РАН, размещенной в сети Интернет, $N = 13$ (2023).

Ключевые слова: методологический индивидуализм, кластерный анализ, междисциплинарная дискуссия, институциональная логика, институциональная практика, дискурсант, дискурсник

Для цитирования: Чурина Е. Н. Мера близости условного расстояния институциональной логики и практики дискурсанта // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 223–233. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-223-233>

Original article

The measure of proximity of conditional distance of institutional logic and discourse practice

Elena N. Churina

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, e.churina@spbacu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0951-1910>

Abstract. According to the author's position, the modern direction of sociology of management considers the field of problems around the discourse activity of an individual and social groups formed under the influence of social institutions and organizations in the process of managing digital means of communication between them. The methodology of management processes research requires new approaches to empirical sociological research, assuming the predisposition of the subject to a typical perception of activity conditions and a certain

reaction, which is conditioned by the formed worldview and practical activity, which corresponds to foreign studies of postinstitutionalism. According to the author of the article, in order to apply the cluster analysis of empirical data, it is necessary to introduce conditional distances between institutional logics and practices of discourse subjects, hereinafter referred to as discursants, in the format of the research hypothesis. The present empirical study is based on the analysis of video recordings of the scientific seminar "Philosophy of Complexity" of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (RAS), posted on the Internet, $N = 121$ (2019–2024); the analysis of discourse participants on the video recording of the report at the scientific seminar "Philosophy and IT" of the Institute of Philosophy of the RAS, posted on the Internet, $N = 13$ (2023).

Keywords: methodological individualism, cluster analysis, interdisciplinary discussion, institutional logic, institutional practice, discursant, discourse, discursive

For citation: Churina E.N. The measure of proximity of conditional distance of institutional logic and discourse practice. *Sociology and Law*. 2024;16(2):223-233. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-223-233>

Введение

Современное направление социологии управления рассматривает поле проблем вокруг дискуссионной деятельности человека и социальных групп, сформированных под воздействием социальных институтов и организаций, в процессе управления цифровыми средствами коммуникаций между ними. Методология исследования управленческих процессов требует новых подходов к эмпирическим социологическим исследованиям, предполагая предрасположенность субъекта к типичному восприятию условий деятельности и определенной реакции, которая обусловлена сформированным мировоззрением, практической деятельностью, что соответствует основам диспозиционной теории [1] и зарубежным исследованиям постинституционалистики.

Некоторые положения социологического институционализма, получившего развитие в нескольких направлениях, в том числе в теории мирового общества как новой формы институционализма XX в. [2], исследующего способы, которыми социальные институты создают смысл и регулируют деятельность индивидов, рассмотрены нами для формирования методологической основы поиска корреляции типизирующих признаков дискурсантов [3], высказывающих утверждения, находящиеся в прямой зависимости от их институциональных логик и практик (далее — ИЛП). Ускоренные процессы цифровизации различных областей социально-экономической деятельности людей создают в научной социологической терминологии новые термины, среди них — понятия «киберсоциология, социология интернета, социология онлайн-сообществ, социология киберкультуры, — предметное поле пополнилось такими новыми междисциплинарными областями, как цифровая практика, социологический анализ цифровых данных» [4, с. 8]. Это, в свою очередь, формирует новые запросы, термины и гипотезы для исследований в социологии управления.

Обзор отечественных и зарубежных источников

Ряд зарубежных исследователей пишут: «В рамках исследований организации в последние годы несколько ученых разработали перспективу институциональной логики. Институциональная логика — это набор материальных практик и символических систем, включая предположения, ценности и убеждения, с помощью которых люди и организации придают смысл своей повседневной деятельности,

организуют время и пространство, воспроизводят свою жизнь и опыт» [5]. Приведенное определение институциональной логики является самым цитируемым [6]. Повышенный интерес в области социологии управления в зарубежных источниках подтверждает опубликованный И. Чу из Нью-Кастальского университета обзор применения конкретной типологической концепции «для того, чтобы показать, как различные институциональные логики, например, рынок и семья, имеют различную рациональность с различным акцентом на внутренние и внешние блага, и, следовательно, различное моральное содержание», доказывающий, что «неоинституциональная теория и ее более поздние производные, такие как перспектива институциональной логики, стали доминирующими в области организационных исследований (Элвессон и Спайсер, 2019)» [7].

Для эмпирического исследования проверки гипотезы условного расстояния между ИЛП дискурсантов в качестве одной из задач поставлена оценка подобия или расхождения мнений/утверждений при обсуждении докладов между специалистами, экспертами и учеными разной специализации. В одной из статей отечественных авторов изложена следующая позиция: «Правомерно ли говорить о категориальном аппарате, “языке” различных теорий как о несоизмеримом в принципе, о том, что между марксизмом, институционализмом и неоклассикой нет моста? Очевидно, это привело бы к утверждению, что исследователи, разрабатывающие “несоизмеримые” теории, не могут вступать в дискуссии. Такое общение возможно, но оно требует определенного согласия или компромисса, напоминающего предположения, которые делает лингвист-переводчик с одного языка на другой. Поэтому, вступая в дискуссии, исследователи не столько должны стремиться к взаимопониманию, сколько научиться говорить и мыслить на языке другой теории» [8, с. 263].

Исследовательская гипотеза

В качестве гипотезы рассмотрена средняя величина шкалы условного расстояния между ИЛП, возникающими в процессе деятельности людей и проявляющимися в типобразующих признаках в процессе дискуссий во время интернет-общения. При классификации предложено определить ИЛП дискурсанта из текущего состояния его профессиональной, научной деятельности и интересов вне организации, чтобы впоследствии учитывать при анализе мнений, высказанных в ходе дискуссий. Дискурсант, излагая мнение, утверждение с аргументом, руководствуется мировоззрением, исходя из индивидуального типа мышления и логики, а не группового, сформированного, в зависимости от уровня развития собственной личности (сферы деятельности, образования и воспитания), действует соответственно личным предпочтениям и для удовлетворения индивидуальных потребностей.

В постоянно действующем дискуссионном пространстве с течением времени станет возможным возникновение коллективного субъекта при совпадении дискурсантов по типологическим признакам. Уточним, что в настоящем эмпирическом исследовании коллективный субъект не типизирован и анализу не подвергнут.

Методология.

Описание использованных в исследовании методологических подходов и принципов, описание и введение терминов

В статье нами использован термин «институциональная логика» как совокупность понимания, опыта, уровня профессионального и научного образования, интересов человека. В исследовании институциональных практик процесс

порождения и связности смыслов не является основополагающим, но отражает важный «идеациональный» [9] переход от преимущественного внимания и осмысления полученной информации к пониманию фундаментальной роли идей, знаков, символов и аспектов, присутствующих в процессе формирования и функционирования социальных институтов, формирующих результат практической деятельности человека в организации. Тем самым можно утверждать, что «слова и дела» приводят к накоплению профессионального опыта и конкретному типу логики специалиста. Принцип организованности [10] через описанные А. А. Богдановым принципы связности, целостности, иерархичности рассмотрены в качестве фундаментальных семиотических паттернов, лежащих в основе различных институциональных логик, реализуемых в практиках субъекта при взаимопроникновении и внутри системных организационных формах.

Принцип диффузии и взаимовлияния организационных принципов из разных сфер деятельности применен аналогично идее существования мета-институциональной логики, интегрирующей отдельные логики субъекта на уровне системы. Развитие и отбор форм (организованность, нейтральность, кризис, дезорганизация) объясняют и фиксируют динамику институциональных логик в процессе зарождения новых, сохранения или устранения устаревших форм. Преодоление сложности будет возможно путем соединения различных сфер практической деятельности через перспективное направление не меж-, а трансдисциплинарного синтеза, способного разработать категориальный аппарат для анализа универсальных организационных механизмов в процессе семиотических, когнитивных и организационных исследований ИЛП, в том числе при машинном обучении, и в дальнейшем диалоге с искусственным интеллектом.

Исследовательская программа основана на субъектно-ориентированном подходе с уровня методологического индивидуализма [6] при классификации дискурсантов, на дискурсивном анализе утверждений в процессе восприятия информации, коммуникативном взаимодействии с использованием ИЛП, а также кластерном анализе эмпирических данных. Сложностью исследования необходимо признать выявление зависимости высказываний дискурсанта от институциональных логик и взаимосвязи их с практической деятельностью.

В эмпирическом исследовании выделены аспекты для применения субъектно-ориентированного подхода при классификации дискурсанта по ИЛП для выявления закономерности взаимосвязи индивидуального и институционального, вплоть до набора фундаментальных ценностей, представлений и принципов, конституирующих идентичность социального института, с уникальным ядром, вокруг которого объединяются однотипные институты. Как следствие, появляется возможность зафиксировать ИЛП дискурсанта.

В настоящей статье под дискурсантом определен субъект, принимающий участие в офлайн-дискурсе в любой роли и статусе. В произвольном формате общения дискурсант может выступать в статусах ученого, исследователя, эксперта или слушателя, вести профессиональную онлайн- и офлайн-коммуникацию в рамках собственных компетенций по заданной к обсуждению тематике. Введем термин «дискурсник», понимаемый как дискурсант, имеющий «ник» в виртуальном пространстве, для обозначения субъекта дискуссии, принимающего участие в обсуждении заданной темы и высказавшего предложение/мнение/суждение/утверждение. Тем самым в исследовании проведено отличие дискурсника онлайн-среды от дискурсанта офлайн-среды, то есть субъекта, участвовавшего в реальной дискуссии, от любого другого, который присутствовал в качестве слушателя, наблюдателя и не проявил активности в обсуждении и/или полемике. В последующих исследованиях такое разделение станет существенным для идентифика-

ции дискурсника-человека или его интеллектуального помощника в форме нейросетевого чат-бота.

Идентификация дискурсантов произведена через индивидуальные институциональные практики, взаимосвязанные с видами практической деятельности, для которых введем новизну типизирующих признаков. Распространенная классификация видов деятельности в общественном сознании «игра, учеба, труд, отдых, как и принятая в социологии при бюджетировании времени, затраченного на конкретный тип занятий, неприменимы для объяснения формирования институциональных практик у человека. Введем новое, используя принцип организованности и предложенную А. А. Богдановым деятельность, связывающую занятия людей с триадой «идея, вещь, человек» [11]. К тому же введем нумерацию сформированных ИЛП для последующих типизирующих признаков субъектов дискуссий соответственно при деятельности с:

- 1) вещами, то есть с материальными ресурсами и так называемыми продуктовыми результатами деятельности;
- 2) идеями, то есть не имеющими «продуктовых» результатов, но которые могут быть зафиксированы на материальных носителях в любом формате как результат деятельности;
- 3) людьми, то есть речь идет о любой деятельности, связанной с человеческим ресурсом.

В постиндустриальный период общественного развития появились существенные изменения вследствие научно-технического прогресса и профессиональной специализации людей. Например, создана информационно-техническая служба поддержки практически во всех типах организаций, предприятий и учреждений, которая одновременно работает не только с 2) информацией, но и с 1) техникой и 3) коммуникацией между людьми. Продолжим расширение ИЛП с нумерацией от 4 до 7, которые формируются, соответственно, как комбинация из базовых видов деятельности, то есть из первых трех:

- 4) сервис — связывает 1, 2 и 3;
- 5) обучение — комбинируется из 2 и 3;
- 6) медиа представляет собой синтез из 1 и 3;
- 7) нововведения и инновации включают в себя деятельность всех видов от 1 до 6.

Методика исследования.

Описание методов сбора, обработки и анализа данных

Идентификация дискурсантов по доступным данным произведена из открытых информационных источников с учетом индивидуальной профессиональной деятельности и опыта с применением дискурсивного анализа названий статей и публикаций, названий и содержания диссертационных работ, наблюдений и анализа утверждений при обсуждении доклада «Новый формат обмена мнениями между участниками междисциплинарного научного семинара» участниками междисциплинарного семинара «Философия и IT» Института философии РАН по видеозаписи. На основании гипотезы мер близости условных расстояний R между институциональной логикой, сформированной в соответствии с профессиональной деятельностью дискурсанта, от позиции возможных институциональных практик, произведено шкалирование, как следует из таблицы 1, необходимое для последующих расчетов с использованием метода кластерного анализа эмпирических данных исследования. Значения R приняты по десятибалльной шкале. Совпадение ИЛП означает, что R равно 1. Если R равно 10, то ответ/утверждение дискурсанта

на основании его институциональной логики максимально удалено от высказываний другого дискурсанта из иной профессиональной сферы деятельности, то есть институциональной практики. $R = 5$ есть среднее значение по шкале, по отношению к которому будет произведено группирование классов ответов дискурсантов согласно гипотезе исследования. Значения R от 1 до 5 позволяют интерпретировать смыслы высказываний на основании совпадения ИЛП. R от 6 до 10 демонстрируют смыслы утверждений и опыт дискурсантов как более полярные.

Таблица 1

Матрица значений R по нумерации институциональных логик и практик дискурсанта

Table 1. Matrix of R -values by numbering of institutional logics and discourse practices

Институциональная логика	Институциональная практика						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
I	1	6	3	5	7	6	4
II	9	1	5	8	2	4	2
III	6	3	1	8	4	7	10
IV	3	5	5	1	8	6	10
V	4	5	8	4	1	9	10
VI	7	5	6	10	7	1	8
VII	5	2	6	10	7	4	1

Классификация дискурсников произведена по информации из открытых источников на основании согласия об обработке персональных данных, посредством анализа статей, публикаций, текстов диссертаций участников семинара, а также анализ меры близости/удаленности ИЛП на примере обсуждения доклада дискурсивным анализом высказываний при обсуждении доклада между участниками семинара по видеозаписи.

В дискуссии после выступления с докладом приняли участие 13 человек. Распределение по полу: 7,1 % — женщины, 92,9 % — мужчины (от 100 %). Основная часть дискурсников — 64,3 % от общего количества участвующих в обсуждении — имеет возраст от 60 до 69 лет, вторая группа (21,4 %) — от 50 до 59 лет, в группах от 70 до 79 и от 80 лет — 7,1 % от 100 % принявших участие в обсуждении. Распределение дискурсников по месту проживания в зависимости от размера города: проживающих в Москве и Санкт-Петербурге — 57,1 % от 100 % участников; в крупных городах с населением от 500 тыс. человек — 28,6 %, в средних городах (от 100 до 500 тыс. человек) и малых городах с населением до 100 тыс. — 7,1 %.

По имеющимся ученым степеням дискурсники распределены следующим образом: без ученой степени — 57,1 % от 100 % участников, аспиранты — 14,3 %, кандидаты наук — 7,1 %, доктора наук — 21,4 %. По сферам практической деятельности распределение дискурсников следующее. Наибольшую группу составляют два вида деятельности дискурсников, работающих в ИТ-сфере и занимающихся психологической практикой: по 21,4 % каждая от 100 % участников. Работающие в научно-исследовательской сфере социологии управления и философии науки и техники составили две группы: по 14,3 % каждая от 100 % участников. Остальные заняты в научно-исследовательской сфере филологии и биологии, сфере инженерии и бизнес-администрирования: четыре группы по 7,1 % каждая от 100 % участников.

Зависимости качества высказываний дискурсников от пола, возраста, места проживания (от городов до мегаполисов) не выявлено. Корреляция высказываний

дискурсников зафиксирована от наличия ученой степени, сферы деятельности и интересов. Рассмотрим ее подробнее.

Распределение качества высказываний дискурсников от темы дискуссии по уровню ученой степени отражено на рисунке 1. В основе расчета — степень близости/удаленности названий диссертационных работ и специализации, предусмотренной Высшей аттестационной комиссией (ВАК), дискурсников от заявленной к обсуждению темы доклада. Заявленная для обсуждения тема доклада совпадает с направлениями институциональных практик под нумерацией 2, 3, 6. Институциональные логики дискурсников пронумерованы по наименованиям диссертационных работ, сферам практической деятельности на момент доклада и определены, согласно таблице 1, по отношению к расстоянию с принятым в качестве гипотезы для исследования уровнем $R = 5$:

1. От $\min$ до $R = 5$ — высказывание максимально совпадает с заявленной к обсуждению теме, имеет допустимый логический предел по смыслу мнения и утверждения быть отнесенным к заявленной теме.

2. От $R = 5$ до $\max$ — высказывание максимально удалено от заявленной к обсуждению теме, выходит за допустимый логический предел по смыслу мнения и утверждения быть отнесенным к заявленной теме.

3. Выше $\max$ — высказывание не по заявленной теме, не имеет отношения к докладу и последующей полемике.

Анализ всех высказываний дискурсников позволил выделить три группы в зависимости от наличия, уровня ученой степени и ее специфики:

- по степени близости (от $\min$ до $R = 5$) количество высказываний 35,7 % к 100 % всех высказываний;
- по степени максимальной удаленности (от $R = 5$ до $\max$) с количеством высказываний 51,8 % и количеством высказываний «не по теме» доклада 12,4 % от 100 % всех высказываний.

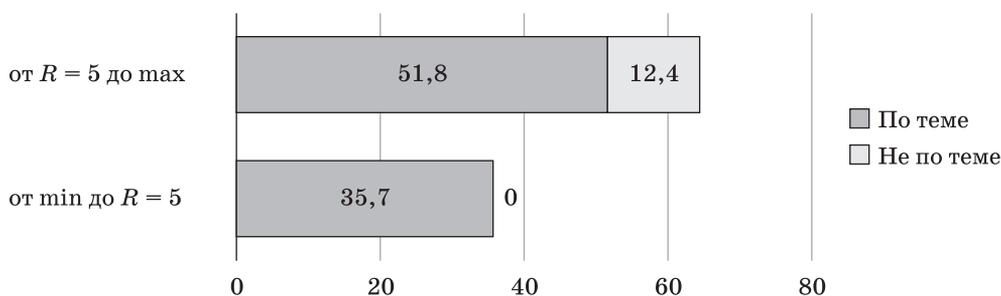

Рис. 1. Распределение близости/удаленности высказываний дискурсников от темы дискуссии в зависимости от ученой степени, %

Fig. 1. Distribution of distance of discursant's statements from the discourse topic depending on the academic degree, %

Гипотеза расстояния $R = 5$ как раздела уровня близости/удаленности высказываний дискурсников нашла подтверждение при анализе первой группы (от $\min$ до $R = 5$), в состав которой вошли участники семинара, имеющие ученые степени, аспиранты и преподаватели, и третьей группы «не по теме», которую составляют участники семинара, не имеющие научной деятельности, специалисты ИТ-сферы и бизнес-администрирования. При анализе второй группы выявлены высказывания, которые могли быть отнесены к первой группе, если бы анализ проводили не только по фактору зависимости от ученой степени и ее специфики.

Сфера интересов/хобби участников семинара (не связанных с их непосредственной рабочей деятельностью) проанализирована по 121 видеозаписи докладов и выступлений на семинаре «Философия и IT» с 2019 по 2024 годы. Для анализа ИЛП дискурсников сфера интересов/хобби представлена следующим образом: квантовая механика, синергетика, философия, модератор семинара, теория «64 стратегем», бизнес-консультирование, «технобуддизм», футурология, литература, языкознание, трансгуманизм, IT-онтология, герменевтика искусственного интеллекта, управление кадрами, социология управления, социология, гештальт-терапия, психология, психология коммуникаций.

Распределение близости/удаленности высказываний дискурсников от темы дискуссии по уровню интересов показано на рисунке 2.

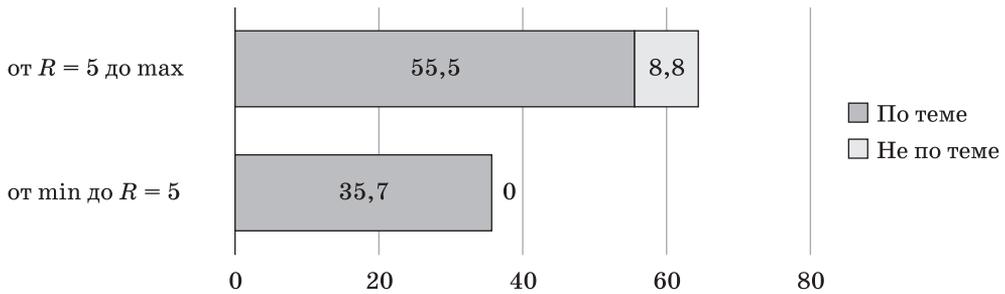

Рис. 2. Распределение близости/удаленности высказываний дискурсников от темы дискуссии в зависимости от интересов, %

Fig. 2. Distribution of remoteness of discursants' statements from the topic of discussion depending on interests, %

Анализ всех высказываний дискурсников дает возможность выделить три группы в зависимости от специфики интересов:

- по степени близости (от min до $R = 5$) количество высказываний достигает 35,7 % от 100 % высказываний в целом;
- по степени максимальной удаленности (от $R = 5$ до max) количество высказываний достигает 55,5 %, а высказываний «не по теме» доклада — 8,8 % от 100 % всех высказываний.

Уровень $R = 5$ как раздел близости/удаленности высказываний дискурсников подтверждается при анализе сферы интересов/хобби первой группы (от min до $R = 5$), в состав которой вошли участники семинара, имеющие интересы, совпадающие с темой обсуждения, и третьей группы «не по теме», которая состоит из тех, кто не интересуется сферой междисциплинарных научных дискуссий и нового формата. При анализе второй группы выявлены высказывания, которые могли быть отнесены к первой группе при условии дискурсивного анализа не только в аспекте сферы интересов дискурсников.

Распределение близости/удаленности высказываний дискурсников от темы дискуссии по ИЛП представлено на рисунке 3.

Идентификация субъектов дискуссии и анализ близости/удаленности ИЛП к заявленной к обсуждению темы показал, что расстояния, определенные в соответствии с таблицей 1, предлагают обоснование правомерности применения при гипотезе введения $R = 5$ для кластерного анализа утверждений дискурсников.

Анализ утверждений позволил выделить три группы субъектов дискуссии в зависимости от ИЛП:

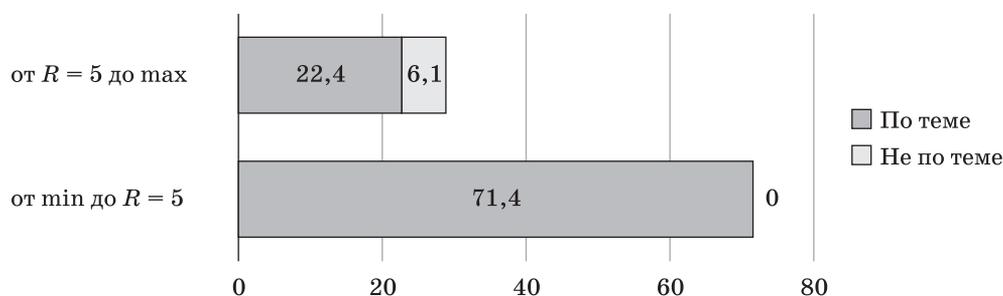

Рис. 3. Распределение близости/удаленности высказываний дискурсников от темы дискуссии по ИЛП, %

Fig. 3. Distribution of distance of discourse participants' statements from the topic of discussion by ILP, %

- по степени близости (от min до $R = 5$) количество высказываний составляет 71,4 % к 100 % всех высказываний;
- по степени максимальной удаленности (от $R = 5$ до max) количество высказываний составляет 22,4 %, высказываний «не по теме» доклада — 6,1 % от 100 % всех высказываний.

Уровень $R = 5$ как раздел близости/удаленности высказываний дискурсников подтверждается при анализе первой группы (от min до $R = 5$). В ее состав вошли дискурсники, имеющие ИЛП, которые совпадают с темой обсуждения. Во второй группе не выявлены высказывания, которые могли быть отнесены к первой группе по ИЛП. В третью группу с высказываниями «не по теме» вошли дискурсники, у которых ИЛП не пересекаются со сферой «новых форматов и процедур междисциплинарных научных» дискуссий.

Анализ данных по видам практической деятельности показывает, что наибольшую группу (42,8 % от 100 % участников) составляют дискурсники, работающие в IT-сфере и занимающиеся психологической практикой. Обозначим ее группой ИТР. Анализ данных по каждому участнику группы ИТР показал, что среди них только один дискурсник имеет ученую степень доктора психологических наук, остальные — без ученых степеней и не имеют практического отношения к междисциплинарным научным семинарам. Таким образом, для 83 % от 100 % участников группы ИТР, которые составили вторую и третью группы, тема доклада и последующее обсуждение по организации, проведению научных семинаров находится за пределами ИЛП.

Выводы

Распределение близости/удаленности высказываний дискурсников от темы дискуссии по ИЛП дает более полный и точный результат в сравнении с результатами анализа по ученой степени и/или по интересам/хобби вследствие применения ИЛП для идентификации и последующей классификации участников семинара с использованием дискурсивного и кластерного анализа с применением условного расстояния как меры близости/удаленности высказываний дискурсников от заданной к обсуждению темы.

Эмпирические исследования в современных условиях управления дискуссиями, особенно в дистанционной среде, необходимо продолжать для поиска способов совершенствования организации процедурных и содержательных аспектов, обмена результатами интеллектуального труда. Это составляет сферу социо-

логии управления и требует в условиях сбора, переработки информации в виртуальных пространствах новых цифровых форматов, поскольку «... усложняются способы создания валидного инструментария — сами эмпирические методы нуждаются в совершенствовании в связи с изменившимися условиями сбора и переработки информации» [12].

В «Тектологии» А. А. Богданов писал, что наука «...должна выяснить, какие способы организации наблюдаются в природе и в человеческой деятельности; затем — обобщить и систематизировать эти способы; далее — объяснить их, т. е. дать абстрактные схемы их тенденций и закономерностей; наконец, опираясь на эти схемы, определить направления развития организационных методов и роль их в экономии мирового процесса» [13, с. 127]. Постановка задачи научного познания организаций является доказанной с начала XX в., актуальным остается поиск способов систематизации. Применение в эмпирическом социологическом исследовании управленческих процессов с использованием подходов методологического индивидуализма к ИПП в условиях научных междисциплинарных дискуссий в цифровой среде является возможным и необходимым для развития инструментов социологических исследований организационных методов в настоящее время.

Список источников

1. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция: коллективная монография / рук. проекта В. А. Ядов. 2-е расш. изд. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 376 с.
2. Шмерлина И. А. «Институциональная логика»: критический анализ направления // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 4. С. 110–138. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.4.4812
3. Татарова Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Высшее образование и наука, 2009. 235 с.
4. Снисаренко С. О., Абызов А. Г. Эффекты сетевизации социальных отношений в рамках деятельностного подхода к научным исследованиям. Социология и право. 2023. Т. 15. № 1. С. 8–16. DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-8-16
5. Thornton P. H., Ocasio W. Institutional logics and the historical contingency of power in organizations: Executive succession in the higher education publishing industry, 1958–1990 // American Journal of Sociology. 1999. Vol. 105. No. 3. P. 801–843. DOI: 10.1086/210361
6. Кирдина С. Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 51–59.
7. Chu I. MacIntyre, Weber and institutional logics // Frontiers in Sociology. 2022. Vol. 7. Article 983190. DOI: 10.3389/fsoc.2022.983190
8. А. И. Московский: Об институционализме / О. В. Барашкова, А. В. Бузгалин, М. Ю. Павлов [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2022. № 6. С. 251–271. DOI: 10.38050/013001052022611
9. Бабушкин В. У. Феноменологическая философия науки: критический анализ. М.: Наука, 1985. 188 с.
10. Методологические основания социологии управления / Н. Л. Захаров, А. В. Воронцов, А. Л. Кузнецов [и др.] // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 2. С. 251–267. DOI: 10.17072/2078-7898/2023-2-251-267
11. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. Кн. 2. М.: Экономика, 1989. 350 с.
12. Социально-экономический анализ инновационного управления цифровыми медиакоммуникациями / Н. Л. Захаров, Н. Н. Покровская, Т. В. Сметанина [и др.]. СПб.: Изд-во ВВМ, 2022. 198 с.
13. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 303 с.

References

1. Yadov V.A. Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: Dispositional concept. 2nd ed. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing; 2013. 376 p. (In Russ.).
2. Shmerlina I.A. "Institutional logic": Critical analysis of the direction. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. 2016;22(4):110-138. (In Russ.). DOI: 10.19181/soc-jour.2016.22.4.4812
3. Tatarova G.G. Fundamentals of typological analysis in sociological research. Moscow: Vysshee obrazovanie i nauka; 2009. 235 p. (In Russ.).
4. Snisarenko S.O., Abyzov A.G. Effects of the networking of social relationships within an activity-based approach to scientific research. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2023;15(1):8-16. (In Russ.). DOI: 10.35854/2219-6242-2023-1-8-16
5. Thornton P.H., Ocasio W. Institutional logics and the historical contingency of power in organizations: Executive succession in the higher education publishing industry, 1958-1990. *American Journal of Sociology*. 1999;105(3):801-843. DOI: 10.1086/210361
6. Kirdina S.G. Methodological institutionalism and the meso-level of social analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2015;(12):51-59. (In Russ.).
7. Chu I. MacIntyre, Weber and institutional logics. *Frontiers in Sociology*. 2022;7:983190. DOI: 10.3389/fsoc.2022.983190
8. Barashkova O.V., Buzgalin A.V., Pavlov M.Yu., Filatov I.V. A.I. Moskovskii: On institutionalism. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Moscow University Economics Bulletin*. 2022;(6):251-271. (In Russ.). DOI: 10.38050/013001052022611
9. Babyshkin V.U. Phenomenological philosophy of science: A critical analysis. Moscow: Nauka; 1985. 188 p. (In Russ.).
10. Zakharov N.L., Vorontsov A.V., Kuznetsov A.L., et al. Methodological foundations of sociology of management. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya = Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. 2023;(2):251-267. (In Russ.). DOI: 10.17072/2078-7898/2023-2-251-267
11. Bogdanov A.A. Tectology: Universal organizational science. In 2 books. Book 2. Moscow: Ekonomika; 1989. 350 p. (In Russ.).
12. Zakharov N.L., Pokrovskaya N.N., Smetanina T.V., et al. Socio-economic analysis of innovative management of digital media communications. St. Petersburg: VVM Publ.; 2022. 198 p. (In Russ.).
13. Bogdanov A.A. Tectology: Universal organizational science. In 2 books. Book 1. Moscow: Ekonomika; 1989. 303 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. Н. Чурина — аспирант, старший преподаватель кафедры управления социально-экономическими системами; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

E. N. Churina — postgraduate student, senior lecturer at the Department of Management of Socio-Economic Systems; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 18.04.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 18.04.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 316.1:332.122

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-234-242

Социально-экономические особенности малых предприятий в аспекте рискованных обстоятельств

Александр Николаевич Фомичев

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, schema51@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1992-4480>

Аннотация. В статье рассмотрены характеристики субъектов малого предпринимательства в контексте рискованных обстоятельств. Проведен анализ социально-экономических особенностей малых предприятий с учетом новых кризисных явлений и их влияния на построение управленческих стратегий. В процессе исследования установлена взаимосвязь между данными характеристиками и факторами риска, доказана необходимость актуализации существующих подходов и методов управления малыми предприятиями. Использованы методы поиска, анализа и обобщения информации. Дана социологическая интерпретация понятия «риск» в исторической ретроспективе и с учетом современных подходов, а также приведены основные положения рискованных концепций. Среди ключевых — социально-экономические характеристики малых предприятий, взаимосвязанных с рискованными обстоятельствами. Выделены ограниченные капиталовложения, малая численность работников, необходимость исполнения социальных обязательств, относительно низкий уровень дохода, более простая организационная структура, уникальность производимых товаров и услуг, локальность рынков сбыта, значительная социальная нагрузка. Сделан вывод о том, что современные трансформации в различных сферах общества усиливают вероятность кризисных процессов. Вместе с тем уровень риска взаимосвязан с социально-экономическими особенностями малых предприятий, которые в большей степени подвержены рискованным последствиям. Малый бизнес показывает значительные адаптивные возможности и готовность быстро изменять управленческие тактики с точки зрения прогнозирования и регулирования рисков.

Ключевые слова: риск, социально-экономические характеристики, малые предприятия, рискованное обстоятельство, кризисные явления, меры поддержки, прогнозирование и регулирование рисков, управленческие стратегии

Для цитирования: Фомичев А. Н. Социально-экономические особенности малых предприятий в аспекте рискованных обстоятельств // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 234–242. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-234-242>

Original article

Socio-economic characteristics of small enterprises in the aspect of risky circumstances

Aleksandr N. Fomichev

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, schema51@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1992-4480>

Abstract. The article considers the characteristics of small business entities in the context of risky circumstances. The socio-economic characteristics of small enterprises are analyzed taking into account the new crisis phenomena and their influence on the construction

© Фомичев А. Н., 2024

of management strategies. In the process of research the interrelation between these characteristics and risk factors is established, the necessity of actualization of existing approaches and methods of management of small enterprises is proved. Methods of search, analysis and generalization of information were used. The sociological interpretation of the concept of “risk” in historical retrospect and taking into account modern approaches is given, as well as the main provisions of risk concepts are given. Among the key ones are socio-economic characteristics of small enterprises interrelated with risky circumstances. Limited capital investments, small number of employees, the need to fulfill social obligations, relatively low level of income, simpler organizational structure, uniqueness of goods and services produced, localization of markets, significant social burden are highlighted. It is concluded that modern transformations in various spheres of society increase the probability of crisis processes. At the same time, the level of risk is interrelated with the socio-economic characteristics of small enterprises, which are more exposed to risk consequences. Small business shows significant adaptive capabilities and readiness to quickly change management tactics in terms of predicting and regulating risks.

Keywords: risk, socio-economic characteristics, small enterprises, risky circumstance, crisis phenomena, support measures, risk forecasting and regulation, management strategies

For citation: Fomichev A.N. Socio-economic characteristics of small enterprises in the aspect of risky circumstances. *Sociology and Law. 2024;16(2):234-242.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-234-242>

Введение

Малое предпринимательство играет важную роль в развитии экономики. Успешное функционирование малых предприятий влияет на рост экономических показателей, увеличение доли валового внутреннего продукта (ВВП), насыщение рынка необходимыми товарами, сокращение безработицы, создание конкурентоспособной среды.

Малый бизнес реагирует на потребности населения, способен гибко подстраиваться под существующую социально-экономическую обстановку. Однако сильные внешнеэкономические процессы увеличивают рисковую нагрузку на малые предприятия. Санкционное давление, трансформации экономических систем в связи с проведением специальной военной операции (СВО), ослабление позиций национальной валюты, повышение ключевых ставок — факторы, напрямую влияющие сегодня на стабильность малых предприятий. Несмотря на то, что количество россиян, занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, растет, доля таких предприятий в общем объеме ВВП России составляет около 20 %. Эти сведения приведены на сайте «Финэкспертиза» [1]. По данным Федеральной налоговой службы (ФНС России), на начало 2024 г. в стране зарегистрировано более 6 млн субъектов малого и среднего предпринимательства, свыше 90 % из которых — это микропредприятия [2].

В современных условиях перед ними представлена целевая установка, заключающаяся в трансформации социально-экономических подходов к управлению, основанная на внедрении инновационных методов, эффективном перераспределении производственных ресурсов, разработке и внедрении управленческих стратегий, обеспечении конкурентной устойчивости. Эти факторы указывают на актуальность исследования, которая содержится в необходимости анализа социально-экономических характеристик малых предприятий как важнейшего сектора экономики. Новизна исследования заключается в рассмотрении особенностей функционирования субъектов малого бизнеса с учетом новых рисков обстоятельств, спровоцированных значительными изменениями в социально-экономическом пространстве.

Цель исследования — проанализировать социально-экономические особенности малых предприятий, установить взаимосвязь между данными характеристиками и факторами риска, доказать необходимость актуализации существующих подходов и методов управления малыми предприятиями. При этом использованы методы поиска, анализа и обобщения информации.

Теория

Поскольку современные бизнес-модели напрямую зависят от общественных процессов, следует обратиться к социологической интерпретации понятия «риск». На необходимость своевременного ответа на рискованные обстоятельства, вызванные глобальными угрозами и опасностями, обратил внимание немецкий социолог У. Бэк в труде «Общество риска. На пути к другому модерну». С возрастанием масштабов неблагоприятных последствий для членов социума все большая роль отведена человеческому фактору, что особенно является показательным в контексте функционирования малых предприятий. Вместе с тем У. Бэк видит взаимосвязь между влиянием риска на производственные процессы и социальными, политическими, экономическими факторами [3, с. 25–37].

Противоположную постмодернистской точку зрения представил Э. Гидденс. Особенность современных рисков он видел в неуправляемости протекающих процессов, которые несут опасность не только для тех или иных субъектов, но и общества в целом [4, с. 107]. Особую роль в усилении влияния рисков он отводил глобализации. При этом в качестве причин возникновения рисков указаны некоторые факторы или человеческие действия [5, с. 152–155].

Зарождение понятия «риск» в научном поле связывают с эпохой Нового времени. Его применение в дальнейшем обусловлено развитием коммерческой деятельности и, как правило, рассмотрено с позиций получения вознаграждения или неудачи. Английские ученые Дж. С. Милль и Н. У. Сениор в классической теории риска обозначали меру риска как математическое ожидание потерь [6]. В целом западные концепции риска, получившие распространение в XX веке, рассматривали кризисные состояния различных систем и первоначально ограничены областью исследования. Однако с развитием общества и осмыслением имеющихся научных подходов тема приобретает все большую популярность и прикладной характер. Среди заинтересованных этой темой ученых — Н. Луман, Т. Парсонс, Р. Мертон, А. Стоунер и др.

Вектор социологических исследований понятия риска на протяжении столетия постепенно смещался от изучения рискованных явлений в узких сферах до более широкого подхода к предмету и пониманию того, что общество является рискогенным и порождает те или иные рискованные обстоятельства. Однако увеличение количества исследований в этой области, множество подходов стимулируют появление различных трактовок изучаемого понятия и методов анализа риска. Данный период характеризуется отсутствием единообразия в исследовании риска. Вместе с тем ученые все больше внимания уделяют изучению характеристик рискованного пространства: от межличностных отношений до деятельности крупных систем [5, с. 152–155].

Актуальность изучения феномена риска в предпринимательской деятельности возрастает к концу XX в. Например, в работах немецких экономистов риск обусловлен связью между личностью предпринимателя и прибылью. Возникает вопрос об определении степени риска и необходимости управления рисками [7, с. 30–32]. Вместе с тем происходит трансформация гуманитарного познания, связанная с усилением кризисных ситуаций: экономических, политических,

демографических, экологических, информационных, иных. Приходит осмысление невозможности абсолютного прогнозирования и регулирования рисков вне анализа социокультурного пространства.

В России интерес к вопросам риска возрастает с приходом рыночной экономики. Трактовка термина имеет субъективный акцент, подкрепленный осознанием неопределенности и неизбежности. Это находит подтверждение в трудах В. И. Зубкова, который среди важнейших черт риска выделяет процесс принятия решения субъектом и его действия в ситуации неопределенности [8, с. 80]. Интерпретация понятия В. А. Петровского несколько отлична: она сводится к ситуативной характеристике, заключающейся в деятельности по преодолению неопределенности в условиях неизбежности. Вместе с тем среди причин возникновения риска В. В. Павлова приводит условия социума, зависящие от определенных характеристик, таких как место жительства, классовая принадлежность, личностные особенности [9, с. 191–193]. Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод об отсутствии единого мнения относительно определения понятия «риск» в социологическом контексте. Но большинство авторов сходятся в том, что риск служит неотъемлемой частью общественных явлений, может нести как разрушающее, так конструктивное воздействие и требует более глубокого анализа и регулирования.

Результаты и обсуждение

Анализ основных социально-экономических характеристик малых предприятий отражает их взаимосвязь с вероятностью рискованных последствий, как видно в таблице 1. В первую очередь малый бизнес отличается ограниченными капиталовложениями. Небольшой инвестиционный ресурс не позволяет предприятию тратить средства на дополнительные расходы как на развитие, так и в кризисных ситуациях. Это увеличивает вероятность возникновения риска, особенно в условиях воздействия внешних факторов [10, с. 57].

Еще одно рискогенное обстоятельство — малая численность работников. Любые кадровые изменения могут значительно повлиять на стратегию управления и дальнейшее развитие бизнеса. В этом контексте дополнительную рисковую нагрузку создают факторы, связанные с проведением СВО (например, частичная мобилизация). В ряде отраслей востребованность сотрудников узкого профиля еще более осложняет кадровую политику. Исходя из данных условий, предприниматели вынуждены строить работу на принципах взаимозаменяемости членов трудового коллектива, что может способствовать снижению качества производимых товаров или предоставляемых услуг. В этой связи наиболее острым становится вопрос об исполнении социальных обязательств перед работниками. Необходимо учитывать как обязанности в соответствии с федеральным законодательством, так и наличие дополнительных мер поддержки, установленных на уровне субъекта федерации или муниципалитета [11, с. 105–108]. В данном случае более эффективным выступает индивидуальный подход к каждому сотруднику. Не менее значим и анализ уровня восприятия риска субъектом рабочего процесса. основополагающей выступает оценка социальной безопасности. Среди ее показателей — угрозы, возникающие на различных уровнях: от мирового до личного. Субъективное восприятие риска напрямую связано с общей оценкой безопасности. При изучении особенностей функционирования субъектов малого предпринимательства в России вполне логичным кажется вывод о лидирующем положении в рейтинге угроз социально-экономических проблем [12, с. 211–212].

Малые предприятия зачастую характеризуются низким уровнем дохода. Данная характеристика обуславливает взаимобратную связь с рисковыми обстоятельствами. Согласно исследованиям динамики показателей финансовой деятельности предприятий, существует прямая зависимость уровня риска и экономической добавленной стоимости. Любое ухудшение конъюнктуры рынка, вызванное влиянием макроэкономических, политических, социокультурных факторов, повышает вероятность возникновения рисков и их негативных последствий [13, с. 182]. Вместе с тем финансовая нестабильность малых предприятий, отрицательные изменения их внутренних характеристик также влияют на получаемую прибыль, что, в свою очередь, увеличивает уровень риска.

Однако субъекты малого бизнеса, как правило, имеют более простую организационную структуру, что позволяет быстро и эффективно перестраивать стратегию управления и реагировать на новые вызовы. Неформальный характер отношений между руководителем и сотрудником дает возможность достигать более высокой мотивации труда: каждый работник, по сути, имеет персональную заинтересованность в успехе, поскольку четко понимает уровень риска и берет часть рискованной нагрузки на себя. Личная ответственность работодателя значительно выше, чем в крупном бизнесе. Обычно он напрямую финансово зависим от деятельности предприятия и вовлечен во все этапы производственного процесса, а значит, нацелен на достижение высоких результатов. Это обстоятельство, с одной стороны, открывает больше возможностей для успешной деятельности хозяйствующего субъекта, с другой — становится очевидным, что сильная зависимость от личности управляющего может увеличивать уровень риска.

Деятельность малого бизнеса, как правило, ориентирована на локальность рынков сбыта. Кроме того, такие предприятия могут предложить уникальные товары и услуги и занимать своего рода экономические ниши. Но они зависимы и от потребительского спроса, платежеспособности населения и изменений конъюнктуры рынка на местном уровне. Например, в труднодоступных моногородах, живущих за счет функционирования крупного промышленного предприятия, в случае ликвидации производства малому бизнесу приходится быстро переориентировать работу с учетом изменений потребительского спроса. Или в населенных пунктах, в которых большую часть доходов получают организации в сфере туризма, любое изменение объемов туристического потока и потенциала по различным причинам (будь то пандемия коронавируса COVID-19 или ограничения выезда за пределы страны) заставляет малый бизнес адаптироваться: изменять сферу деятельности, искать новые рынки сбыта. Таким образом, фактор, на первый взгляд, дающий преимущество, может выступать в роли рискованного обстоятельства.

Не стоит забывать и о том, что малые предприятия зачастую несут значительную социальную нагрузку: создают дополнительные рабочие места, привлекают труд социально незащищенных групп населения, удовлетворяют индивидуальные, порой даже редкие, запросы покупателей, стимулируют потребительскую активность, участвуют в формировании среднего класса. И это именно тот случай, в соответствии с которым изначально рискованные характеристики при выстраивании правильной стратегии управления могут положительно сказываться на жизнеспособности предприятия.

В целом малый бизнес больше подвержен риску. Но нельзя отрицать тот факт, что малые предприятия обладают большей гибкостью и адаптивностью, могут быстрее реагировать на изменяющуюся социально-экономическую ситуацию с гораздо меньшими затратами ресурсов, как финансовых, так и трудовых. Однако при выстраивании стратегии управления рисками особое внимание должно быть

Взаимосвязи основных социально-экономических характеристик малых предприятий с наиболее возможными рисками

Table 1. Correlations of the main socio-economic characteristics of small enterprises with the most possible risks

Социально-экономические особенности малых предприятий	Наиболее возможные риски
Небольшой инвестиционный ресурс	Финансовые риски
Малая численность работников	Кадровые риски
Низкий уровень дохода	Финансовые риски
Низкая управляемость процессами	Репутационные, кадровые риски
Локальность рынков сбыта	Риск конкуренции
Высокая социальная нагрузка	Регуляторные риски

уделено социально-экономическим и психологическим особенностям коллектива. В их числе — пол, возраст, семейное положение, материальный статус, социальные ожидания и установки субъектов, уровень приемлемости ими социального риска [14].

Кроме изучения внутренних социально-экономических характеристик малых предприятий, следует обратить внимание и на внешние факторы. Среди них — географическое положение, климатическая зона, особенности транспортно-логистической инфраструктуры. Так, природные особенности обуславливают сезонность ведения бизнеса, удаленность от промышленных центров затрудняет поставки сырья и материалов. В зависимости от региона могут действовать локальные правовые акты, ограничивающие реализацию товаров и услуг или налагающие на бизнес дополнительные обязательства в виде мер поддержки (например, полярные надбавки для жителей Крайнего Севера). Все эти аспекты влияют на вероятность возникновения риска и, как следствие, выстраиваемую модель управления.

Выводы

Таким образом, уровень риска взаимосвязан с социально-экономическими особенностями предприятий. Социальные, политические, экономические, культурные трансформации, которые испытывает российское общество сегодня, усиливают вероятность кризисных процессов. Учитывая роль малого бизнеса для экономической системы страны в целом и подверженность таких предприятий наступлению негативных последствий, более острым становится вопрос прогнозирования и регулирования рисков. Это говорит о необходимости выстраивания новой более гибкой стратегии управления малыми предприятиями, основанной на анализе социально-экономических характеристик в контексте рисков обстоятельств, и, как следствие, актуализации подходов и методов риск-менеджмента в данной сфере.

В исследуемый процесс все активнее вовлекаются государственные механизмы регулирования рисков [15, с. 5]. Сегодня разработан целый ряд мер поддержки малого бизнеса. Их выбор зависит от социально-экономических характеристик и потребностей хозяйствующего субъекта. Так, Минэкономразвития РФ предложены различные программы поддержки для предпринимателей, занятых в сфере услуг, малого и среднего бизнеса. Многие из них реализуются при поддержке

партнеров: рекламных, маркетинговых платформ, социальных сетей. Действуют программы льготного кредитования и экспресс-займы, расширяются возможности доступа к социальным контрактам, увеличены авансы по государственным контрактам. Кроме того, до конца 2024 г. действует мораторий на проверки предприятий и предпринимателей, расширен список оборудования, ввоз которого освобождается от налога на добавленную стоимость, ряд товаров освобожден от таможенной пошлины. Работают механизмы, позволяющие компенсировать дополнительные расходы предпринимателей. Для малых предприятий предусмотрены грантовые проекты и федеральные программы в определенных сферах. Аналогичные меры поддержки вводят и в регионах. Значим тот факт, что их разнообразие на разных уровнях власти коррелируется с внешними и внутренними особенностями ведения бизнеса в том или ином субъекте Российской Федерации.

Соответственно, сегодня прослеживаются существенные изменения в подходе к регулированию рисков на уровне государства. Это стимулирует предприятия внимательнее относиться к своей социально-экономической структуре, корректировать методы управления в зависимости от новых вызовов и угроз. Подробный анализ особенностей функционирования предприятия, его сильных и слабых сторон позволяет прогнозировать риски и выбирать более эффективные управленческие тактики. В настоящее время малый бизнес — это вполне устойчивая, быстро адаптирующаяся система, конкурентоспособность и выживаемость которой существенно зависит от характеристик, которыми он обладает, и, конечно, стратегий управления, которыми руководствуется для преодоления современных кризисных явлений.

Список источников

1. Количество занятых в малом и среднем бизнесе превысило 30 млн человек // ФинЭкспертиза. 2023. 7 ноября. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/mal-i-sred-biz-30-mln/> (дата обращения: 23.01.2024).
2. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба: офиц. сайт. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=2&ssrf=51> (дата обращения: 25.03.2024).
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / пер. с англ. // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 5. С. 107–134.
5. Дорожкин А. М., Григорьева Н. Е. Риск в социальном пространстве: историческая ретроспектива и современность // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 3. С. 150–161.
6. Перепелица В. А., Попова Е. В., Савинская Д. Н. Анализ основных исторических и современных определений понятия риск // Политематический сетевой электрон. науч. журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 72. С. 210–223. URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/08/pdf/20.pdf> (дата обращения: 25.11.2023).
7. Васильева Е. Е. История и современность концепции риска в экономике // Инновационная наука. 2015. Т. 1. № 4-1. С. 30–32.
8. Зубков В. И. Риск в структуре экономического поведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2001. № 2. С. 76–93.
9. Иванникова Е. Д. Социологическая интерпретация понятия социальный риск // Вестник Ставропольского государственного университета. 2007. № 52. С. 190–195.
10. Кучумов А. В., Печерица Е. В. Цифровые инновации, соответствующие требованиям ПОД/ФТ и риск-ориентированный подход // Экономический вектор. 2022. № 4. С. 56–63. DOI: 10.36807/2411-7269-2022-4-31-56-63

11. Кучумов А. В., Печерица Е. В. Цифровая трансформация предпринимательской деятельности: национальные и международные исследования // Экономический вектор. 2023. № 1. С. 103–108. DOI: 10.36807/2411-7269-2023-1-32-103-108
12. Максимова С. Г., Гончарова Н. П., Ноянзина О. Е. Особенности восприятия риска в структуре оценки личной и социальной безопасности // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-1. С. 211–215
13. Полюшко Ю. Н., Шевко Н. Р., Бочарова М. Е. Риски снижения доходности компании и инструменты управления ими // Индустриальная экономика. 2022. № 1-2. С. 181–186. DOI: 10.47576/2712-7559-2022-1-2-181
14. Фомичев А. Н. Регулирование социальных рисков в управлении малыми предприятиями // Молодой ученый. 2022. № 43. С. 266–268.
15. Голицова Н. Н., Печерица Е. В., Лихошерстов А. В. Интернационализация кластерных предприятий малого и среднего бизнеса // Экономический вектор. 2023. № 1. С. 5–12. DOI: 10.36807/2411-7269-2023-1-32-5-12

References

1. The number of people employed in small and medium-sized businesses exceeded 30 million people. FinExpertiza. Nov. 07, 2023. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/mal-i-sred-biz-30-mln/> (accessed on 23.01.2024). (In Russ.).
2. Unified register of small and medium-sized businesses. Official website of the Federal Tax Service. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=&level=0&fo=2&ssrf=51> (accessed on 25.03.2024). (In Russ.).
3. Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag; 1986. 396 p. (Russ. ed.: Beck U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. 384 p.).
4. Giddens A. Fate, risk and security. In: Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the late Modern Age. Cambridge: Polity Press; 1991:109-143. (Russ. ed.: Giddens A. Sud'ba, risk i bezopasnost'. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i system = THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*. 1994;(5):107-134).
5. Dorozhkin A.M., Grigoryeva N.E. Risk in social space: Historical retrospective and modernity. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2008;(3):150-161. (In Russ.).
6. Perepelitsa V.A., Popova E.V. Savinskaya D.N. Analysis of basic historical and modern definitions of “risk” concept. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Scientific Journal of KubSAU*. 2011;(72):210-223. URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/08/pdf/20.pdf> (accessed on 25.11.2023). (In Russ.).
7. Vasi l'eva E.E. History and modernity of the concept of risk in economics. *Innovatsionnaya nauka = Innovation Science*. 2015;1(4-1):30-32. (In Russ.).
8. Zubkov V.I. Risk in the structure of economic behaviour. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*. 2001;(2):76-93. (In Russ.).
9. Ivannikova E.D. Sociological interpretation of the concept of social risk. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007;(52):190-195. (In Russ.).
10. Kuchumov A.V., Pecheritsa E.V. Digital innovation, AML/CFT compliant and risk-based approach. *Ekonomicheskii vector = Economic Vector*. 2022;(4):56-63. (In Russ.). DOI: 10.36807/2411-7269-2022-4-31-56-63
11. Kuchumov A.V., Pecheritsa E.V. Digital transformation of entrepreneurship: National and international studies. *Ekonomicheskii vector = Economic Vector*. 2023;(1):103-108. (In Russ.). DOI: 10.36807/2411-7269-2023-1-32-103-108
12. Maximova S.G., Goncharova N.P., Noyanzina O.E. Peculiarities of risk-perception in structure of estimation of personal and societal security. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*. 2012;(2-1):211-215. (In Russ.).

13. Polyushko Yu.N., Shevko N.R., Bocharova M.E. Risks of a decrease in the company's profitability and tools for managing them. *Industrial'naya ekonomika = Industrial Economics*. 2022;(1-2):181-186. (In Russ.). DOI: 10.47576/2712-7559-2022-1-2-181
14. Fomichev A.N. Regulation of social risks in the management of small enterprises. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2022;(43):266-268. (In Russ.).
15. Golitsova N.N., Pecheritsa E.V., Likhosherstov A.V. Internationalization of clustered SMEs. *Ekonomicheskii vector = Economic Vector*. 2023;(1):5-12. (In Russ.). DOI: 10.36807/2411-7269-2023-1-32-5-12

Информация об авторе

А. Н. Фомичев — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

A. N. Fomichev — postgraduate student; 44a Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 26.06.2024.

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 34.01

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-243-248

Правовое понятие «интеллектуальная собственность»: теоретические вопросы

Елена Владимировна Воскресенская^{1✉}, Николай Николаевич Жильский,
Александр Сергеевич Катеков³

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Россия

³ филиал «Московский центр управления воздушным движением ФГУП
«Госкорпорация по ОрВД», Москва, Россия

¹ elenvoskr@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-2995-7001>

² zilskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-1620>

³ Al.Kategov@yandex.ru

Аннотация. На основании положений международных правовых актов и норм национального законодательства авторами проанализировано определение понятия «интеллектуальная собственность». Рассмотрены концептуальные подходы отдельных российских исследователей к пониманию этой дефиниции. Выявлено, что современное содержание термина «интеллектуальная собственность» вызывает вопросы, и отношение к нему со стороны представителей научного сообщества видится неоднозначным. Институт интеллектуальной собственности преодолел огромный исторический путь. В свою очередь, сегодня его структура в целом логична и открыта к изменениям, происходящим в обществе, унифицирована согласно основным положениям действующих международных договоров. При этом институт интеллектуальной собственности развивается по мере роста научно-технического прогресса того или иного общества, а также системы интегративных связей между заинтересованными странами, а значит, исследования в данной сфере должны и будут продолжаться.

Ключевые слова: объекты интеллектуальной собственности, интеллектуальные права, исключительные права, результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации

Для цитирования: Воскресенская Е. В., Жильский Н. Н., Катеков А. С. Правовое понятие «интеллектуальная собственность»: теоретические вопросы // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 243–248. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-243-248>

Original article

Legal concept of “intellectual property”: Theoretical issues

Elena V. Voskresenskaya^{1✉}, Nikolay N. Zhilskiy², Aleksandr S. Kategov³

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

© Воскресенская Е. В., Жильский Н. Н., Катеков А. С., 2024

³ Moscow Air Traffic Control Center Branch of FSUE State ATM Corporation, Moscow, Russia

¹ elenvoskr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2995-7001>

² zilskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-1620>

³ Al.Kategov@yandex.ru

Abstract. Based on the provisions of international legal acts and norms of national legislation, the authors analyze the definition of the concept of “intellectual property”. The conceptual approaches of some Russian researchers to the understanding of this definition are considered. It is revealed that the modern content of the term “intellectual property” raises questions, and the attitude to it on the part of representatives of the scientific community is seen ambiguous. The institute of intellectual property has overcome a huge historical path. In turn, today its structure is generally logical and open to the changes occurring in society, unified in accordance with the main provisions of existing international treaties. At the same time, the institute of intellectual property develops with the growth of scientific and technological progress of this or that society, as well as the system of integrative ties between interested countries, which means that research in this area should and will continue.

Keywords: intellectual property objects, intellectual rights, exclusive rights, results of intellectual activity, means of individualization

For citation: Voskresenskaya E.V., Zhilskiy N.N., Kategov A.S. Legal concept of “intellectual property”: Theoretical issues. *Sociology and Law*. 2024;16(2):243-248. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-243-248>

Введение

С каждым годом мир все больше погружается в процессы глобализации. За ними параллельно идут и процессы цифровизации. Благодаря этому институт интеллектуальной собственности с каждым годом приобретает особую значимость.

Действительно, сегодня нельзя представить общество, которое бы не пользовалось продуктами, содержащими существующие и вновь появляющиеся результаты интеллектуальной деятельности в повседневности. В свою очередь, глобализационные процессы, охватывающие современные общества, также оказывают влияние и на развитие института интеллектуальной собственности в контексте развивающихся технологий и инноваций. Поэтому вопрос о понятии и сегодняшнем состоянии интеллектуальной собственности остается актуальным, требующим современного подхода к решению, возникающих вопросов и задач.

Материалы и методы

Рассматриваемым в статье вопросам в последние несколько лет посвящено немало изданных научных трудов. Однако, учитывая специфику, постоянное развитие в рамках творчества и в аспекте технологий такого явления, как «интеллектуальная собственность», появляющиеся научные работы зачастую не имеют возможности учитывать все происходящие в данных отношениях изменения. С каждым годом растет количество дискуссий о возникновении и правовой регламентации потенциально новых объектов интеллектуальной собственности. Данные и иные, отраженные в работе факты, свидетельствуют о наличии ряда спорных вопросов, требующих комплексного исследования. Теоретической базой исследования, послужившего основой статьи, стали научные труды классических и современных отечественных авторов, занимающихся изучением правовых вопросов интеллектуальной собственности, ее структуры, развития, динамики, а также внедрения и применения данного института в рамках повсеместно происходящих процессов цифровизации.

Результаты

Авторами сделан вывод о том, что интеллектуальная собственность — это условное и собирательное понятие, означающее в равной степени как объекты интеллектуальной собственности, так и интеллектуальные права на эти объекты (например, в рамках авторского права), способ восприятия которого зависит от того или иного национального правового режима и юрисдикции либо от волеизъявления субъектов в гражданско-правовых договорах и иных документах, опосредующих данные отношения. Предлагаем следующее определение рассмотренного правового явления: интеллектуальная собственность — это совокупность охраняемых объектов интеллектуальной собственности и приравненных к ним средств индивидуализации, имеющих объективированную форму, в отношении которых у автора или иного лица возникают исключительное право, личные неимущественные и иные права, если иное не установлено законом.

Обсуждение

Анализ понятия «интеллектуальная собственность» стоит начать с того, что оно не является новым. Но развивалось это понятие в рамках смежных отношений. Как указывал И. А. Близнец, в римском праве прослеживались отношения права собственности на произведения искусства [1, с. 23].

Рассматриваемое понятие выступило объектом научных изысканий многих отечественных юристов и ученых. Так, В. Д. Спасович писал, что существо авторского права воспринималось по примеру французского законодательства, и оно носило наименование собственности литературной, художественной или музыкальной [2, с. 18]. Итогом исследования Г. Ф. Шершеневича стало признание авторского права самостоятельным явлением, включающим в себя различные составляющие, в том числе имущественную («право на распространение») [3]. Необходимость в выделении имущественной составляющей в авторском праве Г. Ф. Шершеневич находил в том, чтобы обеспечить защиту интересов «интеллектуальных тружеников» [3, с. 14].

Формальное закрепление термин «интеллектуальная собственность» получил в Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) (Стокгольм, 1967 г.). Все, в том числе известные сегодня объекты интеллектуальных прав, признаваемые международным сообществом, содержатся именно в ст. 2 указанной Конвенции [4].

Несмотря на всеобщее мировое признание такого правового явления, как «интеллектуальная собственность», исследователи сталкиваются с отсутствием универсального определения этого термина. В науке данный вопрос по-прежнему вызывает дискуссии, будучи объектом рассмотрения для множества работ. Сегодня в Российской Федерации (РФ) термин «интеллектуальная собственность» закреплен в ст. 44 Конституции РФ, а раскрыт в ст. 1225 Гражданского кодекса (ГК) РФ. Однако, учитывая законодательное раскрытие указанного определения, отечественные ученые не оставляют этот вопрос и привносят собственное видение термина «интеллектуальная собственность». М. А. Костенко пишет, что интеллектуальная собственность — это не права на произведения и иные объекты интеллектуальных прав, а именно объекты [5, с. 12]. Другие ученые указывают, что «интеллектуальная собственность представляет собой совокупность результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, полученных в результате творческой деятельности и выраженных в форме, установленной законодательством» [6, с. 234].

Иного мнения, например, придерживается Е. А. Исупова. С ее точки зрения, рассматриваемое явление необходимо толковать как «исключительное право субъекта на результаты интеллектуальной деятельности, а также на приравненные к ним средства индивидуализации» [7, с. 119]. А. Л. Маковский поддерживает концепцию исключительных прав [8, с. 285].

Авторы предполагают, что основанием точки зрения цивилистов, которые относят «интеллектуальную собственность» только к объектам или результатам интеллектуальной деятельности, служат нормы отечественного законодательства. Действительно, российский законодатель прямо закрепил, что объекты интеллектуальных прав — это результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, которым предоставлена правовая охрана. Позицию данных исследователей и законодателя поддерживает и Верховный Суд РФ, разъясняющий и толкующий рассматриваемое явление через объекты, что отражено в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [9].

Вместе с тем мнение исследователей, придерживающихся концепции исключительных прав, не лишено смысла и вполне уместно считать оправданным. Можно утверждать, что их точка зрения основана на международно-правовом толковании понятия «интеллектуальная собственность» с учетом, например, положения Конституции РФ о приоритетном значении международных договоров в случае противоречия их нормам национального законодательства. Россия является участницей множества международных соглашений и конвенций, регулирующих вопросы интеллектуальной собственности, и в некоторых международных договорах «интеллектуальная собственность» раскрыта именно через права на результаты интеллектуальной деятельности, а не через «объекты». Упомянутую выше Конвенцию, учреждающую ВОИС, можно привести в качестве примера такого международного соглашения. Антипод ее — Всемирная декларация по интеллектуальной собственности 2000 г. В п. «i» ст. 2 этой Декларации определено, что «под интеллектуальной собственностью понимается любая собственность, признаваемая по общему согласию в качестве интеллектуальной по характеру и заслуживающей охраны, включая отдельные объекты интеллектуальных прав» [10].

Существует мнение, с учетом которого проблема законодательного определения рассматриваемого правового института состоит в том, что ГК РФ использованы два слова, не вполне соответствующие смыслу этого термина: «собственность» и «интеллектуальная». В свою очередь, мы согласны с мнением ученых, полагающих, что слова, составляющие термин «интеллектуальная собственность», нельзя толковать отдельно друг от друга, они должны восприниматься как единый термин или юридическая категория [11, с. 7; 12, с. 99]. Более того, считаем, что феномен интеллектуальной собственности необходимо рассматривать не как нечто определенное, будь это исключительно объекты или субъективные права, а скорее, как концепцию, сложный и разноплановый термин, трактовать который следует в широком смысле.

Выводы

Таким образом, подводя итоги рассматриваемого исследования, можно заключить, что:

1. Интеллектуальная собственность — это условное и собирательное понятие, включающее в себя как объекты интеллектуальной собственности, так и интеллектуальные права на эти объекты.

2. Институт интеллектуальной собственности развивался и продолжает активное развитие в соответствии с ростом научно-технического прогресса того или иного общества, а также системы интегративных связей между заинтересованными странами.

3. Законодательство многих государств оставляет открытым перечень объектов интеллектуальных прав, предвидя изменения, происходящие в современных обществах в связи с развитием цифровизации, цифровых технологий и международных связей в области интеллектуальных и творческих достижений. Помимо объектов, многие национальные законодательства под понятием интеллектуальной собственности подразумевают и права на указанные объекты.

Список источников

1. *Близнец И. А.* Интеллектуальная собственность и закон. Теоретические вопросы. М.: Проспект, 2016. 896 с.
2. *Спасович В. Д.* Права авторские и контрафакция. СПб.: тип. М. О. Вольфа, 1865. 106 с.
3. *Шершеневич Г. Ф.* Избранное: в 6 т. Т. 3. Авторское право на литературные произведения. М.: Статут, 2017. 479 с.
4. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (изменена 2 октября 1979 г.) // WIPO lex. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/283837> (дата обращения: 26.05.2023).
5. *Костенко М. А., Лупандина О. А.* Основы права интеллектуальной собственности: учеб. пособие. Ростов н/Д, Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2018. 86 с.
6. *Грудцына Л. Ю., Чернявский А. Г.* К вопросу о сущности и природе интеллектуальной собственности // Образование и право. 2021. № 6. С. 230–236. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-230-236
7. *Исупова Е. А.* Понятие интеллектуальной собственности // Концепт: науч.-метод. электрон. журнал. 2019. № 5. С. 114–119. DOI: 10.24411/2304-120X-2019-13032
8. *Маковский А. Л.* «Интеллектуальная собственность» в Конституции России // Служение праву. Памяти профессора В. А. Туманова посвящается: сб. ст. / под ред. Д. А. Туманова, М. В. Захаровой. М.: Проспект, 2017. С. 276–285.
9. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/43aaf13dab686e10fefdb4ac1f79c32a2fddef3b/ (дата обращения: 26.05.2023).
10. Всемирная декларация по интеллектуальной собственности от 26 июня 2000 г. // Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент). URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/vsemirnaya-deklaraciya-po-intellektualnoy-sobstvennosti-ot-26-iyunya-2000-g> (дата обращения: 02.05.2024).
11. *Новоселова Л. А., Рожкова М. А.* Интеллектуальная собственность: некоторые аспекты правового регулирования: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 128 с.
12. *Лобастов А. А., Исмаилов К. И., Воскресенская Е. В.* Конституционно-правовая защита интеллектуальной собственности // Социология и право. 2017. № 2. С. 96–101.

References

1. Bliznets I.A. Intellectual property and law: Theoretical issues. Moscow: Prospekt; 2016. 896 p. (In Russ.).
2. Spasovich V.D. Copyright and counterfeiting. St. Petersburg: M.O. Wolf Print.; 1865. 106 p. (In Russ.).
3. Shershenevich G.F. Selected works. In 6 vols. Vol. 3: Copyright for literary works. Moscow: Statut; 2017. 479 p. (In Russ.).
4. Convention establishing the World Intellectual Property Organization (amended October 2, 1979). WIPO lex. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/283837> (accessed on: 26.05.2023). (In Russ.).

5. Kostenko M.A., Lupandina O.A. Fundamentals of intellectual property law. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal University Publ.; 2018. 86 p. (In Russ.).
6. Grudtsyna L.Yu., Chernyavsky A.G. On the essence and nature of intellectual property. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*. 2021;(6):230-236. (In Russ.). DOI: 10.24412/2076-1503-2021-6-230-236
7. Isupova E.A. Concept of intellectual property. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept" = Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept"*. 2019;(5): 114-119. (In Russ.). DOI: 10.24411/2304-120X-2019-13032
8. Makovskii A.L. "Intellectual property" in the Russian Constitution. In: Tumanov D.A., Zakharova M.V., eds. *Serving the law. Dedicated to the memory of professor V.A. Tumanov*: Coll. pap. Moscow: Prospekt; 2017:276-285. (In Russ.).
9. On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019 No. 10. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/43aaf13dab686e10f_efdb4ac1f79c32a2fdfef3b/ (accessed on 26.05.2023). (In Russ.).
10. World Declaration on Intellectual Property of June 26, 2000. Federal Service for Intellectual Property (Rospatent). URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/vsemirnaya-deklaraciya-po-intellektualnoy-sobstvennosti-ot-26-iyunya-2000-g> (accessed on 02.05.2024). (In Russ.).
11. Novoselova L.A., Rozhkova M.A. *Intellectual property: Some aspects of legal regulation*. Moscow: Norma, Infra-M; 2014. 128 p. (In Russ.).
12. Lobastov A.A., Ismailov K.I., Voskresenskaya E.V. Constitutional and legal protection of intellectual property. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2017;(2):96-101. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Воскресенская — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Н. Н. Жильский — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. С. Категов — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника; 125167, Москва, Ленинградский пр., д. 37, корп. 7.

Information about the authors

E. V. Voskresenskaya — Doctor of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Constitutional and International Law, 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

N. N. Zhilskiy — Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

A. S. Kategov — Doctor of Law, Professor, deputy chief; 37-7 Leningradskiy Ave., Moscow 125167, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 343.341.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-249-255

Проблемы юридической регламентации нормы о занятии высшего положения в преступной иерархии

Косьяненко Елена Валерьевна¹, Трухин Максим Анатольевич²✉

^{1, 2} Алтайский институт экономики — филиал Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия

¹ gertelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7552-9887>

² trukhin1975@bk.ru✉

Аннотация. Публикация посвящена критическому анализу структуры состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). По итогам рассмотрения нормы авторами сделан вывод об отсутствии в ней деяния, что нарушает базовые положения уголовного законодательства. В текущей конструкции состава момент его окончания на практике смещен в начало действия нормы. Аргументировано соотношение деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 210, ст. 210.1 УК РФ. Указаны границы этих преступлений. Утверждается, что постепенная адаптация приводит к сглаживанию юридических дефектов состава, однако этот процесс не способен решить все проблемные аспекты ст. 210.1 УК РФ.

Ключевые слова: занятие высшего положения, отсутствие деяния, опасное состояние личности, основание уголовной ответственности, объективное вменение

Для цитирования: Косьяненко Е. В., Трухин М. А. Проблемы юридической регламентации нормы о занятии высшего положения в преступной иерархии // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 249–255. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-249-255>

Original article

Problems of legal regulation of the norm on occupation of the highest position in the criminal hierarchy

Elena V. Kosyanenko¹, Maxim A. Trukhin²✉

^{1, 2} Altai Institute of Economy — branch of St. Petersburg University of Technologies of Management and Economy, Barnaul, Russia

¹ gertelev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7552-9887>

² trukhin1975@bk.ru✉

Abstract. The publication is devoted to the critical analysis of the structure of the corpus delicti stipulated by Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF). Based on the results of the review of the norm the authors conclude that there is no act in it, which violates the basic provisions of criminal legislation. In the current construction of the corpus delicti the moment of its termination in practice is shifted to the beginning of the norm. The correlation of the act provided for by part 4 of article 210, article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is argued. The boundaries of these crimes are indicated. It is argued that gradual adaptation leads to smoothing of legal defects of the composition, but this process is not able to solve all problematic aspects of Art. 210.1 of the Criminal Code of the RF.

Keywords: occupation of the highest position, absence of an act, dangerous state of personality, basis of criminal liability, objective imputation

For citation: Kosyanenko E.V., Yumasheva I.A., Trukhin M.A. Problems of legal regulation of the norm on occupation of the highest position in the criminal hierarchy. *Sociology and Law*. 2024;16(2):249-255. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-249-255>

Введение

Ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии существует на протяжении более пяти лет. Между тем по-прежнему не утихают критические дискуссии относительно нарушения юридической техники в формулировке нормы, в частности в понимании содержания деяния, его начала и момента окончания, соотношения деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 210, ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Такого рода неоднозначность непосредственно влияет на успешное интегрирование в практику. Объективным критерием данного утверждения является статистическое исследование, которое показывает, что лишь из более половины регистрируемых преступлений уголовные дела поступают в суд (из 207 всего 126) и только каждое третье лицо осуждено (28 из 86).

Таблица 1

Динамика показателей по ст. 210.1 УК РФ с 2019 по 2023 г. [1]

Table 1. Dynamics of indicators under Art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation from 2019 to 2023 [1]

Год	Зарегистрировано преступлений	Уголовные дела, направленные в суд с обвинительным заключением	Удельный вес из числа зарегистрированных преступлений, %	Выявлено лиц, совершивших преступление	Осуждено лиц	Удельный вес из числа выявленных лиц, %
2019	36	0	0	0	0	0
2020	44	24	54,54	22	0	0
2021	37	32	86,5	33	8	24,24
2022	45	27	60	31	20	64,52
2023	45	43	95,5	47	—	—
Итого	207	126	59,3	86	28	32,56

Источник: Состояние преступности (архивные данные) за 2019–2023 гг. // МВД России. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 20.02.2024); Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2019–2022 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.02.2024).

Теория

Причина противоречий прослеживается в нарушении технико-юридических правил правотворческой деятельности, а именно системности и логичности. Акцент на статусе лица не согласуется с базовыми тезисами: «преступление есть деяние», «деяние является основанием уголовной ответственности», «виновное

совершение действия» и др. Попытка изложенное в диспозиции занятие высшего положения в преступной иерархии толковать с позиции действия [2; 3, с. 145] не соответствует семантике законопроекта, в котором речь идет о том, что относительно факта лидерства лица в преступной иерархии уголовная ответственность не предусмотрена [4].

Указанная несостыковка с основами уголовного законодательства на первоначальном этапе правоприменения приводила к оправдательным приговорам [5]. Далее практика пошла по пути адаптации к действующим нормам УК РФ и Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ, указывая в приговорах (а следовательно — в обвинительных заключениях) на текущую деятельность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Так, в деле З. Т. Абдулхаликова говорится о том, что он, используя свой криминальный авторитет, организовал и провел в ресторане «сходку», на которой принял решение о назначении «смотрящим» лица по прозвищу Тамач в криминальной среде [6].

В другом приговоре сделан акцент на том, что осужденный О. М. Бекаев, находясь в больнице Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России), участвовал во встрече с осужденными К. Р. Зарандией и С. А. Мироновым, занимающими лидирующее положение в преступной иерархии, решал вопросы по распределению в криминальной среде поступающих на территорию исправительных учреждений табачных изделий, разрешению конфликтных ситуаций, распространению криминальной идеологии. Кроме того, он путем дачи указаний перевел осужденного, имеющего уголовную кличку Каха, на нижестоящий уровень преступной иерархии [7]. Эти и другие решения судов [8; 9] свидетельствуют о необходимости системного подхода в процессе принятия новых норм, чтобы в процессе их реализации правоприменителю не пришлось додумывать недостающие признаки.

Результаты и обсуждение

Комплексный анализ ст. 210 и 210.1 УК РФ показывает отсутствие обязанности доказывания текущей активной роли лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Следовательно, прошлая преступная деятельность служит основанием уголовной ответственности. Однако такое положение приводит к объективному вменению, от которого отечественное законодательство отказалось еще в 1961 г., с принятием УК РСФСР. Современный переход к социологической школе уголовного права возродил идею опасного состояния личности без привязки к криминальному поведению лица [10, с. 97]. Данная модель преступления показала историческую несостоятельность и рискованность.

В связи с тем, что диспозиция ст. 210.1 УК РФ не содержит деяния, говорить о начале и моменте его окончания с позиции длящегося преступления видится проблематичным. Как известно, таким признают действие или бездействие, образующее состав конкретного преступления и характеризующееся последующим непрерывным осуществлением состава данного преступного деяния [11]. У лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, отсутствуют обязанности, которые на него возложены законом, к тому же под угрозой уголовного наказания. Тем не менее приведенный нами тезис поддерживают не все [12, с. 31; 13]. Правоприменитель приспособился к оригинальной формулировке ст. 210.1 УК РФ путем акцентирования внимания на том, что норма начала действовать с 12 апреля 2019 г. Повсеместно в приговорах стали указывать на то, что лицо не отказалось от своего статуса, осознавая противоправность своих действий, продолжило занимать высшее положение в преступной иерархии, придерживаясь

правил и обычаев, принятых в уголовно-правовой среде [14]. Таким образом, практика пошла по пути смещения понятия «оконченный состав преступления» на «начало действия нормы».

Постепенное приспособление нормы под основные институты уголовного законодательства сглаживает юридические дефекты конструкции состава, однако это не способно решить все проблемные аспекты. По-прежнему не утихают споры о соотношения деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 210, ст. 210.1 УК РФ. Относительно урегулирования этого вопроса существует несколько точек зрения: суть первой сводится к тому, что совокупность этих преступлений ведет к двойному вменению [15, с. 35]; вторая заключается в том, что квалификация по двум статьям нарушает принцип справедливости, и поэтому целесообразно рассматривать как перерастание менее опасного преступления (ст. 210.1 УК РФ) в другое, более опасное (ч. 4 ст. 210 УК РФ) [16, с. 18]. Третья точка зрения гласит о том, что разные деяния, но возможна их совокупность [17, с. 29].

Исследуемые составы взаимосвязаны, и об этом свидетельствует расположение последней в структуре закона. Вместе с тем открытым остается вопрос о том, насколько они коррелируют друг друга. Действительно, это — разные деяния, поскольку уголовная ответственность по ст. 210.1 УК РФ предусмотрена за факт опасного статуса лица. Высокое положение субъекта в преступном сообществе связано с совершением деяний, предусмотренных ч. 1 или ч. 1.1 ст. 210 УК РФ. «Объем» преступных действий, согласно ст. 210 УК РФ, находится во взаимосвязи с организацией преступного сообщества (речь идет о создании, руководстве, участии и т. п.). При современной трактовке занятия высшего положения в преступной иерархии ответственность наступает только за «обладание статусом».

В связи с изложенным становится очевидным, что границы преступлений нужно проводить по признаку, указывающему на то, состоит или не состоит такое лицо в преступной организации. Если оно входит в организацию, то ответственность наступает по ч. 4 ст. 210 УК РФ, а если не входит — по ст. 210.1 УК РФ. Следовательно, данные составы взаимно исключают друг друга. Авторы, которые пишут о возможной совокупности преступлений, рассматривают «занятие» с позиции действия и вкладывают в содержание ст. 210.1 УК РФ ситуацию, в которой лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, помимо вопросов, решаемых в преступном сообществе, регулирует иные криминальные ситуации (пропагандирует традиции криминального мира, решает споры между осужденными, назначает «положенцев», «смотрящих»), не связанные с деятельностью преступной организации [17, с. 29].

Цель появления ст. 210.1 УК РФ — противодействие организованной преступности. Законодатель вынужден был согласиться с тем, что, благодаря своему положению в преступной иерархии, лидеры преступных сообществ, как правило, уходят от уголовной ответственности. Именно для того, чтобы они ее не избежали, введена норма относительно факта лидерства. Однако лишь криминализация занятия высшего положения в преступной иерархии не способна обеспечить цели наказания, в частности предупреждение преступлений. Поскольку лицо, попадая в исправительное учреждение, оказывается в привычной для него среде, то есть исключения его лидерства из криминального мира не происходит, а наоборот, увеличивается.

Вместе с тем обратим внимание на то, что сотрудники ФСИН России, осознавая неминуемость влияния таких лиц на остальной контингент осужденных, стараются их изолировать, помещая в штрафные изоляторы, помещения камерного типа, единые помещения камерного типа (ст. 115, 118 УИК РФ). Действующая редакция ст. 58 УК РФ дает возможность суду назначить часть срока в тюрьме, но это не яв-

ляется обязательным. Между тем только в условиях полного исключения из криминального социума станет возможным обеспечить предупреждение дальнейшего совершения преступления. Из изученных нами десяти приговоров по ст. 210.1 УК РФ (в отношении 13 лиц) лишь в одном лицо приговорили первые пять лет отбывать в тюрьме [14], в остальных — срок в целом назначен или в колонии особого режима (трое осужденных), или строгого (девять лиц).

Выводы

Резюмируя изложенное, укажем, что рассогласованность текста нормы, предусмотренной ст. 210.1 УК РФ, с практикой ее применения негативно отражается на процессе правореализации в целом и тормозит его ход. В настоящее время расширительное толкование не решает задачи борьбы с лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии (в подтверждение приведена статистика). Помещение таких лиц в учреждения ФСИН России не способствует ограничению их участия в урегулировании криминальных управленческих вопросов, а напротив, существенно их повышает.

Между тем криминальные свойства личности, безусловно, должны быть признаны законодателем как источник антисоциального поведения. Однако статус лица — это лишь дополнение к деянию (например, п. «а» ч. 5 ст. 131 УК РФ). В связи с этим считаем, что норма нуждается в доработке, в частности в уточнении деяния.

Список источников

1. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 2019–2022 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.02.2024).
2. Занятие высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ): квалификация и расследование: монография / А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. В. Харченко, В. А. Шурухнов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 204 с.
3. Скобликов П. А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) // Закон. 2019. № 11. С. 144–152.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: законопроект № 645492-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 20.02.2024).
5. Дело оправданного красноярского вора в законе Найбауэра снова поступило в суд // Интерфакс. 2022. 17 февраля. URL: <https://www.interfax.ru/russia/822578> (дата обращения: 20.02.2024).
6. Приговор Верховного Суда Республики Дагестан от 11 октября 2021 г. по делу № 2-6/2021 // АО «Кодекс». URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/728024923> (дата обращения: 20.02.2024).
7. Приговор Верховного Суда Удмуртской Республики от 12 августа 2021 г. Дело № 2-9/2021.
8. Приговор Нижегородского областного суда от 26 мая 2021 г. Дело № 2-3/2021.
9. Приговор Вологодского областного суда от 2 декабря 2021 г. Дело № 2-2/2021.
10. Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90–99. DOI: 10.31857/S102694520012235-9
11. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о делящихся и продолжаемых преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 // Российская газета. 2023. 22 декабря. URL: <https://www.rg.ru/docu>

- ments/2023/12/22/document-postanovlenie-plenuma-verhovnogo-suda-rf-ot-12-dekabrya-2023-n43.html (дата обращения: 15.02.2024).
12. Бажутов С. А., Кунашев А. А. Особенности уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК) // Законность. 2022. № 11. С. 25–33.
  13. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 15 ноября 2019 г. по делу № 22К-2206/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fAGvquyWtvVQ/> (дата обращения: 15.02.2024).
  14. Приговор Новгородского областного суда от 16 июня 2022 г. Дело № 02-3/2022.
  15. Егорова Н. А., Егоров А. Г. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение дискуссии // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1. С. 34–44. DOI: 10.25724/VAMVD.MGHI
  16. Бураков В. Н., Щепельков В. Ф. Занятие высшего положения в преступной иерархии как основание уголовной ответственности // Криминалистика. 2020. № 2. С. 14–19.
  17. Борков В. Н. Отграничение занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) от руководства преступным сообществом (ч. 4 ст. 210 УК РФ) // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 1. С. 24–30. DOI 10.31085/2310-8681-2023-1-204-24-30

References

1. Report on the number of people convicted of all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts were issued in criminal cases for 2019-2022. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed on 20.02.2024). (In Russ.).
2. Bagmet A.M., Bychkov V.V., Kharchenko S.V., Shurukhnov V.A. Occupying the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): Qualifications and investigation. Moscow: Norma; Infra-M; 2023. 204 p. (In Russ.).
3. Skoblikov P.A. Highest rank in criminal hierarchy: A follow-up to conversation on interpretation of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Zakon.* 2019;(1):144-152. (In Russ.).
4. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of combating organized crime. Bill No. 645492-7. System for ensuring legislative activities of the State Automated System “Zakonotvorchestvo”. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (accessed on 20.02.2024). (In Russ.).
5. The case of the acquitted Krasnoyarsk thief in law Neibauer again went to court. Interfax. Feb. 17, 2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/822578> (accessed on 20.02.2024). (In Russ.).
6. Verdict of the Supreme Court of the Republic of Dagestan dated October 11, 2021 in case No. 2-6/2021. JSC “Kodeks”. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/728024923> (accessed on 20.02.2024). (In Russ.).
7. Verdict of the Supreme Court of the Udmurt Republic of August 12, 2021. Case No. 2-9/2021.
8. Verdict of the Nizhny Novgorod Regional Court of May 26, 2021. Case No. 2-3/2021.
9. Verdict of the Vologda Regional Court of December 2, 2021. Case No. 2-2/2021.
10. Brilliantov A.V., Shcherbakov A.D. The theory of the dangerous condition of person: One step forward or two steps back? *Gosudarstvo i pravo = State and Law.* 2020;(10):90-99. (In Russ.). DOI: 10.31857/S102694520012235-9
11. On some issues of judicial practice in criminal cases of ongoing and ongoing crimes. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 12, 2023 No. 43. Rossiiskaya gazeta. Dec. 22, 2023. URL: <https://www.rg.ru/documents/2023/12/22/document-postanovlenie-plenuma-verhovnogo-suda-rf-ot-12-dekabrya-2023-n43.html> (accessed on 15.02.2024). (In Russ.).
12. Bazhutov S.A., Kunashev A.A. Specifics of criminal liability of the persons, holding top positions in the criminal hierarchy (Art. 2101 of the Criminal Code). *Zakonnost’.* 2022;(11):25-33. (In Russ.).

13. Appeal ruling of the Supreme Court of the Republic of Dagestan dated November 15, 2019 in case No. 22K-2206/2019. Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fAGvqyuWtvVQ/> (accessed on 15.02.2024). (In Russ.).
14. Verdict of the Novgorod Regional Court of June 16, 2022. Case No. 02-3/2022.
15. Egorova N.A., Egorov A.G. Criminal liability for occupying a senior position in the criminal hierarchy: Continuation of the discussion. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Vestnik. Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2020;(1):34-44. (In Russ.). DOI: 10.25724/VAMVD.MGHI
16. Burlakov V.N., Shchepel'kov V.F. Occupying a higher position in the criminal hierarchy as a basis for criminal liability. *Kriminalist" = The Criminalist*. 2020;(2):14-19. (In Russ.).
17. Borkov V.N. Delimitation of occupying the highest position in the criminal hierarchy (Art. 2101 CC RF) from the leadership of the criminal community (P. 4 Art. 210 CC RF). *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminalists and Criminologists*. 2023;(1): 24-30. (In Russ.). DOI 10.31085/2310-8681-2023-1-204-24-30

Информация об авторах

Е. В. Косьяненко — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, основ правозащитной и правоохранительной деятельности; 656011, Барнаул, Ленина пр., д. 106е;
М. А. Трухин — кандидат юридических наук, доцент, директор; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

E. V. Kosyanenko — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil Law, Fundamentals of Human Rights and Law Enforcement; 106e Lenin Ave., Barnaul 656011, Russia;
M. A. Trukhin — PhD in Law, Associate Professor, Director; 106e Lenin Ave., Barnaul 656011, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 339.543

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-256-265

Соглашение об определении таможенной стоимости как инструмент таможенного регулирования

Павел Павлович Королев¹, Андрей Васильевич Ефимовский²✉

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ paul-jr@mail.ru

² ave_70@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4627-5857>

Аннотация. В статье рассмотрены инструменты таможенного и налогового регулирования в Российской Федерации, в частности в сфере ценообразования для целей налогообложения и контроля таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза. С учетом сложности процесса рассмотрения проектов соглашений о ценообразовании, а также частоты перемещения одним поставщиком различных товаров через таможенную границу либо идентичности перевозимых товаров нескольких поставщиков сделано предположение о том, что одним из инструментов таможенного регулирования является соглашение об определении таможенной стоимости. Такие соглашения могут упростить процедуру перемещения товаров через таможенную границу добросовестных участников внешнеэкономических отношений. Исследуемая тема требует дальнейшей разработки и анализа действующего национального законодательства с целью формирования теоретико-правовых подходов к такому инструменту таможенного регулирования, в том числе в аспекте установления, регулирования и определения порядка реализации правомочий таможенных органов при заключении соглашений с участниками внешнеэкономической деятельности. Согласно авторской позиции, разработка проектов выбранных для исследования соглашений и основных их условий может обуславливать появление и иных инструментов таможенного регулирования, обеспечивая проникновение некоторых понятий и инструментов частного права в публично-правовые отношения.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, таможенное регулирование, таможенная стоимость, соглашение об определении таможенной стоимости

Для цитирования: Королев П. П., Ефимовский А. В. Соглашение об определении таможенной стоимости как инструмент таможенного регулирования // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 256–265. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-256-265>

Original article

Agreement on customs value determination as an instrument of customs regulation

Pavel P. Korolev¹, Andrew V. Efimovsky²✉

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, St. Petersburg,
Russia

¹ paul-jr@mail.ru

² ave_70@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4627-5857>

© Королев П. П., Ефимовский А. В., 2024

Abstract. The article considers the tools of customs and tax regulation in the Russian Federation, in particular in the sphere of pricing for taxation purposes and control over the customs value of goods imported into the customs territory of the Eurasian Economic Union. Given the complexity of the process of reviewing draft pricing agreements, as well as the frequency of movement of different goods across the customs border by one supplier or the identity of the transported goods of several suppliers, it is assumed that one of the tools of customs regulation is a customs value agreement. Such agreements can simplify the procedure of moving goods across the customs border of bona fide participants of foreign economic relations. The topic under study requires further development and analysis of the current national legislation in order to form theoretical and legal approaches to such an instrument of customs regulation, including in the aspect of establishing, regulating and determining the procedure for exercising the powers of customs authorities when concluding agreements with participants in foreign economic activity. According to the author's position, the development of draft agreements selected for the study and their basic conditions can condition the emergence of other tools of customs regulation, ensuring the penetration of some concepts and tools of private law in public-law relations.

Keywords: foreign economic activity, customs regulation, customs value, customs value, customs value agreement

For citation: Korolev P.P., Efimovsky A.V. Agreement on customs value determination as an instrument of customs regulation. *Sociology and Law. 2024;16(2):256-265.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-256-265>

Введение

Проблема повышения эффективности государственного регулирования и контроля хозяйственной деятельности, в том числе внешнеэкономической, является одной из наиболее обсуждаемых как на уровне представителей законодательной и исполнительной власти в процессе нормотворчества и правоприменения, так и в профессиональном юридическом сообществе, и в бизнес-сообществе. Эта проблема не только не теряет актуальности, а скорее, приобретает все большую значимость ввиду стремительного развития экономических отношений, появления новых видов экономической деятельности, усложнения связей между участниками внешнеэкономических отношений.

Таможенное регулирование всегда имело свою особенность: большое количество соглашений и Конвенций по достижению гармонизации как системы, так и таможенных правоотношений. По нашему мнению, одной из важнейших задач, подлежащих решению для достижения максимальной эффективности государственного управления и контроля формирования стоимости перемещаемых через таможенную границу товаров, является усовершенствование существующих и создание новых инструментов таможенного регулирования, которые могли бы, во-первых, обеспечить максимальный баланс интересов государства и негосударственных субъектов внешнеэкономической деятельности; во-вторых, дать возможность быстро реагировать участникам таможенных правоотношений на изменения в экономической сфере (появление новых технологий, товаров, услуг) и геополитической обстановке (введение ограничений, появление новых международных объединений); в-третьих, стать своего рода базой для разработки регуляторных норм на основе эмпирического опыта реализации правомочий государственных органов в правоотношениях с участниками внешнеэкономической деятельности.

Полагаем, одним из таких инструментов может быть разновидность публично-правового договора: соглашение между государственными органами и субъектами внешнеэкономической деятельности об определении порядка, условий и пре-

делов государственного управления и контроля в конкретной их сфере — определении таможенной стоимости.

Материалы и методы

При подготовке статьи использованы методы прогнозирования, позволяющие определить возможность совершенствования договорных отношений; анализа имеющихся позиций в юридической литературе, нормативно-правовых актов: Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также Модельного закона «Об административных процедурах», принятого Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ от 28 октября 2022 г. № 54-28, позволивших определить проблематику и предложить авторское видение решения проблемы. Проанализированы результаты исследований системного изменения действующего регулирования и налоговые новации в области контроля за трансфертным ценообразованием, особенности перевозок грузов различными видами транспорта через таможенную границу.

Результаты

В российской юридической науке соглашения между государством и негосударственными субъектами экономической деятельности чаще всего определяют как административный договор [1, с. 78; 2]. Определение понятия «административный договор» содержится в Модельном законе «Об административных процедурах» [3]. Под таким договором следует понимать соглашение, которое заключено в публичных интересах административным органом в рамках реализации его компетенции с гражданами, в том числе имеющими статус индивидуального предпринимателя, объединениями граждан, в том числе юридическими лицами, или другими административными органами, основанное на двустороннем (многостороннем) волеизъявлении. Из определения становится очевидным, что установлены обязательные признаки такого вида соглашений: во-первых, одной из сторон договора должен выступить административный орган; во-вторых, должен быть направлен на осуществление публично-правовой компетенции административного органа; в-третьих, связан с волеизъявлением сторон. Полагаем, можно выделить и четвертое требование — соответствие принципам для международных коммерческих договоров.

На современном этапе развития правового регулирования в России большинство таких административных договоров либо связаны с совместной инвестиционной деятельностью государства и бизнеса (например, государственно-частное партнерство, соглашения о разделе продукции), либо носят «символический» характер, фактически не устанавливая прав и обязанности сторон правоотношений, а лишь дублируя законодательные нормы, на основании которых эти соглашения заключены (например, договор пользования участком недр). В частности, А. Н. Шохин, С. О. Оганнисян пишут: «Государственно-частное партнерство представляет собой один из способов развития инвестиционных проектов, основанный на долгосрочном взаимодействии государства и бизнеса, при котором частная сторона может участвовать как в создании (проектировании, финансировании, строительстве и (или) реконструкции) объекта инфраструктуры, так и в его последующей эксплуатации и/или техническом обслуживании, в своих интересах и в интересах публичной стороны. Соглашения, реализуемые по осталь-

ным формам взаимодействия государства и бизнеса, в количественном соотношении составляют менее 15 % от всего объема заключенных соглашений» [4, с. 140–141]. Публично-правовые договоры как особый инструмент государственного регулирования рассматривает в своих работах Д. В. Хаустов. Характеризуя публично-правовые договоры на примере регулирования природопользования, исследователь считает, что на современном этапе развития правового регулирования такие договоры не представляют собой самостоятельные инструменты в форме полноценной правовой конструкции, а фактически служат составной частью специальных разрешений на право осуществления конкретного вида деятельности (лицензии) [5].

По нашему мнению, наибольшее развитие соглашение об установлении прав и обязанностей сторон при реализации государственным органом полномочий по регулированию и контролю получило в сфере налогообложения, в частности в форме соглашений о ценообразовании для целей налогообложения. С момента появления данный инструмент налогового регулирования и контроля постоянно изменялся и совершенствовался. Так, в соответствии с Федеральным законом от 27 ноября 2023 г. № 539-ФЗ, вносящим изменения в части первую и вторую НК РФ, отдельные законодательные акты РФ [6], среди прочего изменен порядок определения интервала рыночных цен при использовании биржевых котировок и данных информационно-ценовых агентств. Этим же законом введены понятие «медиана» и порядок его расчета, установлены механизм вторичной корректировки и требования по раскрытию дополнительной информации в отчетности по трансфертному ценообразованию, расширена процедура заключения соглашений о ценообразовании.

В сфере таможенного регулирования действующее законодательство также предусматривает возможность, а иногда и обязанность, заключения соглашения между участником внешнеэкономической деятельности и государством в лице таможенных органов. Например, соглашения о взаимодействии, заключаемые между уполномоченным таможенным органом и уполномоченным экономическим оператором на основании ч. 8 ст. 86 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» [7]. Но, как указано ранее, такие соглашения самостоятельно не устанавливают права и обязанности участников регулируемых ими правоотношений.

Полагаем, можно согласиться с тезисом М. А. Кадыркулова о том, что в «основе модернизации таможенного администрирования лежит совершенствование инструментов таможенного регулирования, среди которых обозначаются и международные соглашения, регулирующие таможенные правонарушения»¹. По его словам, «институт уполномоченного экономического оператора (УЭО) — важный инструмент таможенного регулирования в части выстраивания партнерских отношений между добропорядочными участниками внешнеэкономической деятельности и таможенными органами» [8, с. 189].

По нашему мнению, одним из наиболее сложных видов контроля в сфере таможенного регулирования является контроль таможенной стоимости. Некоторые исследователи относят правовой механизм регулирования таможенной стоимости к отдельным средствам таможенного регулирования [9].

Об этом свидетельствует и значительная доля споров об определении таможенной стоимости в общем количестве споров участников внешнеэкономической деятельности с таможенными органами. В 2022 г. Федеральной таможенной

---

¹ Мукай Асанович Кадыркулов — член Коллегии (Министр) по таможенному сотрудничеству Евразийской экономической комиссии.

службой России по направлению контроля таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, в отношении 220 339 деклараций на товары внесены изменения в сведения, заявленные в декларациях на товары, о таможенной стоимости товаров (далее — корректировка), что на 9,6 % больше количества корректировок (201 084), проведенных в 2021 г. В результате данной работы сумма дополнительно взысканных в бюджет таможенных пошлин и налогов составила 25,85 млрд руб. Доля товарных партий с корректировкой таможенной стоимости в общем объеме импортируемых товаров возросла с 5,9 % в 2021 г. до 8,9 % в 2022 г. [10] Доля исков об оспаривании решений таможенных органов по таможенной стоимости в общем количестве составляет 25,3 % [10].

Видится, что это обусловлено процедурой определения и подтверждения таможенной стоимости в контексте наличия и актуальности информации о стоимости сделки с идентичными или однородными товарами. Многие ученые предметом исследования в последнее время выбирают проблемы формирования и контроля таможенной стоимости, предлагая возможные пути реформирования в аспекте инструментов таможенного регулирования: А. А. Артемьев, Г. И. Немирова и др. Например, В. Е. Новиков утверждает, что «для обеспечения нормального функционирования тарифного регулирования необходимо, прежде всего, откорректировать методологию контроля таможенной стоимости» [11, с. 80].

Попыткой создать инструмент, разъясняющий участникам внешнеэкономической деятельности порядок определения таможенной стоимости и предоставляющий больше возможностей по подтверждению верности ее определения можно считать появление в таможенном законодательстве таких процедур, как отложенное определение таможенной стоимости [12] и выдача предварительного решения по вопросам применения методов определения таможенной стоимости товаров, ввозимых в Россию [7]. Однако, видится, что указные процедуры лишь частично решают проблемы, возникающие в процессе контроля таможенной стоимости, поскольку отложенное определение таможенной стоимости не изменяет обязанности декларанта в части подтверждения таможенной стоимости, не упрощает данную процедуру, а лишь переносит ее во времени. В случае выдачи предварительного решения по вопросам применения методов определения таможенной стоимости товаров таможенный орган, в отличие от процедуры принятия предварительного решения о классификации товаров, не делает заключения о верности определения таможенной стоимости.

С учетом того, что к числу основных функций Федеральной таможенной службы и Федеральной налоговой службы отнесены фискальные, а порядок определения налоговой базы, по нашему мнению, имеет единую природу и назначение с установлением таможенной стоимости, полагаем, что опыт применения соглашений о ценообразовании для целей налогообложения может быть рассмотрен и учтен при совершенствовании правового регулирования контроля таможенной стоимости. Это также соответствует Рекомендации Всемирной таможенной организации [13, р. 67].

Так, процедуры отложенного определения таможенной стоимости и выдачи предварительного решения по вопросам применения методов определения таможенной стоимости товаров в сочетании с мерами таможенного контроля и предусмотренными законом специальными упрощениями для УЭО могут развиваться в более сложный инструмент и найти выражение в установлении возможности заключения публично-правовых договоров между таможенными органами и участниками внешнеэкономической деятельности. По нашему мнению, предметом таких публично-правовых договоров (далее — Соглашение об определении

таможенной стоимости) могут быть виды и (или) перечни сделок и товаров (работ, услуг), в отношении которых заключено Соглашение об определении таможенной стоимости; методы и порядок определения таможенной стоимости; перечень источников информации, используемых при определении соответствия таможенной стоимости условиям Соглашения об определении таможенной стоимости; перечень, порядок и сроки представления документов, подтверждающих исполнение условий Соглашения об определении таможенной стоимости; обстоятельства, влияющие на изменение таможенной стоимости, порядок определения такого влияния и корректировки таможенной стоимости, пределы отклонений и способ расчета медианного показателя при проведении корректировки; иные условия по соглашению сторон в пределах компетенции таможенных органов.

Заключение Соглашения об определении таможенной стоимости позволило бы обеспечить эффективный контроль таможенной стоимости и одновременно снизить как административную нагрузку на участников внешнеэкономической деятельности, так и объем мер, форм контроля, применяемых таможенными органами, в том числе в следующих ситуациях:

- отсутствие или недостаточность открытых данных о ценах сделок с идентичными или однородными товарами, отказ третьих лиц в предоставлении или иные ограничения в получении документов и сведений, необходимых для подтверждения структуры таможенной стоимости;
- уникальность товаров, работ, услуг, условий сделки или технологий, применяемых в хозяйственной деятельности декларанта или поставщика товаров, работ, услуг;
- наличие взаимосвязи участников внешнеторговой сделки;
- наличие большого количества дополнительных начислений к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате.

Например, участник внешнеэкономической деятельности неоднократно перемещает товары одного класса или вида через таможенную границу раз в полгода. Каждый раз ему необходимо формировать пакет документов, подтверждающий таможенную стоимость товаров, хотя в содержательной стороне документов, представляемых в данном случае, различий не будет. Это лишь затягивает сроки выпуска товара и возлагает как на участника внешнеэкономической деятельности, так и на таможенный орган, обязанность осуществления дополнительных действий, связанных с соблюдением требований к выпуску товара. Еще одним примером дублирования работы по контролю и подтверждению таможенной стоимости может послужить случай, при котором через таможенную границу перемещен идентичный или однородный товар, но другим участником внешнеэкономической деятельности. Возможность заключения с таким участником соглашения, основанного на подобном, ранее заключенном в отношении идентичных или однородных товаров или включение такого субъекта стороной в уже существующее соглашение, не только ускорит возможность перемещения товаров, но и обеспечит единообразную практику определения таможенной стоимости на однотипный вид товаров.

Соглашения об определении таможенной стоимости как иные публично-правовые договоры могут быть заключены лишь в пределах полномочий государственного органа, осуществляющего функции по регулированию, контролю и надзору в установленной законом области. При этом диспозитивность в применении тех или иных мер и/или форм контроля либо способов управления, даже в строго ограниченных пределах полномочий конкретного органа, может способствовать повышению эффективности государственного управления и контроля. Диспозитивность, по нашему мнению, позволяет оперативно реагировать на изменение

обстоятельств как государству при реализации им функций регулирования и контроля, так и участникам внешнеэкономической деятельности в случае планирования бизнес-процессов; способствует снижению нагрузки на всех участников рассматриваемых правоотношений.

Возможность включения инструмента публично-правового договора в сферу таможенного регулирования и контроля осложнена тем, что регулирование отношений в сфере таможенного дела, в частности определения и контроля таможенной стоимости, базируется и на основополагающих международных соглашениях, таких как Генеральное соглашение по тарифам и торговле, Международная Конвенция о гармонизированной системе описания и кодирования товаров, а в России — и на соглашениях в рамках Евразийского экономического союза.

Опыт применения сходных инструментов в сфере налогообложения и налогового контроля, сформировавшийся в России, интенсивное развитие таких инструментов дают возможность делать прогнозы относительно того, что публично-правовой договор может стать частью системы таможенного регулирования, и в целом процесс взаимопроникновения норм частного и публичного права в России будет развиваться. Н. М. Коршунов пишет: «Сочетание частного-правового и публично-правового регулирования, как в сфере частных, так и в сфере публичных отношений, является закономерным процессом правового развития» [14, с. 117].

Выводы

Соглашение об определении таможенной стоимости является одним из инструментов таможенного регулирования. На практике возникают случаи, в которых один и тот же субъект внешнеэкономической деятельности перемещает через таможенную границу разные партии одного товара, либо товара того же класса или вида. Каждый раз такому участнику будет необходимо проходить процедуру контроля и подтверждения таможенной стоимости. Это и усложняет, путем дублирования, деятельность государственных органов, и сказывается на сроках экономической деятельности участника либо возлагает на участника дополнительные обязательства. Подобное произойдет и в случае перемещения через таможенную границу аналогичного товара другим участником. Очередная процедура контроля и подтверждения таможенной стоимости могла бы быть существенно изменена по срокам и в сторону упрощения при возможности заключения с участником внешнеэкономической деятельности соглашения об определении таможенной стоимости, или включения такого участника стороной в существующее соглашение.

Положительный опыт применения соглашений о ценообразовании для целей налогообложения может быть рассмотрен и учтен при совершенствовании правового регулирования контроля таможенной стоимости. Заключение соглашений об определении таможенной стоимости обеспечило бы эффективный контроль таможенной стоимости и одновременно снизило административную нагрузку на участников внешнеэкономической деятельности в ситуациях отсутствия или недостаточности открытых данных о ценах сделок с идентичными либо однородными товарами, отказа третьих лиц в предоставлении или несвоевременном предоставлении документов и сведений, необходимых для подтверждения структуры таможенной стоимости; уникальности товаров, работ, услуг, условий сделки или технологий, наличие большого количества дополнительных начислений к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате; наличие взаимосвязи участников внешнеторговой сделки.

Список источников

1. Машкин Н. А., Шаповалов Д. А., Прокопьев А. И. Правовое регулирование частно-правовых публичных договоров и управленческих актов в современных условиях // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. № 3. С. 76–79.
2. Стариков Ю. Н., Давыдов К. В. Административный договор в системе государственного управления: назначение, правовые условия, виды // Административное право и процесс. 2013. № 5. С. 4–9.
3. О модельном законе «Об административных процедурах»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 28 октября 2022 г. № 54-28 // Исполнительный комитет СНГ. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6691#text> (дата обращения: 04.12.2023).
4. Шохин А. Н., Оганнисян С. О. Государственно-частное партнерство как инструмент развития взаимодействия бизнеса и государства // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2-3. С. 139–145.
5. Хаустов Д. В. Публично-правовые договоры как особый инструмент государственного регулирования природопользования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 227 с.
6. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 27 ноября 2023 г. № 539-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202311270059> (дата обращения: 04.12.2023).
7. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ (с изм. от 24 июля 2023 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/f325005aaae63bf4b906d726a178ad41bb625912/ (дата обращения: 04.12.2023).
8. Кадыркулов М. А. Понятие правового инструментария и средств таможенного регулирования // Социально-политические науки. 2019. Т. 9. № 2. С. 189–194.
9. Стрижова О. А. Правовое регулирование таможенной стоимости: автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.
10. Отчет об исполнении основных показателей работы таможенных органов Российской Федерации: сб. 2022 // Федеральная таможенная служба. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2023-03/14/sbornik_2022.zip (дата обращения: 04.12.2023).
11. Новиков В. Е. Таможенная стоимость в системе таможенного регулирования и контроля // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 3. С. 80–88.
12. Об утверждении Порядка отложенного определения таможенной стоимости товаров: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 июня 2018 г. № 103 (в ред. от 6 апреля 2021 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300635/d206caba299fa10f68a8a799dff14d5d6aaa18fa/?ysclid=ls0b0se34s361426260 (дата обращения: 04.12.2023).
13. WCO guide to customs valuation and transfer pricing. Brussels: World Customs Organization, 2018. 114 p. URL: <https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/key-issues/revenue-package/wco-guide-to-customs-valuation-and-transfer-pricing.pdf?la=en> (дата обращения: 04.12.2023).
14. Коршунов Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 240 с.

References

1. Mashkin N.A., Shapovalov D.A., Prokopyev A.I. Legal regulation of private-law public contracts and management acts in modern conditions. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata = Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2021;(3):76-79. (In Russ.).

2. Starilov Yu.N., Davydov K.V. Administrative contract in the public administration system: Purpose, legal conditions, types. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*. 2013;(5):4-9. (In Russ.).
3. On the model law “On administrative procedures”. Resolution of the Interparliamentary Assembly of Member States of the Commonwealth of Independent States dated October 28, 2022 No. 54-28. CIS Executive Committee. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6691#text> (accessed on 04.12.2023). (In Russ.).
4. Shokhin A.N., Ogannisyan S.O. Public-private partnership as a tool for developing interaction between business and the state. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. 2020;(2-3):139-145. (In Russ.).
5. Khaustov D.V. Public law agreements as a special instrument of state regulation of environmental management. Cand. legal sci. diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2003. 227 p. (In Russ.).
6. On amendments to parts one and two of the Tax Code of the Russian Federation, certain legislative acts of the Russian Federation and the recognition as invalid of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation. Federal Law of November 27, 2023 No. 539-FZ. Konsul'tantPlyus. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202311270059> (accessed on 04.12.2023). (In Russ.).
7. On customs regulation in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation. Federal Law of August 3, 2018 No. 289-FZ (as amended on July 24, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/f325005aaae63bf4b906d726a178ad41bb625912/ (accessed on 04.12.2023). (In Russ.).
8. Kadyrkulov M.A. The concept of legal instruments and tools of customs regulation. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Sociopolitical Sciences*. 2019;9(2):189-194. (In Russ.).
9. Strizhova O.A. Legal regulation of customs value. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Moscow: SU HSE; 2008. 26 p. (In Russ.).
10. Report on the implementation of the main performance indicators of the customs authorities of the Russian Federation: Coll. 2022. Federal Customs Service. URL: https://customs.gov.ru/storage/document/document_info/2023-03/14/sbornik_2022.zip (accessed on 04.12.2023). (In Russ.).
11. Novikov V.E. Customs value in the system of customs control measures. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii = The Russian Customs Academy Messenger*. 2020;(3):80-88. (In Russ.).
12. On approval of the Procedure for deferred determination of the customs value of goods. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated June 19, 2018 No. 103 (as amended on April 6, 2021). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300635/d206caba299fa10f68a8a799dff14d5d6aaa18fa/?ysclid=ls0b0se34s361426260 (accessed on 04.12.2023). (In Russ.).
13. WCO guide to customs valuation and transfer pricing. Brussels: World Customs Organization; 2018. 114 p. URL: <https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/key-issues/revenue-package/wco-guide-to-customs-valuation-and-transfer-pricing.pdf?la=en> (accessed on 04.12.2023).
14. Korshunov N.M. Convergence of private and public law: Problems of theory and practice. Moscow: Norma; Infra-M; 2020. 240 p. (In Russ.).

Информация об авторах

П. П. Королев — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.;

А. В. Ефимовский — заместитель начальника научно-исследовательского отдела; 198206, Санкт-Петербург, Летчика Пилютова ул., д. 1.

Information about the authors

P. P. Korolev — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

A. V. Efimovsky — Deputy Head of the Research Department; 1 Letchika Pilyutova st., St. Petersburg 198206, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 22.12.2023; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 349.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-266-275

Роль и правовое значение срочных трудовых контрактов в социально-экономических условиях современной России

Михаил Владимирович Попов¹, Антонина Борисовна Черных²✉

¹ независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ pmikhail@icloud.com

² antonina_komar@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-4909-5672>

Аннотация. В статье утверждается, что трудовой договор представляет собой не просто формальное соглашение на бумаге между работодателем и работником, а документ, который устанавливает особенности трудовой деятельности. В отечественном праве существует целый ряд известных видов трудовых договоров (контрактов), которые различаются по характеру и сроку действия. Авторами охарактеризованы особенности и срок заключения трудовых договоров отдельных видов. Представлен комплексный синтез концепции и полиморфизма контрактов трудовой деятельности в Российской Федерации на основании действующего трудового законодательства и практики правоприменения.

Ключевые слова: трудовой договор, заключение трудового договора, срок трудового договора, работодатель, работник

Для цитирования: Попов М. В., Черных А. Б. Роль и правовое значение срочных трудовых контрактов в социально-экономических условиях современной России // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 266–275. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-266-275>

Original article

The role and legal significance of fixed-term labor contracts in the socio-economic conditions of modern Russia

Mikhail V. Popov¹, Antonina B. Chernykh²✉

¹ independent researcher, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ pmikhail@icloud.com

² antonina_komar@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-4909-5672>

Abstract. An employment contract is not just a formal agreement on paper between an employer and an employee, but a document that establishes the specifics of employment. In Russian law, there are a number of well-known types of employment contracts (contracts), which differ in their nature and duration. The authors characterize the features and duration of employment contracts of certain types. The paper presents a comprehensive synthesis of the concept and polymorphism of labor contracts in the Russian Federation on the basis of current labor legislation and the practice of law enforcement.

© Попов М. В., Черных А. Б., 2024

Keywords: employment contract, conclusion of an employment contract, term of the employment contract, employer, worker

For citation: Popov M.V., Chernykh A.B. The role and legal significance of fixed-term labor contracts in the socio-economic conditions of modern Russia. *Sociology and Law. 2024;16(2):266-275.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-266-275>

Введение

В области организации процессов труда на предприятиях сложно переоценить роль трудового договора (контракта), который очерчивает основы взаимодействия между работодателем и работником. Этот документ не только устанавливает права и обязанности каждой стороны во время их сотрудничества и вносит ясность в условия труда, но и служит основой для разрешения возможных трудовых конфликтов.

Исследование индивидуальных особенностей и альтернативных моделей регламентирующих распоряжений трудовой деятельности в правовом поле Российской Федерации (РФ) предопределено ключевой ролью означенного нормативно-правового механизма в формировании взаимоотношений между субъектами трудового процесса и работодательскими структурами. Как указано, трудовое распоряжение устанавливает фундаментальные права и обязанности сторон, параметры трудовой деятельности, алгоритм вознаграждения за физический и интеллектуальный труд, а равно иные существенные аспекты взаимодействия наемных работников и нанимателей трудовых ресурсов. В настоящее время на рынке труда наблюдаются активное становление инновационных подходов к занятости трудоспособного населения, внедрение удаленных и гибких форм осуществления трудового процесса, что предполагает адаптацию нормативно-правовой базы к трансформирующимся потребностям рынка труда. В данном контексте особую значимость приобретает изучение множества вариантов трудовых распоряжений, закрепленных в Трудовом кодексе (ТК) РФ, включая распоряжения об удаленном труде, временной занятости, совмещении профессий, народном хозяйстве и иных категориях трудящихся.

Более того, в практике правоприменения регулярно возникают дискуссионные ситуации, связанные с заключением, модификацией и прекращением действия трудовых распоряжений. Это требует глубокого анализа соответствующих положений трудового законодательства и разъяснений высших судебных инстанций. В практике правоприменения некорректное оформление трудового распоряжения может привести к существенным юридическим последствиям как для наемных работников, так и для работодательских структур. Актуальность рассматриваемой проблематики также определена необходимостью защиты трудовых прав граждан и обеспечения равновесия интересов сторон трудовых правоотношений. Трудовое распоряжение выступает основным средством юридической формализации взаимных прав и обязанностей работника и работодателя. Поэтому его содержание и условия должны соответствовать требованиям действующего законодательства. В настоящей статье мы попытались представить комплексный синтез концепции и полиморфизма контрактов трудовой деятельности в России на основании действующего трудового законодательства и практики правоприменения.

Теория

Трудовое положение выступает в качестве одного из фундаментальных нормативных механизмов в сфере правового урегулирования трудовой деятельности, дефинирующего основы структуризации взаимодействия между занятой трудо-

способной единицей и субъектом экономических взаимоотношений, осуществляющим набор персонала. Его значение сложно переоценить, учитывая, что именно оно консолидирует ключевые права и обязанности сторон трудовых отношений, устанавливает параметры профессиональной деятельности, условия вознаграждения, иные значимые аспекты взаимодействия сотрудника и работодателя.

Согласно ст. 59 ТК РФ трудовое положение представляет собой договоренность между занятой трудоспособной единицей, владеющей необходимым набором профессиональных компетенций для выполнения определенных функциональных обязанностей, и субъектом экономики, уполномоченным на набор персонала. Приведенное положение предусматривает, что трудоспособная единица обязуется осуществлять конкретный вид деятельности, соответствующий ее квалификации, а работодатель — предоставить занятость по установленной должности, обеспечить необходимые условия труда и своевременно производить выплаты вознаграждения в полном объеме. Тем самым становится очевидным, что трудовое положение определяет взаимные права и обязанности сторон, фиксируя основное содержание трудовых взаимоотношений.

Трудовая договоренность выполняет ключевую функцию по упорядочиванию профессиональных взаимоотношений, выступая в качестве исключительного нормативно-правового основания для вовлечения граждан в трудовую деятельность. При отсутствии надлежащего юридического оформления данного акта деяния работающего субъекта классифицируются как незаконные, и он не уполномочен приступить к выполнению трудовых обязательств. Кроме того, трудовая договоренность выполняет роль гаранта защиты трудовых прав наемных работников. Ее условия предопределяют размеры вознаграждения за труд, продолжительность рабочего графика и отпусков, предоставление льгот и компенсаций, иные существенные параметры реализации трудовых прав. Ненадлежащее выполнение работодателем положений трудовой договоренности может повлечь за собой привлечение его к юридической ответственности и восстановление нарушенных прав работника. Значимость трудовой договоренности также заключается в том, что она представляет собой юридический факт, порождающий возникновение, трансформацию или прекращение профессиональных правоотношений. С момента ее заключения работник наделен соответствующими правами и обязанностями, предусмотренными трудовым законодательством. Изменение или расторжение трудовой договоренности также влечет юридические последствия для ее сторон.

Указанный механизм обеспечивает реализацию конституционного права граждан на занятость и материальное благополучие через формирование цивилизованных структур, гарантирующих их социальную защищенность. Соблюдение положений трудового законодательства создает устойчивую среду для развития рынка трудовых ресурсов, исключая деструктивные феномены нелегальной занятости и защищая честных субъектов предпринимательской сферы. Строгое соблюдение норм профессионального права обеспечивает справедливое и сбалансированное взвешивание интересов всех участников взаимодействий в сфере занятости, что имеет важное общественное значение. Таким образом, фундаментальным элементом законодательства о труде выступает соглашение регулирования трудовой деятельности, определяющее основополагающие права и обязательства субъектов трудовых взаимоотношений. Его значение проявляется в обеспечении легитимности привлечения граждан к осуществлению трудовой деятельности, гарантии защиты их трудовых интересов, установлении условий трудового процесса и материального стимулирования за выполняемые функции, а также выполнении социально-правовой миссии.

В российском праве существует целый ряд видов трудовых договоров, которые различаются по характеру и сроку действия. Однако каждый договор должен быть составлен в письменной форме, чтобы обеспечить ясность и защиту обеих сторон [1, с. 124]. Так, предусмотрено два основных вида трудовых договоров: бессрочные и срочные с фиксированным сроком действия, которые подпадают под действие ТК РФ [2, с. 435]. Основное отличие вида бессрочного трудового контракта от срочного заключается в отсутствии фиксированного «срока» трудовых взаимодействий субъектов трудовправовых отношений.

Характеристики бессрочного трудового договора:

1. Не имеет определенного срока действия.
2. Предусматривает постоянные рабочие отношения между сторонами.

Трудовое соглашение на неопределенный временной промежуток является основополагающей формой реализации трудовых правоотношений в отечественном праве. Оно характеризуется устойчивостью, длительным характером, предоставляя сторонам гарантии и преимущественные условия, описание которых пока остается за рамками нашего исследования. Вместе с тем процедуры его заключения, изменения и прекращения строго регламентированы нормами законодательства, регулирующего трудовую сферу, что обеспечивает защиту прав и законных интересов как лиц, осуществляющих трудовую деятельность, так и нанимателей.

В срочном трудовом договоре, в противоположность бессрочному, этот срок определен для временной работы или в особых ситуациях, таких как сезонная работа, замена отсутствующих сотрудников и т. д. Работникам важно понимать, что данный вид договора не предоставляет им дополнительных льгот, в то время как для работодателей он может облегчить расторжение трудовых отношений по истечении срока действия. Поэтому подписание срочного трудового договора не всегда будет выгодным для работников, и закон ограничивает эту практику в ряде случаев.

Как известно, трудовой договор с ограниченным сроком предполагает установление периода исполнения обязательств. В отличие от бессрочного договора, этот вид имеет четкий временной период, который может быть предварительно определен (например, год) или связан с выполнением той или иной задачи (например, завершение проекта). По истечении указанного срока действия договор прекращается автоматически, если действие его не продлено. Регулируется такой вид договора ТК РФ. Следовательно, к основным категориям срочных договоров относят договоры с неопределенным сроком действия и договоры с фиксированным сроком действия.

Результаты и обсуждение

Подробно рассматривая срочные трудовые договоры, укажем, что асинхронный контракт представляет собой *sui generis* модификацию нормативного регулирования взаимоотношений между субъектом экономической деятельности и внештатным субъектом, при которой действие соглашения ограничено очерченным обоими субъектами временным интервалом. Юридическая основа заключения и реализации данного типа асинхронных контрактов закреплена ТК РФ.

Существуют определенные требования к оформлению трудового договора с ограниченным сроком [3, с. 124]:

1. Указание срока действия, то есть необходимо четко указать период действия договора в тексте документа.
2. Обоснование заключения, в частности требуется обосновать причину заключения срочного договора.

3. Соблюдение условий, то есть такие договоры могут быть заключены только в случаях, предусмотренных ст. 59 ТК РФ.

Приведем примеры ситуаций, в которых может быть заключен срочный трудовой договор:

- замещение временно отсутствующего работника (например, в случае болезни или отпуска по беременности);
- выполнение временных или сезонных работ (например, работа на период до двух месяцев);
- работа за границей на определенный срок и другие аналогичные ситуации.

В действительности при правоприменении выбор между срочным и бессрочным трудовым договором зависит от ряда обстоятельств и потребностей как работодателя, так и работника. Основания, связанные с необходимостью заключения срочных договоров можно разделить на две основные категории [4, с. 36].

Первая категория. Рассматриваются ситуации, в которых заключение срочного трудового договора является прямым требованием законодательства. В таких случаях временный характер договора обусловлен характером работы. Примерами могут служить временная или сезонная работа, временное замещение основного сотрудника, выполнение работ за пределами страны, а также задачи, не относящиеся к обычной сфере деятельности компании, в частности монтажные или наладочные работы. Продолжительность таких договоров может колебаться от нескольких недель до года, в зависимости от характера выполняемой работы.

Вторая категория. Рассматриваются ситуации, в которых стороны трудовых отношений имеют право договориться о заключении срочного договора на основе их общего согласия. В таких случаях срочность договора не является обязательным условием. К данной совокупности случаев можно отнести заключение трудовых контрактов с наемным персоналом малых компаний, штат которых не превышает 35 работников; заключение трудовых контрактов с трудоспособными гражданами особых категорий (пенсионерами и обучающимися по очной форме обучения, трудоспособными инвалидами, авторами произведений и др.). Особо следует выделить в данной совокупности случаев заключение срочных трудовых договоров с руководящим составом компаний именно потому, что заинтересованность в срочности таких контрактов находится уже в области защиты прав собственника на средства производства.

Каждый из этих типов трудовых договоров имеет свои особенности и требования, установленные законодательством. При заключении такого договора необходимо учитывать все условия и соблюдать правила трудового законодательства. Это поможет избежать недоразумений и конфликтов в будущем. Нарушение законодательных требований в установлении срока трудового договора может привести к тому, что суд признает договор недействительным и рассмотрит его как заключенный на неопределенный срок. Таким образом, работодателю следует строго соблюдать установленные правила и условия при заключении трудовых договоров во избежание неприятных последствий.

В подтверждение этой практики проанализируем определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 ноября 2021 г. № 67-КГ21-13-К8. Дело по иску о признании срочного трудового договора заключенным на неопределенный срок и восстановлении на работе направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку изменение объема услуг, оказываемых работодателем третьему лицу в период действия заключенного между ними гражданско-правового договора, не может служить достаточным основанием для заключения срочного трудового договора с работником, трудовая функция которого

связана с обеспечением исполнения обязательств работодателя по гражданско-правовому договору [5].

Обзор определения. Гражданин потребовал признать временный трудовой договор заключенным на неопределенный срок. Как указал истец, работодатель неоднократно без оснований заключал с ним срочные договоры для выполнения одной и той же трудовой функции. Суды трех инстанций не поддержали позицию истца. Они исходили из того, что он соглашался на такие условия. Работодатель нанимал его лишь для временного оказания услуг заказчику. Верховный Суд РФ отправил дело на пересмотр. Трудовой договор можно заключать на срок, в том числе для проведения работ, связанных с заведомо временным (до года) расширением объема оказываемых услуг. Под такие случаи не подпадают ситуации, в которых организация-работодатель оказывает услуги по договорам третьим лицам. Истечение периода действия этих соглашений не оправдывает заключения срочного трудового договора с лицом, привлеченным для их исполнения. Объем заказываемых услуг сам по себе не предопределяет срочного характера работы, выполняемой сотрудником. Довод о том, что истца нанимали не для обеспечения деятельности работодателя, а для оказания услуг заказчику, противоречит закону. Дача согласия на заключение срочных трудовых договоров также не учтена. Сотрудник находится в зависимости от работодателя, что может влиять на волеизъявление. Верховный Суд РФ напомнил и о том, что факт многократности заключения срочных трудовых договоров для выполнения одной и той же функции, а также их пролонгации может свидетельствовать о бессрочном характере трудовых отношений (пункты 13, 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2) [5]. На основании вышеизложенного следует обратить внимание на ясность и обоснованность признания с точки зрения закона срочного трудового контракта бессрочным.

Несмотря на многочисленные преимущества срочных договоров, представляется, что предпочтительнее заключать именно бессрочные договоры между работодателями и работниками [6, с. 706]. Однако возникают случаи, при которых необходимо нанять персонал на определенный период. Это может произойти по причине сезонной деловой активности или вследствие временного отсутствия сотрудника (например, если сотрудница уходит в отпуск по беременности и родам).

В таких случаях становится возможным заключение срочного трудового договора, в котором устанавливают срок для трудовых отношений. Выплата выходного пособия при этом не является обязательной [7, с. 109]. Согласно законодательству, максимальный срок действия срочного трудового договора ограничен пятью годами. Между тем минимальный срок не является фиксированным и может также включать в себя короткий период (например, день). Продолжительность срока зависит от характера работы и потребностей работодателя [8, с. 150]. Можно привести в качестве примера сезонные трудовые договоры, которые заключают для выполнения сезонной работы сроком на шесть месяцев и более. Эти договоры часто считают разновидностью срочного трудового договора и используют для выполнения определенных работ в течение ограниченного периода, что соответствует сезонной деловой активности [9, с. 211].

Истекший трудовой контракт может быть продлен на новый временной интервал только посредством взаимосогласованной координации участников и в рамках максимально допустимой продолжительности, зафиксированной в нормативных актах, регулирующих соответствующий вид трудовых отношений. При отсутствии такой взаимной координации отношения презюмируются установленными на неопределенный временной промежуток. Ключевой гарантией прав субъекта, осуществляющего трудовые взаимодействия с работодателем

при заключении (продлении истекших) трудовых соглашений временного характера, служит запрет на введение адаптационного периода при приеме на работу. Это связано с тем, что непрерывно флуктуирующее межличностное взаимодействие по своей сути представляет собой адаптационный период.

Существует правовой аспект, требующий особого рассмотрения в этой связи. Так, при заключении срочного трудового контракта с сотрудником следует учитывать следующее: по основному месту работы или по совместительству планирует трудиться человек. Сравнение практики правоприменения показывает, что разница между упомянутыми случаями заключается в том, какое именно время будущий сотрудник планирует занимать своей трудовой деятельностью у работодателя, заключившего срочный трудовой контракт для работы у него по совместительству. Если рассматривается вариант совместительства, то важно учитывать, что работник будет трудоустроен не только у данного работодателя, но и иметь основную занятость. Если сотрудник решит выполнять работу у этого работодателя в свободное от основной работы время, то при установлении режимов следует помнить о законодательных ограничениях в соотношении времени труда и отдыха, так как «количество часов работы в день по совместительству ограничено» [10, с. 98]. Следовательно, сотрудник вправе отработать не более четырех часов в день в таком режиме. Сотрудники часто работают в течение неполного рабочего дня и в свободное от основной работы время. Тем не менее общее рабочее время в течение дня не должно превышать часов, указанных в договоре.

Поскольку работник выступает наиболее уязвимым субъектом в трудовых отношениях, необходимо акцентировать внимание на том, что при установлении неквантифицируемых коллизивно-прекарных трудовых взаимоотношений физическому лицу, осуществляющему производственно-деятельностные функции, должны быть гарантированы такие же права и гарантированные рамки деятельности, что и при установлении трудового взаимодействия на неопределенное время. Это относится и к режиму рабочего времени, интервалам отдыха, вознаграждению за труд, обеспечению безопасных условий труда и другим аспектам урегулирования трудовых правоотношений.

Таким образом, неквантифицируемые коллизивно-прекарные трудовые взаимоотношения представляют собой особую форму регламентации трудовых правоотношений, применяемую в строго ограниченных ситуациях, в которых специфика работы или условия ее осуществления не позволяют установить трудовые правоотношения на множественный временной период. При этом законодательными актами предусмотрены специальные гарантии прав физических лиц, осуществляющих производственно-деятельностные функции и нанимаемых на условиях неквантифицируемых коллизивно-прекарных трудовых взаимоотношений, а равно определены требования к его содержанию и порядку установления.

Выводы

Трудовое соглашение выступает фундаментальным институтом права, регламентирующего правоотношения, связанные с трудом, определяющим взаимную связь между физическим лицом, осуществляющим трудовую деятельность, и работодателем. В России понятие и виды трудового соглашения регламентированы Кодексом, регулирующим трудовую сферу, который устанавливает обязательные требования к его содержанию и порядку заключения.

Более того, Кодекс, регламентирующий трудовую сферу, выделяет особые виды трудового соглашения, которые заключаются в зависимости от характера

работы и специфики осуществляемой трудовой деятельности. К ним относятся договоренности о дистанционной работе, о сезонной работе, о временной работе, о работе по совместительству, а также трудовые соглашения с физическими лицами, работающими вахтовым методом, с надомниками, с физическими лицами, направляемыми для работы в другую местность. Эти соглашения содержат дополнительные условия, обусловленные особенностями выполняемой работы.

В целях гарантирования защиты прав и интересов как работников, так и работодателей, а также соблюдения норм трудового законодательства предусмотрены разнообразные правила относительно заключения трудовых договоров в зависимости от характера выполняемой работы. Не стоит забывать о некоторых случаях, в которых трудовые договоры имеют дополнительные условия: например, сотрудничество с иностранными работниками, рабочие отношения с удаленными сотрудниками, работа на дому (стоит отличать от удаленной работы), трудовые договоры с несовершеннолетними. При согласии работника на заключение срочного договора открывается возможность для найма такого работника. Это важный момент, который следует учитывать при найме персонала. Работник обязан внимательно изучить содержание договора, чтобы не пропустить важные условия, особенно относящиеся к срокам трудовых отношений. Подобный подход способствует предотвращению возможных конфликтов или проблем, возникающих в процессе трудовой деятельности.

Таким образом, трудовое соглашение является ключевым институтом права, регламентирующего правоотношения, связанные с трудом, который определяет основные права и обязанности сторон данных правоотношений. Виды трудового соглашения разнообразны, зависят от срока действия, характера работы, условий труда и других факторов. Соблюдение требований законодательства при заключении трудового соглашения имеет важное значение для обеспечения законных интересов как физических лиц, осуществляющих трудовую деятельность, так и работодателей.

Список источников

1. *Ефимова К. Л.* Трудовой договор как инструмент регулирования трудовых отношений: понятие, виды, порядок заключения // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. XXXIX Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 123–126.*
2. *Кадигроб Е. С.* Трудовой договор: понятие, содержание и виды // *Вестник науки. 2023. Т. 2. № 6. С. 431–436.*
3. *Гордеев А. В.* Трудовой договор как новый вид «рабства» // *Молодая наука: актуальные вопросы экономики и управления, права, психологии и образования: сб. науч. ст. ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых (с междунар. участием), Санкт-Петербург, 7–21 декабря 2022 г. / отв. ред. Е. В. Федосенко, Л. Ф. Уварова. СПб.: НИЦ АРТ, 2023. С. 121–126.*
4. *Петров А. Я.* Сроки трудового договора // *Кадровик. 2021. № 6. С. 33–41.*
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 8 ноября 2021 г. № 67-КГ21-13-К8 // *Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403098896/> (дата обращения: 20.04.2024).*
6. *Яворская С. А., Плеханов В. П.* Трудовой договор, его сущность, виды, значение // *Аллея науки. 2020. Т. 2. № 5. С. 703–708.*
7. *Васюков С. В.* Требования к содержанию трудового договора и последствия их несоблюдения // *Вопросы трудового права. 2021. № 2. С. 106–113. DOI: 10.33920/pol-2-2102-04*
8. *Ефимова К. Л., Гришин К. Е.* Трудовой договор как инструмент регулирования трудовых отношений: понятие, виды, порядок заключения // *Поколение будущего:*

- об. избранных ст. Междунар. студенческой науч. конф. (Санкт-Петербург, 30 ноября 2020 г.) / отв. ред. Л. А. Павлов. СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2020. С. 148–152.
9. *Касьянчик Я. Н.* Срочный трудовой договор: правомерность заключения, признание заключенным на неопределенный срок // Парадигма права на современном этапе развития общества: от теории к практике: сб. ст. IX студенческого юридического форума: в 4 т. Т. 2 (Москва, 10–12 ноября 2022 г.) / под общ. ред. А. В. Сладковой. М.: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, 2023. С. 209–212.
10. *Гасымов А. М. О.* Трудовой договор о совместительстве как элемент (как разновидность) действующей системы трудовых договоров в условиях рыночных трудовых отношений // Трудовое право и право социального обеспечения в условиях больших вызовов (Седьмые Гусовские чтения): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 3–4 июня 2022 г.) / под общ. ред. Н. Л. Лютова, Ф. О. Дзгоевой. М.: РГ-Пресс, 2022. С. 97–106.

References

1. Efimova K.L. Employment contract as a tool for regulating labor relations: Concept, types, order of conclusion. In: Gulyaev G.Yu., ed. Fundamental and applied scientific research: Current issues, achievements and innovations. Proc. 34th Int. sci.-pract. conf. Penza: Nauka i Prosveshchenie; 2020:123-126. (In Russ.).
2. Kadigrob E.S. Employment contract: Concept, content and types. *Vestnik nauki.* 2023;2(6):431-436. (In Russ.).
3. Gordeev A.V. Employment contract as a new type of “slavery”. In: Fedoseenko E.V., Uvarova L.F., eds. Young science: Current issues of economics and management, law, psychology and education. Proc. Annu. All-Russ. sci.-pract. conf. with int. particip. (St. Petersburg, December 7-21, 2022). St. Petersburg: SRC ART; 2023:121-126. (In Russ.).
4. Petrov A.Ya. Terms of the employment contract. *Kadrovik = HR Manager.* 2021;(6):33-41. (In Russ.).
5. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 8, 2021 No. 67-KG21-13-K8. Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403098896/> (accessed on 20.04.2024). (In Russ.).
6. Yavorskaya S.A., Plekhanov V.P. An employment contract, its essence, types, value. *Alleya nauki.* 2020;2(5):703-708. (In Russ.).
7. Vasyukov S.V. Requirements for the content of an employment contract and the consequences of their non-compliance. *Voprosy trudovogo prava = Labor Law Issues.* 2021;(2): 106-113. (In Russ.). DOI: 10.33920/pol-2-2102-04
8. Efimova K.L., Grishin K.E. Employment contract as a tool for regulating labor relations: Concept, types, procedure for conclusion. In: Pavlov L.A., ed. Generation of the future. Proc. Int. student sci. conf. (St. Petersburg, November 30, 2020). St. Petersburg: Humanitarian National Research Institute “Natsrazvitie”; 2020:148-152. (In Russ.).
9. Kas'yanchik Ya.N. Fixed-term employment contract: Legality of conclusion, recognition as concluded for an indefinite period. In: Sladkova A.V., ed. Paradigm of law at the present stage of development of society: From theory to practice. Proc. 9th Student legal forum (Moscow, November 10-12, 2022). In 4 vols. Vol. 2. Moscow: Kutafin Moscow State Law University; 2023:209-212. (In Russ.).
10. Gasymov A.M.O. Employment contract on part-time work as an element (as a variety) of the current system of employment contracts in conditions of market labor relations. In: Lyutov N.L., Dzgoeva F.O., eds. Labor law and social security law in conditions of great challenges (Seventh Gusov readings). Proc. Int. sci.-pract. conf. (Moscow, June 3-4, 2022). Moscow: RG-Press; 2022:97-106. (In Russ.).

Информация об авторах

М. В. Попов — практикующий юрист, независимый исследователь (Санкт-Петербург);

А. Б. Черных — кандидат социологических наук, доцент кафедры конституционного и международного права; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

M. V. Popov — practicing lawyer, independent researcher (St. Petersburg);
A. B. Chernykh — PhD in Sociology, Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 24.04.2024; одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 24.04.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-276-282

Особенности прекращения уголовных дел по ст. 264 УК РФ в связи с примирением сторон

Арина Юрьевна Белоусова

Второй кассационный суд общей юрисдикции, Москва, Россия, arina.buzoeva@mail.ru

Аннотация. В статье автором раскрыты вопросы о специфике прекращения уголовных дел в соответствии со ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Проведен детальный анализ условий и процедурного порядка примирения сторон, а также изучены юридические последствия данного процесса. Кроме того, выявлены и обсуждаются проблематичные аспекты, противоречия, возникающие в связи с примирением сторон в контексте ст. 264 УК РФ. Автор предлагает также пути их возможного решения.

Ключевые слова: уголовные дела, Уголовный кодекс РФ, порядок примирения сторон, юридические последствия, проблематичные аспекты

Для цитирования: Белоусова А. Ю. Особенности прекращения уголовных дел по ст. 264 УК РФ в связи с примирением сторон // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 276–282. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-276-282>

Original article

Features of termination of criminal cases under Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with reconciliation of the parties

Arina Yu. Belousova

Second Cassation Court of General Jurisdiction, Moscow, Russia, arina.buzoeva@mail.ru

Abstract. In the article the author reveals the questions about the specifics of termination of criminal cases under Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF). A detailed analysis of the conditions and procedural order of reconciliation of the parties is carried out, as well as the legal consequences of this process are studied. In addition, problematic aspects, contradictions arising in connection with the reconciliation of the parties in the context of Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation are identified and discussed. The author also offers ways of their possible solution.

Keywords: criminal cases, Criminal Code of the Russian Federation, procedure of reconciliation of the parties, legal consequences, problematic aspects

For citation: Belousova A. Yu. Features of termination of criminal cases under Art. 264 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with reconciliation of the parties. *Sociology and Law*. 2024;16(2):276-282. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-276-282>

Введение

Уголовно-правовой механизм представляет собой комплексный аппарат, осуществляющий регуляцию общественных отношений в сфере противодействия преступности. Этот механизм охватывает широкий спектр деятельности, направленный на обеспечение социальной защиты и правопорядка путем пресечения преступлений, а также восстановления нарушенных прав и урегулирования конфликтов.

Основной функцией уголовно-правового механизма является обеспечение социальной защиты путем привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступные действия. В этом контексте система уголовного права выступает в качестве инструмента контроля за соблюдением общественных норм и пресечения правонарушений. Применение уголовного закона предполагает применение мер государственного принуждения в отношении нарушителей, что способствует формированию дисциплинированного поведения и поддержанию общественной безопасности.

Помимо функции наказания, уголовное право также предусматривает механизмы для реституции и восстановления прав потерпевших. Реституция, как компенсация ущерба, нанесенного преступлением, имеет целью восстановить материальные и моральные потери, понесенные потерпевшими. Этот механизм позволяет восстановить нарушенное равновесие и права потерпевших на достоинство и безопасность.

Уголовное право предусматривает возможность установления мира между сторонами в определенных случаях. Примирительные процедуры и мирные соглашения могут быть использованы для разрешения конфликтов без привлечения к уголовной ответственности. Это способствует сохранению социального мира и предотвращению длительных и изнурительных судебных разбирательств.

Таким образом, уголовно-правовой механизм — сложная система, включающая в себя не только санкции за нарушения, но и механизмы восстановления прав и мирного урегулирования конфликтов, что обеспечивает эффективную защиту интересов общества и его членов [1].

Теория

В контексте уголовных дел, связанных с дорожно-транспортными происшествиями (ДТП), в случаях, если ответственность обвиняемого представляется очевидной, стратегия защиты может быть направлена на достижение примирения с потерпевшими. Это означает, что защита обвиняемого может предложить примирительное решение, которое бы удовлетворило интересы потерпевших и смягчило последствия для обвиняемого. Такой подход может включать в себя выражение сожаления со стороны обвиняемого, предложение компенсации или возмещения ущерба, а также активное участие в процессе восстановления справедливости и восстановления пострадавших. Эффективное примирение может способствовать снижению негативных последствий для всех сторон, включая обвиняемого, потерпевших и общественное доверие к правовой системе.

В случаях ДТП только с пострадавшими, согласно ч. 1 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [2], при которых отсутствуют смертельные исходы, адвокаты часто стремятся к прекращению уголовного дела на основе примирения сторон [3]. Однако в более серьезных случаях такой подход часто не рассматривают, им пренебрегают, что кажется фундаментально неправильным. На практике, даже в наиболее тяжелых случаях, возможность примирения с по-

терпевшим заслуживает более детального анализа. Это обусловлено тем, что примирение может служить важным механизмом для достижения справедливости и восстановления прав потерпевшего, в то время как обвиняемый получает возможность избежать уголовной ответственности и судимости.

Статья 76 УК РФ [2] предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности для лиц, впервые совершивших преступление небольшой или средней тяжести, при условии выполнения двух критериев: примирения с потерпевшим и компенсации причиненного ему ущерба. Рассматриваемое законодательное положение основано на принципе гуманизма и целесообразности применения уголовной ответственности [4].

В контексте уголовного дела, инициированного по обвинению в совершении преступления, описанного в ст. 264 УК РФ, потерпевшим признают лицо, которому в результате ДТП причинен тяжкий вред здоровью [2]. В случае летального исхода в результате ДТП потерпевшими признают также близких родственников умершего участника ДТП. Это важное дополнение к определению потерпевшего, поскольку оно учитывает интересы и права лиц, жизни и благосостояние которых также могут быть признаны существенно пострадавшими в результате совершенного преступления.

В контексте уголовного права это дополнение имеет особое значение, поскольку учитывает не только физические последствия преступления (тяжкий вред здоровью у участника ДТП), но и его возможные фатальные последствия. Близкие родственники, в частности супруг(а), родители, дети и другие лица, указанные в законодательстве, обладают законным правом на защиту своих интересов в случае потери близкого человека.

Учет интересов и прав близких родственников умершего участника ДТП в рамках уголовного дела позволяет соблюдать принцип справедливости и целостности юридической защиты. Это важно как для обеспечения справедливости в уголовном процессе, так и для смягчения последствий преступлений для пострадавших и их семей. Такое положение способствует сохранению общественного доверия к системе правосудия и укреплению правовых основ в сфере защиты прав и интересов граждан [5].

Результаты и обсуждение

С позиции формальной перспективы примирение с потерпевшим является возможным по всем составам ст. 264 УК РФ, поскольку все они классифицируются как преступления, совершенные по неосторожности [2]. Согласно ч. 3 ст. 15 УК РФ такие преступления относятся к категории преступлений небольшой (ч. 1) и средней (ч. 2–6) тяжести. Это применимо даже к случаям, если в результате ДТП произошла смерть людей или если виновник ДТП находился в состоянии алкогольного опьянения либо наркотического. Формально нет препятствий для прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в этих обстоятельствах [4].

Несмотря на широко распространенные представления, наличие состояния опьянения у виновника ДТП не всегда является препятствием для прекращения уголовного преследования, как подтверждают некоторые юридические прецеденты. Мотивация судов для прекращения дел по составам преступлений с квалифицирующим признаком совершения преступления в состоянии опьянения в основном сводится к тому, что ни уголовное, ни уголовно-процессуальное законодательство не запрещают прямо прекращение таких уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим.

Подход к прекращению уголовного преследования в случаях ДТП, в которых виновный находился в состоянии опьянения, основан на принципах уголовного законодательства и уголовно-процессуальной практики. Например, законодательство может предусматривать возможность прекращения дела в случаях, если стороны достигают примирения и потерпевший не желает дальнейшего уголовного преследования. В таких ситуациях суды могут учитывать желание потерпевшего и заключать, что прекращение уголовного дела на основе примирения соответствует интересам правосудия и законности.

Практическое применение принципов уголовного права отражает стремление к достижению справедливости и решению уголовных дел с учетом обстоятельств конкретного случая. При этом учитывают как интерес общества в пресечении преступлений и поддержании правопорядка, так и интересы потерпевших, возможность примирения сторон. Изложенный подход способствует балансу между наказанием виновных и восстановлением прав и интересов пострадавших в контексте ДТП [6].

Статья 76 УК РФ [2] определяет критерии, по которым суд может прекратить уголовное дело или наказание в отношении лица, совершившего преступление. Указанная статья предусматривает несколько оснований для прекращения уголовного дела, включая примирение сторон, исчезновение общественной опасности преступления, амнистию и др. Наличие состояния алкогольного опьянения у виновника ДТП не исключает возможности прекращения уголовного преследования в случае, если имеются иные обстоятельства, предусмотренные ст. 76 УК РФ [2]. В конкретных ситуациях суд может принимать решение о прекращении уголовного дела на основе совокупности обстоятельств, включая желание потерпевшего прекратить преследование, отсутствие общественной опасности преступления и иные аспекты, учитываемые при принятии такого рода решений. Данный подход согласуется с принципами справедливости и законности, а также способствует эффективной работе уголовно-правового механизма, который должен учитывать не только факты и обстоятельства совершенных преступлений, но и интересы всех заинтересованных сторон, включая потерпевших и общество в целом [7].

Часть 1 ст. 264 УК РФ [2] предусматривает возможность прекращения уголовного преследования в случае примирения сторон, если потерпевший добровольно отказывается от привлечения виновного лица к уголовной ответственности. Однако данная норма порождает ряд проблематичных аспектов и противоречий.

1. Проблема согласия потерпевшего. Важным условием прекращения уголовного дела является добровольный отказ потерпевшего от привлечения виновного к уголовной ответственности. На практике может возникнуть ситуация, в которой согласие на примирение получено под давлением или в результате манипуляций.

2. Проблема повторного применения. Если виновное лицо совершает новое ДТП, возникает вопрос о возможности повторного применения примирения. Данная ситуация приводит к злоупотреблению этой нормой и недостаточной ответственности за повторное совершение преступлений.

3. Противоречие между общественными интересами и интересами потерпевшего. Примирение сторон в контексте ст. 264 УК РФ может привести к противоречию между интересами потерпевшего и общественными интересами. Потерпевший может быть заинтересован в примирении и прекращении уголовного дела, общественные интересы могут требовать наказания виновного лица для предотвращения подобных преступлений в будущем.

Прекращение уголовного дела по ст. 264 УК РФ в связи с примирением сторон является сложным и многогранным процессом, который требует вниматель-

ного рассмотрения судом. Отказ суда в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела возможен, поскольку прекращение дела в связи с примирением с потерпевшим является правом, а не обязанностью суда. Это право суда основано на совокупности формальных оснований, предусмотренных ст. 76 УК РФ [2] и ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ [8].

Тяжесть последствий ДТП и факт совершения его в состоянии опьянения могут значительно повлиять на вероятность негативного исхода для защиты [9]. Если вероятность удовлетворения ходатайства и прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в частях 1 и 2 ст. 264 УК РФ максимально высока, то по ч. 6 этой же статьи она стремится к нулю. Это происходит потому, что ч. 6 ст. 264 УК РФ предусматривает особые условия, при которых примирение сторон не приводит к автоматическому прекращению уголовного дела. Например, если в результате ДТП произошла гибель человека и виновник находился в состоянии алкогольного опьянения, суд вряд ли примет решение о прекращении дела на основе примирения.

Выводы

С учетом вышеуказанного в уголовном процессе суд должен учитывать все обстоятельства и доводы сторон, а также законодательные нормы и прецеденты. Принятие решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в случае ДТП при факте алкогольного опьянения требует особого внимания к соблюдению принципов справедливости и законности.

Российское законодательство позволяет прекратить уголовное дело при условии примирения сторон. Однако в случаях применения этих норм возникает ряд проблем, которые требуют законодательных решений. Выделим основные направления совершенствования законодательства в данной области:

1. Регулирование процесса возмещения ущерба. Важным аспектом примирения является вопрос о возмещении ущерба потерпевшему. Законодательство должно предусматривать четкие механизмы и процедуры для определения размера ущерба, его возмещения, а также обеспечивать защиту прав потерпевшего в процессе этого возмещения.

2. Развитие механизмов медиации и примирительных процедур. Медиация и примирительные процедуры могут играть ключевую роль в процессе примирения сторон. Законодательство должно обеспечивать поддержку и развитие этих механизмов, включая обучение специалистов, развитие инфраструктуры медиации и установление стандартов качества для проведения примирительных процедур.

3. Усиление контроля за соблюдением процедур примирения. Для обеспечения соблюдения прав и законных интересов всех участников процесса необходимо усилить контроль за соблюдением процедур примирения, включая контроль со стороны общественности и профессиональных сообществ.

Предложенные направления могут стать основой для совершенствования законодательства в области прекращения уголовных дел по ст. 264 УК РФ в связи с примирением сторон, обеспечения более справедливого и эффективного уголовного правосудия. В заключение укажем, что, несмотря на все сложности и особенности прекращения уголовных дел по ст. 264 УК РФ в связи с примирением сторон, этот институт остается значимым элементом уголовного процесса, позволяющим достигать справедливости и эффективности в уголовном правосудии. Тем не менее для дальнейшего совершенствования требуются дополнительные исследования и законодательные изменения.

Список источников

1. *Балашов С. К.* Уголовно-правовая охрана безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. 26 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 25.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=lwt30sewn3554972796 (дата обращения: 02.05.2024).
3. *Калужный Ю. Н.* Теоретико-правовые вопросы классификации субъектов государственно-правовой системы обеспечения безопасности дорожного движения в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 7. С. 13–18.
4. *Батрова Т. А.* Причинение вреда в экстремальных условиях осуществления профессиональной деятельности на транспорте (уголовно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 27 с.
5. *Канашина О. А.* Взаимная вина в уголовном праве: необходимость установления: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 276 с.
6. *Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Чучаев А. И.* Новый вид транспортного преступления как модифицированный вариант хорошо забытого старого // *Lex russica / Русский закон.* 2015. Т. 101. № 4. С. 71–80.
7. Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ имени И. Канта / под ред. Т. С. Волчецкой. Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та имени И. Канта, 2017. 291 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=lwt3230m86687881849 (дата обращения: 02.05.2024).
9. *Аксенова-Сорохтей Ю. Н., Новиков В. Е.* Экспертиза как источник получения информации о личности подростка, употребляющего психоактивные вещества // *Психофармакология и биологическая наркология.* 2009. Т. 9. № 1-2. С. 2556–2558. DOI: 10.17816/phbn322017

References

1. Balashov S.K. Criminal legal protection of traffic safety and operation of railway transport. Cand. legal sci. diss. Synopsis. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2007. 26 p. (In Russ.).
2. Criminal Code of the Russian Federation. Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 25, 2023, with amendments and additions, comes into force on December 30, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=lwt30sewn3554972796 (accessed on 02.05.2024). (In Russ.).
3. Kalyuzhny Yu.N. Theoretical and legal issues of classification of subjects of state legal road traffic safety system in Russia. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government.* 2017;(7):13-18. (In Russ.).
4. Batrova T.A. Causing harm in extreme conditions of professional activity in transport (criminal legal aspects). Cand. legal sci. diss. Synopsis. Ryazan: Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of the Russian Federation; 2004. 27 p. (In Russ.).
5. Kanashina O.A. Mutual guilt in criminal law: The need of establishing. Moscow: Yurлитinform; 2012. 276 p. (In Russ.).
6. Gracheva Yu.V., Korobeev A.I., Chuchaev A.I. New type of transportation crime as a modified type of the forgotten old type. *Lex russica.* 2015;101(4):71-80. (In Russ.).
7. Volchetskaya T.S., ed. Situational approach in legal science and practice: Modern opportunities and development prospects. Proc. Int. sci.-pract. conf. dedicated to the 15th anniversary of the scientific school of forensic situationology at Immanuel Kant IKBFU. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University; 2017. 291 p. (In Russ.).

8. Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Federal Law of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on December 25, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/?ysclid=lwt3230m86687881849 (accessed on 02.05.2024). (In Russ.).
9. Aksyonova-Sorohtej J.N., Novikov V.E. Examination as a source of data obtaining about a teenager personality abusing psychoactive agents. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya = Psychopharmacology and Biological Narcology*. 2009;9(1-2):2556-2558. (In Russ.). DOI: 10.17816/phbn322017

Информация об авторе

А. Ю. Белоусова — помощник судьи; 121357, Москва, Берейская ул., д. 29, стр. 34.

Information about the author

A. Yu. Belousova — assistant judge; 29 Vereyskaya st., bldg. 34, Moscow 121357, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 342.5

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-283-291

Проблема правового статуса лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации

Денис Александрович Четырбок

Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия,
common@assembly.spb.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию проблемы правового статуса лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации. Определены пробелы правового регулирования статуса лиц, замещающих государственные должности на региональном уровне. Обращено внимание на отсутствие единых федеральных требований как при назначении лиц, так и при осуществлении ими деятельности. Установлена необходимость выработки единого правового механизма на федеральном уровне.

Ключевые слова: правовой статус, государственная должность, правовое регулирование, правовой механизм, замещение государственной должности

Для цитирования: Четырбок Д. А. Проблема правового статуса лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 283–291. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-283-291>

Original article

The problem of the legal status of persons replacing public offices of the subjects of the Russian Federation

Denis A. Chetyrbok

Legislative Assembly of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia,
common@assembly.spb.ru

Abstract. The article describes a comprehensive study of the problem of the legal status of persons replacing public offices of the subjects of the Russian Federation. The gaps in the legal regulation of the status of persons replacing public office holders at the regional level are identified. Attention is drawn to the lack of unified federal requirements both when appointing persons and when they carry out their activities. The necessity of development of a unified legal mechanism at the federal level is established.

Keywords: legal status, public office, legal regulation, legal mechanism, substitution of public office

For citation: Chetyrbok D.A. The problem of the legal status of persons replacing public offices of the subjects of the Russian Federation. *Sociology and Law*. 2024;16(2):283-291. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-283-291>

Введение

Термин «государственная должность» широко используется в современной юридической лексике и состоит из таких важнейших для любого современного общества основополагающих понятий, как «государство» и «должность». «Должность» с точки зрения формального представления является своего рода структурной единицей в штате государственной организации, с определенным объемом полномочий, гарантий и обязанностей при осуществлении предусмотренной должностью деятельности. В более широком понимании слово «должность» часто по лексическому происхождению связывают со словом «долг», то есть с обязанностью человека перед обществом по выполнению возложенных на него государственных полномочий, обязательств, наказов [1].

Теория

В советский период истории нашего государства первые номенклатурные списки руководящих должностей в государственных учреждениях СССР и РСФСР утверждены Оргбюро ЦК РКП (б) в 1923 г., в 1925 г. они переработаны и расширены. Затем их ежегодно пересматривали. В разные годы в номенклатурных списках содержалось различное количество должностей: в 1925 г. — около 6 тыс., в 1981 г. — около 400 тыс. [2].

Впервые термин «государственная должность» использован в Законе РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий» [3], в котором речь идет о том, что на территории РСФСР не могли быть учреждены государственные должности, специально предназначенные для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповедания. В правовых актах до 1993 г. в основном использованы формулировки «должности в государственных органах»; «должности в органах государственной власти».

Первая точная формулировка данного термина — «государственная должность» — дана в Федеральном законе от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» [4]. Сегодня в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [5] под государственными должностями Российской Федерации (РФ) и государственными должностями субъектов РФ понимают должности, устанавливаемые Конституцией РФ, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов, органов публичной власти федеральной территории, и должности, устанавливаемые конституциями (уставами), законами субъектов РФ для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов РФ. В целях систематизации государственных должностей, предусмотренных законодательством РФ, Указом Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» [6] утвержден Сводный перечень наименований государственных должностей РФ (в настоящее время — 54 позиции). Относительно государственных должностей субъектов РФ обратим внимание на то, что Указом Президента РФ от 4 декабря 2009 г. № 1381 установлен перечень типовых государственных должностей субъектов РФ (17 позиций) [7].

Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [8] предусмотрено, что Конституцией (уставом), законом субъекта РФ могут быть учреждены государственные должности субъекта РФ.

Таким образом, федеральное законодательство определило примерный перечень государственных должностей в регионах, позволив расширять его с учетом национальных или традиционных особенностей. Так, например, в Республике Саха (Якутия) государственную должность занимает Уполномоченный по правам коренных малочисленных народов Севера [9].

Результаты и обсуждение

Практически все субъекты РФ на основании вышеуказанных нормативных актов утвердили единые реестры (перечни) государственных должностей субъекта, порядки замещения государственных должностей как путем избрания, так и назначения на должность. При этом формы утверждения государственных должностей в регионах РФ значительно отличаются друг от друга. Государственные должности могут быть утверждены единым документом (Конституцией, уставом, законом субъекта, указом главы субъекта): например, Устав Магаданской области [10], Закон Республики Бурятия «О Реестре государственных должностей Республики Бурятия» [11], Указ Президента Республики Адыгея «О Реестре государственных должностей Республики Адыгея» [12]. Должности могут быть утверждены и несколькими нормативными документами. В частности, отдельным нормативным правовым актом, регулирующим правовой статус лица, замещающего такого рода должность, и специальным законом, как, например, в Забайкальском крае: Закон Забайкальского края «Об отдельных вопросах обеспечения деятельности лиц, замещающих государственные должности Забайкальского края» [13], Закон Забайкальского края «О мировых судьях Забайкальского края и судебных участках в Забайкальском крае» [14]. Или несколькими отдельными нормативными правовыми актами: Устав Хабаровского края [15], Избирательный кодекс Хабаровского края [16], Закон Хабаровского края «О мировых судьях Хабаровского края» [17], Закон Хабаровского края «О Контрольно-счетной палате Хабаровского края» [18].

Аналогичное отсутствие единого подхода наблюдается и при принятии нормативных правовых актов, предусматривающих социальные и иные гарантии для лиц, замещающих государственные должности, в различных субъектах РФ. Так, Законом Санкт-Петербурга «О гарантиях деятельности лиц, замещающих (замещавших) государственные должности Санкт-Петербурга» [19] установлена продолжительность ежегодного основного оплачиваемого отпуска, предоставляемого лицу, замещающему государственную должность Санкт-Петербурга, которая составляет 35 календарных дней. Областным законом Ленинградской области «О государственных должностях Ленинградской области» [20] лицам, замещающим государственные должности Ленинградской области, гарантировано предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска продолжительностью 45 календарных дней.

Таким образом, сегодня федеральный законодатель предлагает типовой перечень государственных должностей. Но право выбора механизма их утверждения предоставлено субъекту РФ, что приводит к отсутствию некой системности, разобщенности и возникновению сложностей в юридической структуре нормативных актов РФ. Спорным видится и утверждение перечней государственных должностей решением глав субъектов РФ. Так, в Республике Башкортостан (РБ) перечень утвержден Указом Президента РБ от 29 марта 2008 г. № УП-126 «Об утверждении Перечня государственных должностей Республики Башкортостан» [21].

Одной из важнейших проблем при установлении правового статуса лица, замещающего государственную должность, является отсутствие единых первоначальных

чальных требований, установленных федеральным законодательством, к лицам, претендующим на замещение такого рода должности. В частности, Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» предусмотрено лишь наличие гражданства РФ, отсутствие гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства, а также распространение на лиц, замещающих государственные должности, ограничений, запретов и обязанностей, установленных законодательством РФ о противодействии коррупции.

Отсутствие единых требований к уровню профессиональной подготовки, требований к личным качествам претендента, а также проведение своего рода испытаний с целью определения перспективы осуществления претендентом возлагаемых на него полномочий, умение принятия общественно значимых решений и способности нести за них ответственность приводят к ряду необоснованных назначений (за исключением выборных должностей). В обществе складывается атмосфера недоверия к порядку формирования структур ряда государственных органов, распространяется теория так называемого кумовства и панибратства. Введение первоначальных критериев к лицам, претендующим на замещение государственных должностей, на федеральном уровне позволило бы исключить свободное толкование требований к должности.

Как указано ранее в статье, регионы РФ без единой концепции своими нормативными актами определяют также объемы гарантий для лиц, замещающих государственные должности. Речь идет не только о денежном содержании и пенсионном обеспечении, что оправдано уровнем социально-экономического развития соответствующего региона, но и о предоставлении служебного жилья и транспорта, медицинском и санаторно-курортном обслуживании лиц.

Уникальность правового статуса лиц, замещающих государственные должности, заключается и в том, что, с одной стороны, они не являются государственными служащими, но, с другой — и применение к их деятельности норм трудового законодательства видится спорным. Это не служба в классическом понимании данного слова. Определенный аппарат государственных служащих осуществляет деятельность по обеспечению исполнения полномочий лиц, замещающих государственные должности.

Применение норм трудового законодательства вызывает неоднозначную оценку в правоприменительной практике. Трудовые отношения основаны на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка и ряде других условий. Такой подход неприменим, в частности, для характеристики деятельности депутатов законодательных органов субъектов РФ (отсутствие соглашения, платы за выполнение деятельности, иерархии подчинения).

Законодатели в нормативных актах субъектов РФ по-разному подходят к решению этого вопроса. Так, в одних документах отсутствует ссылка на трудовое законодательство, в других — уточняется, что трудовое законодательство применяется в аспекте, не урегулированном специальным законом о статусе лиц, замещающих государственные должности. В качестве примера приведем Закон Смоленской области от 3 мая 2005 г. № 29-з «О государственных должностях Смоленской области и о государственной гражданской службе Смоленской области» [22].

Выводы

Таким образом, существующие различия в механизме утверждения перечня лиц, замещающих государственные должности, региональные особенности в определении объема требований и гарантий при осуществлении деятельности указанных лиц свидетельствуют о необходимости осуществления на федеральном уровне регулирования правового статуса лиц, замещающих государственные должности. Четкий правовой механизм по установлению основ осуществления деятельности лиц, замещающих государственные должности, выполнения возложенных на них полномочий, определение своего рода законодательных рамок с предоставлением возможности региональному законодателю регулировать часть вопросов их деятельности позволили бы устранить правовые недостатки при регламентировании правового положения данной категории лиц в регионах.

Представляется возможным предположить, что внесение в Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» отдельной главы или нескольких статей, в которых были бы установлены основы правового статуса лиц, замещающих государственные должности, могло бы решить существующие проблемы. Установление первоначальных требований к претендентам, основных прав и обязанностей, ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение полномочий, предоставление права субъектам РФ устанавливать дополнительные требования к данным лицам и дополнительные гарантии осуществления их деятельности исключили бы неверное толкование норм, принятие решений по идентичным вопросам в разных субъектах РФ различными способами, а также устранили бы законодательные пробелы на региональном уровне.

Список источников

1. Должность // Большой юридический словарь. Academic.ru. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14579> (дата обращения: 20.11.2023).
2. Номенклатура партийно-государственная // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2669868 (дата обращения: 20.11.2023).
3. О свободе вероисповеданий: закон РСФСР от 25 октября 1990 г. № 267-1 (в ред. от 27.01.1995) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3953/ (дата обращения: 20.11.2023).
4. Об основах государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ (в ред. от 27.05.2003) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7379/ (дата обращения: 20.11.2023).
5. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 24.07.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 20.11.2023).
6. О государственных должностях Российской Федерации: указ Президента РФ от 11 января 1995 г. № 32 (в ред. от 26.10.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15861/ (дата обращения: 20.11.2023).
7. О типовых государственных должностях субъектов Российской Федерации: указ Президента РФ от 4 декабря 2009 г. № 1381 (в ред. от 05.10.2015) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94683/ (дата обращения: 20.11.2023).
8. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (в ред. от 04.08.2023, с изм. и доп., вступ.

- в силу с 01.10.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 20.11.2023).
9. Об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): закон Республики Саха (Якутия) от 24 июня 2013 г. № 1220-З № 1327-IV (в ред. от 03.07.2018) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW249&n=39317#pePVw2UuQ2lVRbok1> (дата обращения: 20.11.2023).
  10. Устав Магаданской области: закон Магаданской области от 28 декабря 2001 г. № 218-ОЗ (в ред. от 17.06.2022, с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW439;n=105356#nFJXw2Usbg5ss9Ea2> (дата обращения: 20.11.2023).
  11. О Реестре должностей государственной гражданской службы Республики Бурятия: закон Республики Бурятия от 22 сентября 2006 г. № 1838-III (в ред. от 04.10.2022) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW355;n=75915#740ww2UEPZN6hxDv> (дата обращения: 20.11.2023).
  12. О Реестре должностей государственной гражданской службы Республики Адыгея: указ Главы Республики Адыгея от 14 октября 2011 г. № 121 (в ред. от 26.10.2022) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW977;n=83265#kuhww2UC9UtFHWYp> (дата обращения: 20.11.2023).
  13. Об отдельных вопросах обеспечения деятельности лиц, замещающих государственные должности Забайкальского края: закон Забайкальского края от 14 декабря 2016 г. № 1421-ЗЗК (в ред. от 29.06.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW251;n=1670019#zjFwx2UM7maEu4IS2> (дата обращения: 20.11.2023).
  14. О мировых судьях Забайкальского края и судебных участках в Забайкальском крае: закон Забайкальского края от 28 июля 2014 г. № 1026-ЗЗК (в ред. от 28.12.2022) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW251;n=1672297#golxw2UAFrfJbq2C1> (дата обращения: 20.11.2023).
  15. Устав Хабаровского края: принят постановлением Законодательной Думы Хабаровского края от 19 мая 2022 г. № 1331 (в ред. от 28.06.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW011;n=176266#dEDyW2UZhiEfr8G9> (дата обращения: 20.11.2023).
  16. Избирательный кодекс Хабаровского края от 26 ноября 2003 г. № 154 (в ред. от 03.10.2023, с изм. и доп., вступающими в силу с 15.10.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW011;n=178884#pityw2UMrvNNQN8T1> (дата обращения: 20.11.2023).
  17. О мировых судьях Хабаровского края: закон Хабаровского края от 27 мая 2009 г. № 244 (в ред. от 26.12.2022) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW011;n=171984#EP40x2UOEeGpki3> (дата обращения: 20.11.2023).
  18. О Контрольно-счетной палате Хабаровского края: закон Хабаровского края от 29 июня 2011 г. № 94 (в ред. от 03.10.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW011;n=178979#YFR0x2U2RORMrсах> (дата обращения: 20.11.2023).
  19. О гарантиях деятельности лиц, замещающих (замещавших) государственные должности Санкт-Петербурга: закон Санкт-Петербурга от 30 мая 2005 г. № 224-28 (в ред. от 28.12.2022) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=55891#zpw0x2UiwHr5WWOl> (дата обращения: 20.11.2023).
  20. О государственных должностях Ленинградской области: областной закон Ленинградской области от 16 декабря 2005 г. № 117-оз (в ред. от 20.06.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=275596#9JT1x2UWQn5WMzpl1> (дата обращения: 20.11.2023).

21. Об утверждении Перечня государственных должностей Республики Башкортостан: указ Президента РБ от 29 марта 2008 г. № УП-126 (в ред. от 21.09.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW140;n=156311#6yr1x2UMPPqTgOEO> (дата обращения: 20.11.2023).
22. О государственных должностях Смоленской области и о государственной гражданской службе Смоленской области: закон Смоленской области от 3 мая 2005 г. № 29-з (в ред. от 26.10.2023) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW376;n=138822#IiQ2x2Une40cuxf4> (дата обращения: 20.11.2023).

References

1. Position. Large legal dictionary. Academic.ru. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/14579> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
2. Party-state nomenclature. Great Russian encyclopedia. 2004-2017. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2669868 (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
3. On freedom of religion. Law of the RSFSR of October 25, 1990 No. 267-1 (as amended on January 27, 1995). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3953/ (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
4. On the fundamentals of the civil service of the Russian Federation. Federal Law of July 31, 1995 No. 119-FZ (as amended on May 27, 2003). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7379/ (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
5. On the state civil service of the Russian Federation. Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ (as amended on July 24, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
6. On government positions in the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of January 11, 1995 No. 32 (as amended on October 26, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15861/ (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
7. On typical government positions in the constituent entities of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of December 4, 2009 No. 1381 (as amended on October 5, 2015). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94683/ (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
8. On the general principles of the organization of public power in the constituent entities of the Russian Federation. Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021 (as amended on August 4, 2023, with amendments and additions coming into force from October 1, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
9. On the Commissioner for the Rights of Indigenous Peoples of the North in the Republic of Sakha (Yakutia). Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated June 24, 2013 No. 1220-Z No. 1327-IV (as amended on July 3, 2018). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW249&n=39317#pePVw2UuQ2IVRbok1> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
10. Charter of the Magadan Region. Law of the Magadan Region of December 28, 2001 No. 218-OZ (as amended on June 17, 2022, with amendments and additions coming into force on January 1, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW439;n=105356#nFJXw2Usbg5ss9Ea2> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
11. On the Register of positions in the state civil service of the Republic of Buryatia. Law of the Republic of Buryatia dated September 22, 2006 No. 1838-III (as amended on October 4, 2022). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW355;n=75915#740ww2UEPZN6hxDv> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
12. On the Register of positions in the state civil service of the Republic of Adygea. Decree of the Head of the Republic of Adygea dated October 14, 2011 No. 121 (as amended

- on October 26, 2022). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW977;n=83265#kuhww2UC9UtFHWYp> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
13. On certain issues of ensuring the activities of persons holding government positions in the Trans-Baikal Territory. Law of the Trans-Baikal Territory of December 14, 2016 No. 1421-ZZK (as amended on June 29, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW251;n=1670019#zjFwx2UM7maEu4IS2> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
  14. On magistrates of the Trans-Baikal Territory and judicial districts in the Trans-Baikal Territory. Law of the Trans-Baikal Territory of July 28, 2014 No. 1026-ZZK (as amended on December 28, 2022). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW251;n=1672297#golxw2UAFrfJbq2C1> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
  15. Charter of the Khabarovsk Territory. Adopted by Resolution of the Legislative Duma of the Khabarovsk Territory dated May 19, 2022 No. 1331 (as amended on June 28, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW011;n=176266#dEDyw2UZhiEfr8G9> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
  16. Electoral Code of the Khabarovsk Territory of November 26, 2003 No. 154 (as amended on October 3, 2023, with amendments and additions coming into force on October 15, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW011;n=178884#pityw2UMrvNNQN8T1> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
  17. On magistrates of the Khabarovsk Territory. Law of the Khabarovsk Territory of May 27, 2009 No. 244 (as amended on December 26, 2022). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW011;n=171984#EP40x2UOEeGpki3> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
  18. On the Chamber of Control and Accounts of the Khabarovsk Territory. Law of the Khabarovsk Territory of June 29, 2011 No. 94 (as amended on October 3, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW011;n=178979#YFR0x2U2RORMrcax> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
  19. On guarantees for the activities of persons holding (replacing) government positions in St. Petersburg. Law of St. Petersburg of May 30, 2005 No. 224-28 (as amended on December 28, 2022). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SPB&n=55891#zpw0x2UiiHr5WWOl> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
  20. On government positions in the Leningrad region. Regional Law of the Leningrad Region of December 16, 2005 No. 117-oz (as amended on June 20, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SPB;n=275596#9JT1x2UWQn5WMzp11> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
  21. On approval of the List of government positions of the Republic of Bashkortostan. Decree of the President of the Republic of Belarus dated March 29, 2008 No. UP-126 (as amended on September 21, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW140;n=156311#6yr1x2UMPPqTgOEO> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).
  22. On government positions in the Smolensk region and about the state civil service of the Smolensk region. Law of the Smolensk Region of May 3, 2005 No. 29-z (as amended on October 26, 2023). Konsul'tantPlyus. URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW376;n=138822#iIQ2x2Une40cuxf4> (accessed on 20.11.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Четырбок — депутат; 190107, Санкт-Петербург, Исаакиевская пл., д. 6.

Information about the author

D. A. Chetyrbok — deputy; 6 Isaakiyevskaya sq., St. Petersburg 190107, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 29.04.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 29.04.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Научная статья

УДК 347.736

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-292-303

Сравнительно-правовой анализ зарубежных и отечественных норм об оспаривании сделок несостоятельного должника

Максим Олегович Денисовский

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия, maxwell196@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования зарубежных и отечественных правовых норм об оспаривании сделок несостоятельного должника. На основе сравнения правовых норм Англии (англосаксонская правовая семья), Саудовской Аравии (религиозное право) и России (романо-германская правовая семья) установлены общие черты и различия в подходах к определению правовых норм об оспаривании сделок несостоятельного должника.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельный должник, оспаривание сделок, сделки должника, несостоятельность, сравнительное правоведение

Для цитирования: Денисовский М. О. Сравнительно-правовой анализ зарубежных и отечественных норм об оспаривании сделок несостоятельного должника // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 292–303. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-292-303>

Original article

Comparative legal analysis of foreign and domestic norms on challenging transactions of an insolvent debtor

Maksim O. Denisovsky

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia, maxwell196@mail.ru

Abstract. The article presents the results of the study of foreign and domestic legal norms on challenging the transactions of an insolvent debtor. On the basis of comparison of legal norms of England (Anglo-Saxon legal family), Saudi Arabia (religious law) and Russia (Romano-Germanic legal family) there are established common features and differences in approaches to definition of legal norms on contestation of insolvent debtor's transactions.

Keywords: bankruptcy, insolvent debtor, contestation of transactions, debtor's transactions, insolvency, comparative jurisprudence

For citation: Denisovsky M. O. Comparative legal analysis of foreign and domestic norms on challenging transactions of an insolvent debtor. *Sociology and Law*. 2024;16(2):292-303. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-292-303>

Введение

В современных условиях нестабильности внешней среды возрастает актуальность вопросов, связанных с применением процедур банкротства. Институт банкротства в Российской Федерации (РФ) не только активно применяется на практике, но и трансформируется в целях более эффективного восстановления интересов лиц.

В банкротстве одним из механизмов, который призван защищать интересы кредиторов, служит механизм оспаривания сделок несостоятельного должника. Среди вариантов поиска путей совершенствования данного механизма — изучение законов и правовых систем иных государств. Настоящая статья основана на исследовании особенностей оспаривания сделок несостоятельного должника в различных правовых семьях, которое позволило выявить особенности отечественных правовых норм в данной сфере. Целью исследования является определение особенностей правовых норм об оспаривании сделок несостоятельного должника; основой стал сравнительно-правовой анализ зарубежных и отечественных норм. Нами проведено сравнение зарубежных и отечественных норм об оспаривании сделок несостоятельного должника. В качестве зарубежных правовых систем рассмотрены английское право как пример англосаксонской правовой системы и право Саудовской Аравии как пример религиозной правовой семьи. Гипотеза исследования заключается в том, что в различных правовых семьях в отношении правовых норм об оспаривании сделок несостоятельного должника существуют как общие черты, обусловленные спецификой института банкротства, так и различия, наличие которых обусловлено различиями между разными правовыми семьями.

Материалы и методы

Английское право — система, основанная на сочетании законов (статуты) и прецедента, при которой активно используется судебное толкование законодательных норм. Для английской (общей) системы характерны гибкость и многовековость применения нормативных актов. Но статутные нормы изменяются, если этого требуют технологии или другие экономические перемены. Основа английского права — прецедентная и статутная система. Главными правовыми источниками законодательства Великобритании об оспаривании сделок должника в банкротстве являются Закон о несостоятельности от 29 декабря 1986 г. (Insolvency Act 1986) [1], Правила в отношении несостоятельности от 29 декабря 1986 г. (Insolvency Rules 1986) [2], а также судебные прецеденты.

Королевство Саудовская Аравия имеет уникальную правовую систему, которая параллельно опирается на принципы шариата и современного гражданского права. В настоящее время принципы шариата применяют в судах без учета законодательного текста, принятого законодательными органами. Поэтому шариат служит главным источником для восполнения законодательных пробелов и толкования закона. Основной закон Саудовской Аравии (Basic System of Governance) постановляет, что исламский шариат, взятый из Корана и Сунны, должен быть основой для юридической власти в Королевстве [3]. С учетом этой правовой позиции устанавливают место закона шариата по отношению к должнику. Шариат определяет теоретическую основу для разработки норм об оспаривании сделок несостоятельного должника. Исходя из этого, создана правовая основа, в которой допускают то, что должник может отказаться от своих юридических обязательств и начать все сначала, но при этом должника рассматривают как лицо, имеющее

право на помощь и спасение. В Саудовской Аравии основу регулирования положений об оспаривании сделок несостоятельного должника определяет Закон о банкротстве от 2018 г.

Право РФ относится к романо-германской правовой семье. В России основу законодательства о банкротстве составляет Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Для исполнения положений об оспаривании сделок должника также разработаны постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 г. № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа», постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства». В рамках практической деятельности арбитражные управляющие применяют положения Арбитражного процессуального кодекса РФ.

Сравнительное правоведение предполагает использование компаративистского подхода в отношении правовых систем различных стран мира. В настоящей статье этот подход применен по отношению к правовым нормам в сфере оспаривания сделок несостоятельного должника. В частности, нами проведено сравнение англосаксонской, религиозной и романо-германской правовых семей с целью выявления характерных особенностей по установлению правоотношений ввиду оспаривания сделок несостоятельного должника.

Результаты

Основу законодательства о банкротстве в Англии составляет Закон о несостоятельности от 29 декабря 1986 г. (Insolvency Act 1986). С учетом его положений выделены три основных этапа оспаривания сделок: выявление сделок, которые могут быть оспорены, запрос документов, сведений и оспаривание сделок.

На первом этапе происходит выявление сделок, которые могут быть оспорены. Согласно Закону о несостоятельности от 29 декабря 1986 г. в Англии могут быть оспорены следующие сделки должника [1].

1. Сделки, совершенные после подачи заявления о банкротстве (п. 1 ст. 284 Закона о несостоятельности 1986 г.). Любая передача или отчуждение имущества, произведенная после подачи заявления о банкротстве, обычно недействительна, если она не одобрена судом.

2. Сделки по заниженной стоимости (ст. 339 Закона о несостоятельности 1986 г.). Такого рода сделки происходят, если банкрот передает актив другой стороне в качестве подарка или иным образом безвозмездно либо по значительной меньшей цене, чем реальная стоимость актива, или заключает сделку с учетом заключения брака либо заключения гражданского партнерства. К сделкам по заниженной стоимости относятся, например, передача имущества безвозмездно, передача акций безвозмездно, дарение, предоставление товаров или услуг безвозмездно, покупка товаров или услуг, которые ничего не стоят или стоимость которых значительно меньше уплаченной цены.

3. Сделки с предпочтением (ст. 340 Закона о несостоятельности 1986 г.). Предпочтение возникает, если должник совершает действие, которое ставит кредитора, поручителя или гаранта в лучшее положение, чем это требует процедура банкротства. Для оспаривания сделки необходимо, чтобы было намерение поставить кредитора, поручителя или гаранта в более выгодное положение, чем другие кредиторы банкрота. Примером служат погашение кредитов от членов семьи, а не от третьих сторон-кредиторов, и предоставление залога недвижимости в качестве обеспечения долга.

4. Завышенные пенсионные взносы (ст. 342А Закона о несостоятельности 1986 г.). Права банкрота по любому пенсионному соглашению обычно исключаются из его имущества или в случае неутвержденных пенсионных схем могут быть исключены. Однако управляющий в деле о банкротстве вправе обратиться в суд с заявлением о взыскании излишне уплаченных пенсионных взносов, внесенных лицом до его банкротства. Кроме того, управляющий в деле о банкротстве может обратиться в суд с заявлением о взыскании излишне уплаченных пенсионных взносов, если лицо, признанное банкротом, имеет права по утвержденному пенсионному соглашению или исключило свои права по утвержденному пенсионному соглашению.

5. Сделки, обманывающие кредиторов (ст. 423 Закона о несостоятельности 1986 г.). Сделка может быть отменена, если она заключена по заниженной стоимости и целью сделки было вывести активы за пределы досягаемости лица, которое предъявляет или может предъявить иск к физическому лицу, или иным образом нанести ущерб интересам лица в отношении на такую претензию. Передача активов супругу (например, дома) во избежание принятия кредитором мер по взысканию активов является примером сделки, обманывающей кредиторов.

6. Чрезмерные кредитные операции (ст. 343 Закона о несостоятельности 1986 г.). Доверительный управляющий может оспорить любую сделку по предоставлению кредита должнику, которая требует от него непомерных выплат или иным образом противоречит обычным принципам честного ведения бизнеса. Может быть оспорена любая сделка по предоставлению кредита в течение трех лет до даты банкротства. Датой банкротства считают дату принятия решения о банкротстве, а не дату подачи заявления о банкротстве.

Второй этап оспаривания сделок — запрос документов и сведений. При этом установлены следующие правовые нормы [1]:

1. Проверка деятельности и имущества должника (ст. 251N Закона о несостоятельности 1986 г.). Суд может потребовать от лица предоставить письменный отчет о своих действиях с должником, любые документы, находящиеся в его распоряжении или под его контролем, относящиеся к должнику или его сделкам, делам или имуществу. Суд может выдать ордер констеблю или назначенному должностному лицу для изъятия любых записей или других документов, находящихся во владении этого лица.

2. Анализ мошеннических операций с имуществом, полученным в кредит (ст. 251R Закона о несостоятельности 1986 г.). Такими считают операции, при которых лицо получило имущество в кредит, распорядилось им, но в итоге в момент вынесения предписания о списании долга не расплатилось за него.

3. Проверка деятельности и имущества банкрота (ст. 366 Закона о несостоятельности 1986 г.). В любое время после вынесения решения о банкротстве суд по заявлению конкурсного управляющего или управляющего имуществом банкрота может вызвать любое лицо, которое явится в суд и способно предоставить информацию относительно банкрота или сделок, дел или имущества банкрота.

Третий этап — оспаривание сделок. Конкурсный управляющий передает собранные документы в суд для оспаривания сделки. Суд вправе выносить различные постановления о взыскании имущества банкрота:

- требовать возвращения в конкурсную массу имущества, переданного в рамках сделки или в связи с предоставлением преференции (ст. 342(1)(a) Закона о несостоятельности 1986 г.);
- освободить или отказаться (полностью или частично) от любого обеспечения, предоставленного лицом (раздел 342(1)(c) Закона о несостоятельности 1986 г.);

— требовать от любого лица выплаты в отношении выгод, полученных им от физического лица (раздел 342(1)(d) Закона о несостоятельности 1986 г.).

В Англии действуют и Правила в отношении несостоятельности 29 декабря 1986 г. (Insolvency rules 1986) [2]. В них установлены:

- право суда отменить определенные сделки (ст. 4.149) — если при управлении имуществом ликвидатор заключает какую-либо сделку с лицом, которое является его ассоциированным лицом, суд может по заявлению любого заинтересованного лица отменить сделку и предписать ликвидатору возместить компании любые убытки, понесенные в результате этого;
- право суда отменить определенные сделки (ст. 6.147) — если при управлении наследством доверительный управляющий заключает какую-либо сделку с лицом, являющимся его сообщником, суд может по заявлению любого заинтересованного лица отменить сделку и обязать доверительно-го управляющего возместить наследству любые убытки.

Помимо указанных документов, следует учитывать судебные прецеденты. Приведем несколько примеров.

1. В деле Инвест Банк PSC против Эль-Хусейни [2023] EWCA Civ 555 установлено, что если должник, действуя в качестве директора компании, полностью принадлежащей ему, передает активы его компании в попытке сделать эти активы недоступными для его кредиторов, эти переводы могут быть оспорены в соответствии со ст. 423 Закона о несостоятельности 1986 г. как сделки по заниженной стоимости, даже если должник лично не является стороной сделок и активы не принадлежали ему на законных основаниях [4].

2. В деле Ахмедова против Ахмедова [2021] EWHC 545 (Fam) установлено, что сделка может быть заключена по смыслу ст. 423 Закона о несостоятельности 1986 г., если активы не принадлежат лично должнику. Понятие «сделка» должно толковаться широко, и не имеет значения, что передача активов осуществлена компанией, принадлежащей должнику, а не должника лично. Интерпретировать ст. 423 иначе означало бы обойти его защитную цель [5].

3. Кларксон против Кларксона [1994] BCC 921 (CA). Дело об имуществе банкрота предусматривало, что корпоративные активы, бенефициарно принадлежащие компании, не принадлежат на выгодоприобретении ее акционеру и поэтому не подпадают под масштабы банкротства акционеров. Но так называемое дело Кларксона связано с разделом 339 Закона о несостоятельности 1986 г. и значением понятия «имущество» при банкротстве для целей этого раздела, но не для целей применения ст. 423 Закона о несостоятельности 1986 г. [6].

Перейдем к Саудовской Аравии. Коран регулирует два основных аспекта жизни: первый — о богослужении и законодательстве, связанном со сделками, которые люди совершают друг с другом, торговлей, личными отношениями и собственностью; второй — сосредоточен на регулировании мусульманского общества посредством политики и законов, которые должны быть соблюдены. Положение о банкротстве в целом подпадает под первый аспект, поскольку отношения, существующие между должником и кредиторами, и их последствия связаны со сделками, совершаемыми между физическими лицами. Коран в нескольких текстах утверждает, что мусульмане должны выполнять свои обязательства и финансовые обязательства, делая последние частью характера и религиозных обязанностей мусульманина. Это подтверждается в аяте: «О вы, которые веруют! Выполняйте свои обязательства». Хотя лишь несколько текстов в Коране посвящены вопросу банкротства, такие тексты считают основным источником законодательных норм о банкротстве в шариате. Так, стих № 280 в главе Аль-Бакара

представляет собой кораническую основу для положений шариата о банкротстве: «Если должник в затруднительном положении, дайте ему время, пока ему не станет легко расплатиться. Но если вы отпустите его из милости, то лучше всего для вас, если бы вы только знали». В этом стихе изложена общая концепция банкротства. Другие источники либо объясняют ее, либо утверждают ее. Более того, этот стих завершает третью часть Корана, в котором подробно обсуждаются положения о ростовщичестве, запрещающие ростовщичество, а также предупреждающие и запрещающие верующим обуславливать любое увеличение долга. В данном случае можно трактовать этот стих и таким образом, что сделки должника, приводящие к уменьшению конкурсной массы, недопустимы. При банкротстве и неисполнении обязательств должника кредитор может потребовать увеличения долга за задержку платежа. Вышеупомянутый стих запрещает любое урегулирование, которое может привести к ростовщичеству, и поощряет любое добровольное урегулирование в целях погашения долга без начисления процентов на основную сумму долга [7].

Вторым источником шариата служит Сунна. Она определена учеными шариата как «действия, решения и практики, которые Мухаммад одобрял, разрешал или потворствовал, а также те, от которых он воздерживался или не одобрял», которые используются мусульманами как примеры для руководства во всех аспектах жизни. Положения о банкротстве в этом отношении во многом вытекают из Сунны, поскольку во времена Пророка и его сподвижников произошло несколько случаев банкротства. Высказывания Пророка, сделанные на основании советов и указаний, которые побуждают кредиторов освобождать должников от долгов и прощать их, говорят о том, что такое освобождение будет вознаграждено свыше, и одновременно утверждают, что мусульмане должны соблюдать свои финансовые обязательства, тем более что выполнение обязательств отражает степень приверженности мусульман своим религиозным учениям [7].

В дополнение к двум предыдущим источникам консенсус (иджма) и аналогия (кийас) имеют второстепенное значение по сравнению с Кораном и Сунной, хотя выводы, которые они дают, имеют влияние в шариате. Одним из вопросов банкротства, на который опирался консенсус, является вопрос о принципе неплатежеспособности, требующий предоставления должнику обязательного льготного периода. Согласно аналогии, законы шариата запрещают налагать проценты на просроченный долг. Но некоторые ученые сравнили случай должника, который, хотя и способен платить, но откладывает погашение долга, с человеком, вымогающим деньги у других [7].

Законодательство Саудовской Аравии об оспаривании сделок несостоятельного должника включает в себя Закон о банкротстве — *Bankruptcy Law in Saudi Arabia* (2018). Закон утвержден Королевским указом № М/50 от 28 мая 1439 г. (по исламскому календарю). Закон появился в условиях реализации «Экономического видения — 2030» Саудовской Аравии, заменил старый правовой режим неплатежеспособности в Королевстве, основанный на ст. 103–137 Закона о торговом суде от 28 мая 1439 г., изданного Королевским указом № 32 от 15 января 1350 г., и Закон о защите от банкротства, изданный Королевским указом № М/16 от 9 апреля 1416 г. Глава 13 Закона о банкротстве посвящена оспариванию сделок должника (в частности, ст. 210–212) [7]. Кроме того, Саудовская Аравия приняла постановление о реализации закона о банкротстве в соответствии с резолюцией Совета министров № 622 от 24 декабря 1439 г. В некоторых статьях Закона о банкротстве Саудовской Аравии положения ссылаются на данные правила для определения и уточнения дополнительных деталей и положений по при-

менению закона. В частности, в контексте темы исследования следует обратить внимание на положения ст. 80.

В Саудовской Аравии действует Закон о банкротстве (2018). Его основная цель заключается в спасении неплатежеспособного бизнеса путем реорганизации и финансовой реструктуризации, что соответствует принципам шариата. Правотношения, связанные с оспариванием сделок несостоятельного должника, регламентированы главой 13 Закона о банкротстве. Такие сделки называют отзывными. Запрещены сделки, совершенные с целью обмана кредиторов, сокрытия активов должника или причинения вреда кредиторам и акционерам. Суд может отменить действия или сделки, повлекшие за собой нарушение этого требования, и обязать взыскать имущество должника и выплатить компенсацию. В целях сохранения активов банкротства и предотвращения злоупотреблений должниками системой закон наделяет суд полномочиями отменять определенные сделки и взыскать активы, подлежащие включению в состав конкурсной массы.

Согласно ст. 210 Закона о банкротстве любая заинтересованная сторона вправе возражать в суде против любого из следующих действий, предпринятых должником в течение 12 месяцев, предшествующих началу процедуры с несвязанной стороне, или в течение 24 месяцев, предшествующих началу процедуры банкротства со связанной стороной. К таким действиям отнесены:

- уступка любых своих активов, прав или обеспечительных интересов, полностью или частично;
- совершение операций без вознаграждения или за вознаграждение, которое ниже его справедливой стоимости;
- выполнение операций, связанных с погашением долгов до наступления даты их погашения или несправедливое погашение долгов;
- предоставление обеспечения по долгам до их регистрации в качестве обязательств;
- полное или частичное освобождение должника от причитающейся задолженности.

Любые возражения в соответствии с п. 1 ст. 210 Закона о банкротстве не принимают по истечении 24 месяцев со дня начала процедуры [7].

Согласно ст. 211 Закона о банкротстве суд выносит решение по возражению, указанному в ст. 210 Закона о банкротстве, признавая недействительными сделку должника с активами или иную операцию, а также его последствия, за исключением случаев, если такое распоряжение было в интересах должника, который не находится в состоянии неплатежеспособности или является должником на момент этого выбытия. Наряду с отменой сделки суд может предписать любую из следующих мер:

- возместить активы и доходы, полученные от таких активов, если они существуют, или выплатить справедливую сумму стоимости, если возврат в натуре невозможен;
- вернуть обеспечительные интересы, предоставленные должником;
- обязать любое лицо, получившее средства от должника, вернуть такие средства в дело о банкротстве;
- обязать гаранта, который полностью или частично освобожден от обязательств, повторно представить свое обеспечение или представить новую ценную бумагу со стоимостью и рейтингом не ниже предыдущей ценной бумаги в случае, если такая безопасность не может быть восстановлена.

Согласно ст. 212 Закона о банкротстве применение ст. 211 указанного Закона не затрагивает прав, приобретенных третьими лицами (добросовестно), за исключением случаев, если такое третье лицо выступало стороной акта отчуждения,

совершенного должником [7]. Решение об оспаривании сделок может принять доверительный управляющий, если посчитает это целесообразным. Согласно ст. 80 постановления о реализации закона о банкротстве, любая заинтересованная сторона может оспорить любое решение или решение суда в апелляционном суде, если вопрос относится к сделке, подлежащей признанию недействительной в соответствии с главой 13 Закона о банкротстве [7].

На основании представленных положений проведен сравнительный анализ правовых норм об оспаривании сделок должника в трех правовых системах. Результаты сравнения оснований для оспаривания сделок представлены в таблице 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика оснований для оспаривания сделок несостоятельного должника в разных правовых системах

Table 1. Comparative characterization of grounds for challenging insolvent debtor's transactions in different legal systems

№	Признаки сделки	Великобритания	Саудовская Аравия	Российская Федерация
1	Совершение сделки после подачи заявления о банкротстве	+	–	+
2	Сделки по заниженной стоимости	+	+	+ (п. 1 ст. 61.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ)
3	Сделки с предпочтением	+	+	+ (ст. 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ)
4	Завышенные пенсионные взносы	+	–	–
5	Сделки, обманывающие кредиторов	+	–	+ (ст. 61.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ)
6	Чрезмерные кредитные операции	+	–	–
7	Уступка любых своих активов, прав или обеспечительных интересов	–	+	–
8	Предоставление обеспечения по долгам до их регистрации в качестве обязательств	–	+	–
9	Освобождение должника от задолженности	–	+	–

Кроме того, исследованы сроки рассмотрения сделок, которые могут быть оспорены, как видно из таблицы 2.

Таблица 2

**Сравнительная характеристика сроков для оспаривания сделок
несостоятельного должника в разных правовых системах**

Table 2. Comparative characterization of terms for challenging
insolvent debtor's transactions in different legal systems

№	Признаки сделки	Великобритания	Саудовская Аравия	Российская Федерация
1	Совершение сделки с аффилированным лицом	Признак аффилированности не выделен	12 месяцев	Год
2	Совершение сделки с неаффилированным лицом		24 месяца	Три года
3	Иные сделки	До трех лет	–	Месяц, шесть месяцев

Таким образом, проведение сравнения оснований для оспаривания сделок, а также сроков, в течение которых допускается рассмотрение сделок, подлежащих оспариванию, показывает, что в разных правовых семьях существуют как общие черты, так и отличия, в частности в нормах, определяющих оспаривание сделок несостоятельного должника.

Обсуждение

Рассмотрение правовых норм об оспаривании сделок несостоятельного должника в трех правовых системах позволило сделать ряд выводов.

1. Выявлены основания для оспаривания сделок, которые характерны для любой из рассмотренных стран. Во всех трех странах могут быть оспорены сделки, совершенные с заниженной стоимостью, сделки, совершенные с предпочтением. Данные основания универсальны для любой из рассмотренных стран. Это означает, что во всех трех странах, в практике осуществления процедур банкротства, существует проблема вывода денежных средств должником, и банкротство призвано восстановить имущественные интересы кредиторов. Во всех трех странах могут быть оспорены сделки, которые нарушают интересы кредиторов, поэтому процедуры банкротства призваны обеспечить законное формирование конкурсной массы. Некоторые из правовых норм предполагают частичное совпадение. Так, и в Великобритании, и в России могут быть оспорены сделки, совершенные после подачи заявления о банкротстве, а также сделки, обманывающие кредиторов. В свою очередь, в Саудовской Аравии больший акцент сделан на финансовые операции должника.

2. Перечень оснований для оспаривания сделки несостоятельного должника в России в большей степени похож на перечень оснований, который установлен в Великобритании (выявлено совпадение по четырем основаниям). Между тем право Саудовской Аравии показало всего два совпадения по основаниям. Это говорит о том, что в разных странах установлены различные подходы к определению оснований для оспаривания сделок. В России, в Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, основания перечислены в статьях 61.2 и 61.3. При этом выделены признаки сделок. В Великобритании дана характеристика сделок в различных статьях Закона о несостоятельности от 29 декабря 1986 г. В Законе о банкротстве 2018 г. Саудовской Аравии все виды сделок, которые могут быть оспорены, перечислены в одной статье путем выделения общей характеристики сделок.

3. Выявлено различие в сроках рассмотрения сделок, которые могут быть оспорены. Общим для России и Саудовской Аравии является выделение признака аффилированности для разграничения данных сроков. Но, если по сделкам с аффилированными лицами установлен одинаковый срок (год или 12 месяцев), то по сделкам с неаффилированными лицами срок различается (три года и 24 месяца). В Англии данный признак не выделен по отношению к установлению данных сроков, но общий срок ограничен тремя годами.

Причины различий в установлении правовых норм заключаются в том, что в разных странах предусмотрены различные механизмы осуществления процедур банкротства. Вследствие этого законодатель по-разному подходит к выделению правовых норм. В Великобритании имеет значение судебный прецедент, а в Саудовской Аравии основой разработки правовых норм служит шариат. В свою очередь, в России правовые нормы в данной сфере установлены согласно Гражданскому кодексу РФ.

С учетом полученных материалов можно заключить, что гипотеза исследования подтверждается. С одной стороны, в рассмотренных странах выявлены схожие правовые нормы, устанавливающие основания и сроки для оспаривания сделок несостоятельного должника, с другой — существуют и различия, обусловленные теорией и практикой осуществления процедур банкротства в каждой из стран. Полученные результаты обладают значимостью, поскольку обобщают и систематизируют нормы зарубежных стран об оспаривании сделок несостоятельного должника. Настоящее исследование может служить теоретической основой для будущих исследований, посвященных оспариванию сделок несостоятельного должника.

Будущие исследования в контексте данной темы могут заключаться в сравнении российского законодательства об оспаривании сделок несостоятельного должника и законодательства отдельных стран романо-германской группы, а также законодательства ряда стран Азии (например, в современных условиях может быть актуальным изучение опыта Китая в этой сфере).

Выводы

Таким образом, в процессе исследования проведено сравнение правовых норм об оспаривании сделок несостоятельного должника в трех правовых системах.

1. В Англии основу законодательства об оспаривании сделок несостоятельного должника составляет Закон о несостоятельности 1986 г. В нем содержатся признаки сделок, которые могут быть оспорены, установлены механизмы для сбора доказательной базы для оспаривания сделок, определены правовые последствия оспаривания сделок должника. Правом отменять определенные сделки наделяет суд согласно Правилам в отношении несостоятельности от 29 декабря 1986 г.

2. В ст. 210–212 Закона о банкротстве Саудовской Аравии установлены основания, согласно которым сделки несостоятельного должника могут быть оспорены; возможные сроки, в течение которых сделки могут быть оспорены; периоды, в течение которых сделки могут быть оспорены, а также меры, которые суд может принять в связи с выявлением этих сделок. Постановление о реализации закона о банкротстве предусматривает возможность оспаривания таких решений суда. Данные нормы основаны на шариате.

3. Сравнение правовых норм об оспаривании сделок несостоятельного должника в трех правовых системах показало, что в разных правовых семьях установлены и универсальные, и различные основания, определяющие возможность

оспаривания сделок должника; различные сроки, в течение которых рассматривают сделки, и они могут быть оспорены; различные признаки, которые используются для выделения данных сроков.

Будущие направления исследований в этой области могут быть основаны на более детальном сравнении российских правовых норм в сфере оспаривания сделок несостоятельного должника и норм стран группы романского права, группы германского права, группы скандинавского права. Перспективным видится сравнение положений законодательства России и Китая как представителя правовой семьи стран Дальнего Востока.

Список источников

1. Insolvency act 1986 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/contents> (дата обращения: 11.05.2024).
2. Insolvency rules 1986 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/1986/1925/contents/made> (дата обращения: 11.05.2024).
3. Basic law of governance // The Embassy of the Kingdon of Saudi Arabia. URL: <https://www.saudiembassy.net/basic-law-governance> (дата обращения: 11.05.2024).
4. Invest Bank PSC v El-Husseini & Ors [2023] EWCA Civ 555 (19 May 2023) // British and Irish Legal Information Institute. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2023/555.html> (дата обращения: 11.05.2024).
5. Akhmedova v Akhmedov & Ors (Rev 1) [2021] EWHC 545 (Fam) (21 April 2021) // British and Irish Legal Information Institute. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Fam/2021/545.html> (дата обращения: 11.05.2024).
6. Clarkson v Clarkson & Ors [1994] EWCA Civ 25 (26 April 1994) // British and Irish Legal Information Institute. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/1994/25.html> (дата обращения: 11.05.2024).
7. *Almatrafi H.* Making sense of Saudi Arabian personal bankruptcy law. Doctoral thesis. Belfast: Queens University Belfast, 2019. 227 p.

References

1. Insolvency act 1986. Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/45/contents> (accessed on 11.05.2024).
2. Insolvency rules 1986. Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/1986/1925/contents/made> (accessed on 11.05.2024).
3. Basic law of governance. The Embassy of the Kingdon of Saudi Arabia. URL: <https://www.saudiembassy.net/basic-law-governance> (accessed on 11.05.2024).
4. Invest Bank PSC v El-Husseini & Ors [2023] EWCA Civ 555 (19 May 2023). British and Irish Legal Information Institute. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2023/555.html> (accessed on 11.05.2024).
5. Akhmedova v Akhmedov & Ors (Rev 1) [2021] EWHC 545 (Fam) (21 April 2021). British and Irish Legal Information Institute. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Fam/2021/545.html> (accessed on 11.05.2024).
6. Clarkson v Clarkson & Ors [1994] EWCA Civ 25 (26 April 1994). British and Irish Legal Information Institute. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/1994/25.html> (accessed on 11.05.2024).
7. *Almatrafi H.* Making sense of Saudi Arabian personal bankruptcy law. Doctoral thesis. Belfast: Queens University Belfast; 2019. 227 p.

Информация об авторе

М. О. Денисовский — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the author

M. O. Denisovsky — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 31.05.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Обзорная статья

УДК 336.221.2

DOI: 10.35854/2219-6242-2024-2-304-315

Налоговое администрирование цифровой экономики: концепции, проблемы и направления развития

Сергей Валерьевич Тарасевич

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,

Санкт-Петербург, Россия, sergeytarasev1ch@mail.ru,

<https://orcid.org/0009-0005-9235-5136>

Аннотация. В статье утверждается, что международный бизнес-ландшафт изменился благодаря достижениям в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые привели к цифровым преобразованиям во всех секторах экономики. Эти процессы потребовали от законодателей срочной адаптации традиционных методов налогообложения к цифровой экономике. Автором рассмотрены понятие цифровой экономики, ее последствия для налоговых систем. Предпринята попытка проанализировать основные проблемы в контексте вопросов налогового администрирования цифровой экономики. По мнению автора, действующие правила, регулирующие вопросы международного налогообложения, разработаны для применения к предприятиям, физически присутствующим в стране, и не подходят для «цифровых» компаний, не имеющих идентифицируемого физического присутствия в государствах, в которых осуществляют экономическую деятельность. Проанализированы предлагаемые в настоящее время решения налоговых проблем: концепция Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в рамках работы по BEPS, одностороннее введение странами digital service tax либо применение косвенных налогов (НДС, ВНТ и др.), концепция «разделения прибыли», изменение определения постоянного представительства путем создания новой концепции «виртуального (цифрового) постоянного представительства». Сделан вывод о том, что первый компонент концепции ОЭСР и внесение изменений в двусторонние международные налоговые конвенции, чтобы включить в них определение цифрового представительства, представляются наиболее перспективными вариантами развития.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровой налог, постоянное представительство, цифровая трансформация экономики, налогообложение

Для цитирования: Тарасевич С. В. Налоговое администрирование цифровой экономики: концепции, проблемы и направления развития // Социология и право. 2024. Т. 16. № 2. С. 304–315. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-304-315>

Review article

Tax administration of digital economy: Concepts, problems and directions of development

Sergey V. Tarasevich

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg,
Russia, sergeytarasev1ch@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9235-5136>

Abstract. The article argues that the international business landscape has changed due to advances in information and communication technologies (ICT), which have led to digital transformation in all sectors of the economy. These processes have required legislators

© Тарасевич С. В., 2024

to urgently adapt traditional taxation methods to the digital economy. The author considers the concept of digital economy, its implications for tax systems. An attempt is made to analyze the main problems in the context of tax administration of the digital economy. According to the author, the current rules governing international taxation are designed to apply to enterprises physically present in the country and are not suitable for “digital” companies that do not have an identifiable physical presence in the states in which they conduct economic activities. The current proposed solutions to tax problems are analyzed: the concept of the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) within the framework of work on BEPS, unilateral introduction of digital service tax by countries or application of indirect taxes (VAT, WHT, etc.), the concept of “profit sharing”, changing the definition of permanent establishment by creating a new concept of “virtual (digital) permanent establishment”. It is concluded that the first component of the OECD concept and amending bilateral international tax conventions to include the definition of digital representation seem to be the most promising development options.

Keywords: digital economy, digital tax, permanent establishment, digital transformation of the economy, taxation

For citation: Tarasevich S.V. Tax administration of digital economy: Concepts, problems and directions of development. *Sociology and Law. 2024;16(2):304-315.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-2-304-315>

Введение

В последние десятилетия мировая экономика существенно трансформировалась в результате внедрения информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ). Переход к цифровой экономике привел к увеличению международных потоков капитала, снижению транзакционных издержек, появлению новых бизнес-моделей.

По оценкам экспертов, цифровая экономика в 2010 г. оценена в три трлн долл. [1]. Сегодня она составляет 15,5 % мирового ВВП (около 11,5 трлн долл.) [2, с. 488]. При этом указанный сектор еще не достиг точки насыщения: аналитики прогнозируют, что к 2035 г. ее объем превысит 16 трлн долл. [3, с. 8], то есть 25–33 % мировой торговли. В 2015 г. сектор электронной коммерции заработал 25,3 трлн долл. США. Сумма в 22,4 трлн долл. приходится на продажи между предприятиями, а 2,9 трлн долл. — на продажи физическим лицам [4]. В 2020 г. объем мирового экспорта услуг, относящихся к ИКТ, составил 15,2 % от общего объема экспорта услуг (в 2015 г. — 9,8 %), а экспорт таких товаров — 14,3 % (в 2015 г. — 11,9 %); для импорта указанные показатели составили 15 и 15,1 % соответственно [2, с. 488–489]. Объем данных, передаваемых по Глобальному потребительскому интернет-протоколу, увеличился от 100 эксабайт в месяц в 2017 г. до 333 эксабайт в месяц в 2022 г. [1] Приведенные данные свидетельствуют об общем росте использования ИКТ в коммерческих целях.

Кроме того, последствия пандемии COVID-19 продемонстрировали преимущества цифровизации для микробизнеса, малого и среднего бизнеса. Так, вследствие коронавирусных ограничений многие компании расширили свое присутствие в интернете.

Новые бизнес-модели основаны на цифровой экономике и не требуют физического присутствия компании на рынке, взаимодействуя с потребителями из разных государств благодаря прогрессивному использованию ИКТ и интернета при низких затратах и высокой скорости. Однако в большинстве случаев этот массовый оборот средств не привел к ожидаемому результату, то есть увеличению налоговых поступлений в государствах, в которых осуществляют такие транзакции.

В последние три десятилетия ИКТ эволюционировали от Web 1.0 к Web 3.0, а с ними и наше взаимодействие с сетью. Ускоренный рост новых технологий привел к значительному прогрессу в цифровой экономике. Однако ИКТ, будучи инновационными, с трудом вписываются в рамки, предусмотренные действующей правовой системой и правилами налогового администрирования. В итоге возник ряд трудностей в реализации налоговой политики и вопрос о том, действительно ли существующая система налогообложения соответствует принципам справедливости и пропорциональности.

Дебаты о неадекватности нынешней налоговой системы перед лицом цифровой экономики изначально направлены против Google, Amazon, Facebook, Apple (GAFA) и их дочерних компаний. Действующие международные налоговые правила предусматривают, что прибыль иностранной компании подлежит налогообложению в государстве лишь в той степени, в которой компания имеет на его территории постоянное представительство, независимо от того, является ли оно значительным или незначительным физическим присутствием. Однако в мире, характеризующемся ростом ИКТ, экономическая деятельность может осуществляться через цифровой интерфейс без физического присутствия в стране конечной рыночной юрисдикции (как, например, в случае с интернет-рекламой и платформами социальных сетей). Традиционное понятие постоянного представительства, то есть привязанного к физическому, а не «цифровому» присутствию (даже если последнее существенно), вызывает неравенство условий между компаниями, оказывающими услуги в электронной форме, по сравнению с компаниями, которые входят в более традиционные сектора экономики. Интернет-гиганты (компании с общемировым доходом более 750 млн евро) получают доход практически во всех странах мира, но избегают уплаты налога в бюджет государства, на территории которого продавали товары и услуги. Налог платят в другой стране, в частности в стране регистрации юридического лица, обычно выбираемой из-за мягкости налогового режима. Проблема низкого уровня налогообложения крупных цифровых компаний в государствах, в которых они генерируют значительные доходы, обуславливает потребность в разработке целостной международной правовой концепции, обеспечивающей соблюдение фискальных интересов сторон в условиях цифровой трансформации экономики.

Вместе с тем было бы ошибкой полагать, что интернетом пользуются лишь ИКТ-компании. Цифровая экономика все больше ассимилируется с экономикой традиционной, а цифровизация представляет собой процесс эволюции, который влияет на все отрасли деятельности. Это усложняет поиск глобальных и гармонизированных решений, а также служит одним из ключевых аргументов противников введения специальных налоговых правил для компаний, оказывающих услуги в электронной форме.

Итак, электронная коммерция представляет собой динамичную налоговую базу и источник роста на будущее, большая часть которого не облагается налогами в стране конечной рыночной юрисдикции. Указанные экономические тенденции, появление юридических «слепых зон», то есть отсутствие четкого легального определения терминов «цифровые товары и услуги», «электронная экономика»; сложности в применении концепции постоянного представительства (правовой основы для установления налоговой связи с юрисдикцией), обусловленные увеличением нематериального экономического присутствия компаний, объясняют, почему налоговое администрирование цифровой экономики является очень актуальной темой.

В течение около десяти лет 140 стран под эгидой ОЭСР рассматривали вопрос о том, как адаптировать правила налогообложения бизнеса к цифровизации экономики. Однако он до сих пор не решен ни в одной стране мира.

Результаты библиометрического анализа научной продукции по налогообложению в цифровой экономике с 2018 по 2023 г. свидетельствуют о существовании значительного числа опубликованных оригинальных статей, доступных исследователям. Количество индексируемых в базе данных eLibrary.Ru статей, найденных в процессе поиска по контекстным словам «цифровая экономика», «веб-экономика», «налогообложение», «налоговое администрирование», составило в указанный период всего 21 056 рукописей. Анализ говорит об устойчивом интересе к данной тематике и росте количества публикаций: в 2018 г. опубликовано 2 852 работ, в 2019 — 3 073, в 2020 — 3 535, в 2021 — 3 827, в 2022 — 4 046, в 2023 — 3 723.

Вместе с тем отечественных фундаментальных теоретических трудов о налоговом регулировании цифровой экономики немного. Среди работ последних лет — диссертации А. М. Бергер (экономический аспект) [5] и А. В. Истова (правовой аспект) [6].

Цель настоящего исследования — изучение понятия цифровой экономики, ее ключевых трендов и проблем для налоговых систем, а также обзор предлагаемых корректировок, которые необходимо внести в налоговое регулирование.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили библиометрический анализ научной продукции, а также метаанализ, позволяющий выделить главные проблемы в изучаемой области и пути их решения.

Итоги

Проблема налогообложения в цифровой экономике в настоящее время однозначного решения не имеет, поскольку понятие «цифровая экономика» до сих пор остается предметом дискуссий. В научный оборот данный термин введен в 1990-х гг., и в этот период основное внимание уделено тому, как новые цифровые технологии могут повлиять на потребителей и бизнес. Сегодня цифровая экономика, согласно предложенной ОЭСР в 2012 г. трактовке, включает в себя деловую активность, основанную на цифровых технологиях [5, с. 18].

В российской и зарубежной научной литературе цифровую экономику определяют по-разному: как систему общественных отношений, «основанных на использовании цифровых технологий, формирующих все процессы, превращая их в логистические схемы» [5, с. 18]; как «совокупность общественных отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления, взаимодействие субъектов которых основано на использовании информации» [7, с. 119]; как совокупность действий и институтов по удовлетворению потребностей человека, которые базируются на использовании цифровых информационных и коммуникационных технологий [1; 7, с. 119]; как процесс распространения в экономике механизмов оцифровки информации, ее динамической обработки и передачи по высокоскоростным сетям; как сетевую экономику, которая характеризуется спецификой товаров и услуг [1].

Определение термина «цифровая экономика» содержится в утвержденной Правительством РФ программе «Цифровая экономика в Российской Федерации». В указанном документе стратегического планирования речь идет о том, что «цифровая экономика — это хозяйственная деятельность, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, и она способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан

и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры РФ, созданию и применению российских ИКТ, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы» [15].

Вместе с тем в научной литературе обращено внимание на то, что четко определить дефиницию «цифровая экономика» непросто. Это связано, во-первых, с огромным разнообразием бизнес-моделей в условиях цифровизации; во-вторых, с тем, что трудно или невозможно провести различие между так называемой цифровой экономикой и традиционной экономикой, поскольку они все больше пересекаются, а традиционные бизнес-модели развиваются в цифровые или расширяются за счет их включения. Поэтому многие ученые и аналитики отказались от этого термина, предпочитая оперировать понятием «цифровая трансформация», поскольку это явление включает в себя большинство видов деятельности по производству товаров и услуг, в том числе наиболее традиционные [8, с. 30].

Цифровые технологии способны реорганизовать цепочки создания стоимости, сформировать новые модели бизнеса и посредничества. Можно ли в связи с этим утверждать, что цифровизация ведет к созданию отдельной отрасли? Полагаем, что на основе анализа сложившихся в науке и практике представлений о сущности цифровой экономики, а также исходя из целей международного налогового администрирования, целесообразно указать следующее. Практически все определения вращаются вокруг ряда аспектов. В их числе — мобильность нематериальных активов, пользователей/клиентов, бизнес-функций и ликвидация пространственно-территориальных точек соединения (пространственное представительство). Однако в настоящее время цифровая экономика все больше переплетается с традиционной экономикой, до такой степени, что становится трудно понять разницу между ними. Она включает в себя как компании, в которых IP-адрес используют для реализации процессов и проектов, в частности компании, практически не имеющие местных связей и создающие основанную на знаниях информационную ценность (компании рекламного, информационного или развлекательного секторов, онлайн-платежи, магазины приложений, компании, выпускающие программное обеспечение, ИТ-сервисные и инжиниринговые компании, веб-агентства, операторы связи), так и компании любого размера и из всех секторов, использующие цифровые технологии для логистики и менеджмента своей деятельности¹. Соответственно, цифровая экономика — это не конкретная отрасль, изолированное ее понимание видится затруднительным. Последнее означает, что нет необходимости вводить единое налогооблагаемое событие для цифровой экономики.

По данным ОЭСР, цифровые бизнес-модели имеют четыре характеристики: 1) «нелокализация деятельности», способствующая размытию географических и налоговых границ; компании могут использовать интернет и онлайн-платформы для создания трансграничных отношений с многочисленными клиентами и генерирования иностранного товарооборота, не имея постоянного представительства; 2) двусторонняя рыночная логика, в которой конечные пользователи и потребители участвуют в создании стоимости, позволяя компаниям повышать ценность своих данных роль; 3) «роль платформы», которую играют цифровые компании; 4) сильная зависимость от нематериальных активов, включая интеллектуальную собственность.

---

¹ Значительная часть стоимости, производимой деятельностью компаний в «традиционных» секторах (например, гостиницы и рестораны), сегодня опирается на нематериальные активы, то есть алгоритмы Google, бренды, патенты и т. д., которые могут располагаться практически где угодно, имея специализированные дочерние компании.

Дискуссия о проблемах, которые цифровая экономика представляет для налоговых систем в мире, продолжается с 90-х гг. XX в. Полагаем, что указанные проблемы можно разделить на две группы: 1) связанные с адаптацией и преобразованием характеристик текущих налогов для повышения их операционной эффективности; 2) связанные с адаптацией и трансформацией налогового менеджмента в соответствии с достижениями ИКТ.

В статье нами рассмотрен комплекс проблем, составляющих первую группу. Цифровая экономика чаще всего приводит к формированию олигополистических рынков, сети которых становятся более непрозрачными (информационная асимметрия) и менее открытыми. Действительно, компании, утвердившиеся на рынке и/или занимающие доминирующее положение, часто предпринимают попытки оптимизировать потенциал экономии за счет масштаба и использования «сетевого эффекта»¹, во-первых, ограничивая доступ к сетям для новых участников или обходя правила конкуренции; во-вторых, извлекая выгоду из сложных механизмов, позволяющих законно минимизировать их общую налоговую ставку, размещая большую часть прибыли в дочерних компаниях, созданных в принимающих государствах (среди них — Кайманы, Бермудские острова, иные налоговые убежища), после прохождения их транзитом через различные туннельные государства, законодательство которых и двусторонние конвенции разрешают подобную практику. Кроме того, наблюдается постоянное перемещение компаний через различные налоговые юрисдикции с помощью сети, в зависимости от наиболее благоприятных для них условий [9]. Следовательно, усиливающаяся цифровая трансформация экономики создает налоговые проблемы, такие как сокращение налоговых поступлений по причине злоупотреблений и уклонений от уплаты налогов.

С появлением новых цифровых бизнес-моделей возникают трудности при определении того, как и где создается стоимость (чтобы ее затем обложить налогом), в основном с учетом большей зависимости от нематериальных активов, а также увеличения объемов генерации и сбора пользовательских данных и растущего участия последних [9, с. 72]. Поскольку мобильность нематериальных активов возрастает, появление цифровой экономики влечет проблемы, связанные с налоговыми режимами подоходного налога и налога на добавленную стоимость (НДС). Как достоверно определить «справедливую стоимость» ряда нематериальных активов (например, алгоритма Google), чтобы определить приемлемый уровень дохода и налога?

Наличие транснациональной экономической деятельности предполагает взаимодействие различных национальных налоговых систем, что может привести к двойному налогообложению. Сбор налога осуществляется на национальном уровне. Действующие международные налоговые правила предусматривают, что прибыль иностранной компании подлежит налогообложению в государстве только в той степени, в которой компания имеет на его территории «постоянное представительство», предполагающее определенный уровень физической инфраструктуры для производственного или маркетингового процесса либо присутствие лица, действующего от имени предприятия и обладающего полномочиями заключать контракты. Трансграничные цифровые продавцы не присутствуют в стране

---

¹ «Цифровую» экономику отличает важность феномена возрастающей отдачи: чем больше клиентов у компании, тем она более «продуктивна» в аспекте того, что она может предложить лучший сервис за такую же цену, и это привлекает больше клиентов. Данное явление связано с сетевыми эффектами. В частности, качество обслуживания зависит от размера сети, то есть от количества пользователей.

конечной рыночной юрисдикции, что приводит к относительно низкому уровню сбора НДС или его отсутствию.

Действующие налоговые механизмы приводят к искаженной конкуренции: анализируя 100 крупнейших компаний по рыночной стоимости и пять крупнейших компаний электронной коммерции, Европейская комиссия рассчитала налоговый разрыв между цифровыми бизнес-моделями и традиционными компаниями. Обнаружено, что у цифрового бизнеса средняя эффективная ставка налога [1] составляет 8,5 % по сравнению с 20,9 % для традиционного бизнеса¹. Это создает неблагоприятные условия для конкуренции и лишает государства значительных налоговых поступлений.

Поэтому налоговые правила нуждаются в адекватном обновлении. На Оттавской конференции, состоявшейся в 1998 г., налоговые условия для электронной коммерции согласованы на базе следующих принципов: 1) нейтралитета, то есть одинакового режима для традиционной и электронной торговли во избежание двойного или нулевого налогообложения; 2) эффективности, то есть снижения затрат на соблюдение требований как для налогоплательщиков, так и для налоговой администрации; 3) уверенности и простоты, то есть четких и понятных налоговых правил для налогоплательщиков; 4) эффективности и справедливости, то есть справедливого налогообложения во избежание уклонения от уплаты налогов; 5) гибкости, то есть адаптации и эволюции налоговой системы в условиях коммерческого и технологического прогресса.

Технически возможных решений налоговых проблем, возникающих в результате цифровизации экономики, существует немало. В международном правовом поле новый порядок налогового администрирования цифровой экономики наиболее активно разрабатывает ОЭСР. Этой международной организацией предложена двухкомпонентная программа (BEPS). Первый компонент — Pillar 1 — формирует унифицированный трехуровневый порядок перераспределения налогооблагаемой прибыли в условиях цифровой трансформации: предлагается для более справедливого распределения прибыли и налогового бремени 25 % остаточной прибыли компаний с глобальными доходами свыше 20 млрд евро и рентабельностью, превышающей 10 %, распределять в определенном порядке между странами, в которых происходят продажи, независимо от физического присутствия компаний в этих юрисдикциях. Кроме того, предлагается введение нового механизма, который позволит частично уйти от принципа «вытянутой руки» [10, с. 22].

Второй компонент — Pillar 2 — устанавливает правила эффективного минимального налогообложения доминирующих групп транснациональных предприятий, направленные на сокращение возможностей размывания налоговой базы и перемещения прибыли. Он направлен и на обеспечение уплаты согласованной глобальной минимальной ставки корпоративного налога в размере 15 %.

Планируется отмена цифровых налогов, предложенных в 2018 г. Европейской комиссией. Это временный налог на доходы от цифровых услуг (DST, налог на Google, цифровой налог) по ставке 3 % на оборот (а не только прибыль, как в традиционной системе), полученный от определенных цифровых видов деятельности: продажи личных данных, продажи онлайн-рекламных площадей, ориентированных на пользователей в соответствии с предоставленными ими данными, а также сервисы, которые обеспечивают взаимодействие и облегчают торговлю товарами и услугами. Этот налог должен был бы взиматься в каждом государстве —

¹ Согласно этому исследованию, цифровые компании всего платят 20,9 % налогов, а традиционные компании — 26,7 %.

члене Европейского союза (ЕС) пропорционально использованию предлагаемых на территории этой страны цифровых услуг и только с определенных крупных компаний, общий доход которых («продукция», согласно тексту директивы) составляет более 750 млн евро и более 50 млн евро в ЕС.

Изложенная концепция не получила общего одобрения, но несколько государств — членов ЕС (Бельгия, Испания, Франция, Италия, Великобритания) в одностороннем порядке приняли налог на цифровые услуги или готовятся это сделать. За пределами ЕС некоторые страны идут по аналогичному пути (например, Индия, Канада или Турция). Ряд стран для налогообложения услуг, оказываемых в электронной форме, начисляют НДС или иные виды налогов, как показано в таблице 1.

Таблица 1

Виды налогов в цифровой экономике, принятые или планируемые к принятию странами

Table 1. Types of taxes in the digital economy adopted or planned to be adopted by countries

НДС	Digital service tax (DST), цифровой налог	Удерживаемый или вычитаемый налог (WHT)
Мексика Сенегал Танзания Великобритания Россия Беларусь	Аргентина, Австрия, Бельгия, Канада, Чехия, Франция, Израиль, Италия, Непал, Новая Зеландия, Польша, Испания, Сьерра-Леоне, Танзания, Уганда, Турция, Великобритания	Индия Малайзия Пакистан Словакия Тайвань Таиланд Турция Вьетнам

Источник: составлено автором на основе данных: Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). URL: <https://www.oecd.org/> (дата обращения: 15.02.2024); [9; 11].

Неспособность разработать универсальное решение по налогообложению цифровой экономики побудила многие страны самостоятельно определять, какую модель налогового администрирования реализовать, какие виды услуг полагать цифровыми, какую процентную ставку использовать. Одни страны вводят фиксированную ставку налога на доходы, полученные от цифровых услуг, другие — выбирают процент от прибыли или комбинацию первого и второго. Налог обычно применяют к компаниям, которые превышают порог дохода или базу пользователей внутри страны. Так, ставка в 3 % предусмотрена в Бельгии, Канаде, Франции, Израиле, Новой Зеландии, Тунисе, Испании, 5 % — в Австрии, Аргентине, Уганде; 1,5 % — в Польше, Сьерра-Леоне; 2 % — в Танзании, Великобритании, Греции; 7,5 % — в Турции и Венгрии [1; 9; 11]. В Чехии, к примеру, налогом облагают поступления из таких источников, как таргетированная реклама на цифровом интерфейсе; передача данных о пользователях; предоставление пользователям многостороннего цифрового интерфейса, который может облегчить поставки товаров и услуг; в Канаде — доходы от онлайн-бизнес-моделей, включая торговые интернет-площадки, социальные сети, интернет-рекламу, пользовательские данные; в Колумбии — услуги, на которые распространяется действие Structured English Programming (SEP), в частности реклама в интернете, цифровой контент (онлайн/загружаемый), потоковая передача (телевидение, музыка, видео и т. д.), любая форма монетизации информации и/или пользовательских данных, посреднические платформы, цифровые подписки, управление данными (хостинг, обмен файлами и т. д.), услуги поисковых систем, предоставление права

на использование или эксплуатацию нематериальных активов, иная услуга, предоставляемая на цифровом рынке.

Существенными проблемами DST эксперты называют риск двойного налогообложения, который приводит к спорам и торговой напряженности между странами [7, с. 123]; риск вызвать искажения, поскольку он применяется независимо от полученной прибыли; подавление инноваций и экономического роста за счет возложения дополнительного бремени на поставщиков цифровых услуг¹, которое с учетом значительной степени вероятности будет перенесено на потребителя; несправедливость применения цифрового налога только к цифровым компаниям [12].

Африканский форум налогового администрирования (АТАФ) опубликовал документ, посвященный подходам к разработке налогового законодательства в сфере цифровых услуг. В документе представлен проект закона о введении цифрового налога, включающий в себя положения по определению цифровых доходов от услуг, минимальные пороговые значения, в зависимости от страны, обязанность подавать декларации, назначение местных представителей и т. д. Рекомендуемая ставка DST — от 1 до 3 % с объема доходов, включающих в себя выручку от цифровых услуг; от сервисов онлайн-рекламы; от служб передачи данных; в результате предоставления торговой онлайн-площадки или услуги посреднической платформы; в связи с услугами цифрового контента, игровыми онлайн-услугами, услугами облачных вычислений; от любых других цифровых сервисов [13]. Это предложение переключается с концепцией BEPS.

До сих пор в правовом поле практиковали «мягкий метод», суть которого заключается в адаптации положений Типовой конвенции ООН об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами к цифровой экономике без изменения определения постоянного представительства. Сегодня широко обсуждают вопросы о возможности смены концепции и подходе, целью которого является изменение определения постоянного представительства в налоговых соглашениях путем создания новой концепции «виртуального (цифрового) постоянного представительства». Это понятие может быть основано на таких элементах, позволяющих установить критерии цифрового присутствия источника налогообложения, как расположение доменных имен, наличие серверов, наличие локальных платежей либо количество пользователей, объем данных, собранных от локальных пользователей.

Вопрос о природе постоянного представительства тесно связан с категориями, являющимися базовыми в международной и европейской практике, но не имеющими аналогов в Налоговом кодексе РФ: категории *nexus* («связь, налоговая привязка») и *threshold* («пороговое значение, нижняя граница налогообложения»). Правила определения связи (*nexus rules*) и определения источника устанавливают «привязку», в связи с которой нерезидент становится налогообязанным в государстве. Проблема для определения DST сводится к поиску этих пороговых величин и их приоритетности. Европейская комиссия предложила следующее. Цифровая платформа будет считаться имеющей облагаемое налогом «цифровое присутствие» или «виртуальное постоянное представительство» в государстве — члене ЕС, если она соответствует одному из следующих критериев: генерирует более 7 млн евро ежегодного дохода в государстве — члене ЕС, у нее более 100 тыс.

¹ Стартапы и малые предприятия, которые в своей деятельности в значительной степени полагаются на цифровые платформы, могут столкнуться с дополнительным финансовым бременем, что затрудняет их конкуренцию с признанными технологическими гигантами.

пользователей в государстве — члене ЕС в течение финансового года, между компанией и активными пользователями в течение финансового года заключено свыше 3 000 коммерческих контрактов на цифровые услуги. Однако изложенный подход не определяет налоговой базы, которая служит ключом к распределению создаваемой стоимости.

В 2016 г. Израиль сформулировал подход, согласно которому критериями, создающими «облагаемое налогом значительное экономическое присутствие в Израиле», в том числе являются значительное количество контрактов, заключенных в формате онлайн между иностранной компанией и израильскими клиентами; иностранная компания предлагает онлайн-услуги/продукты, которыми пользуется значительное количество израильских клиентов; иностранная компания использует веб-сайт с функциональностью, адаптированной к израильскому рынку (интерфейс на иврите, местные скидки и маркетинг, местная валюта), и варианты оплаты; значительная часть доходов компании тесно связана с объемом онлайн-активности, осуществляемой пользователями на территории Израиля. Эти критерии применяют при отсутствии физической активности в Израиле и при условии, что компания располагается в стране, которая не заключила с Израилем соглашение об избежании двойного налогообложения [14]. Индия использовала аналогичный подход в своем налоговом законодательстве. Другие государства, не создавая цифровых налогов, решают налоговые проблемы, возникающие в результате цифровизации и глобализации, через призму правил по борьбе с налоговыми злоупотреблениями.

Еще один подход к решению проблемы — начать с консолидированной прибыли, полученной транснациональными группами от всех операций с участием различных компаний в группе, а затем разделить ее между этими же компаниями на базе объективных критериев, таких как местоположение, потребители, пользователи приложений или сотрудники. Однако следует признать, что разработка механизма распределения окажется чрезвычайно сложным делом, поскольку значение того или иного материального или нематериального актива, количества пользователей или клиентов при определении общей прибыли бизнеса варьируется от отрасли к отрасли и от бизнес-модели к бизнес-модели.

Настоящая статья носит обзорный характер и не претендует на отражение всех проблем налогообложения, существующих в цифровой экономике. Неспособность действующего налогового законодательства зафиксировать прибыль цифровой экономики обусловлена, скорее, слабостью международного права, чем внутренним законодательством. При разработке концепции налогового администрирования цифровой экономики необходимо избегать создания «цифрового сектора», каковы бы ни были его контуры, к которому будут применять специальные режимы, иначе возможен риск создать в краткосрочной перспективе барьеры для входа и неэффективную систему налогообложения. Реформы, нацеленные на цифровые компании, могут нарушить стабильность условий для международного бизнеса.

Идея применения НДС к электронным услугам может показаться привлекательной, однако на этом пути появляются многочисленные технические и практические препятствия, в частности связанные с определением ценности. Имеют ли ценность данные сами по себе, или ценность создает алгоритм, разработанный и используемый платформами?

В основе будущих налоговых правил должно находиться расширение понятия постоянного представительства за счет введения критерия «цифрового (виртуального) присутствия» с учетом специфических характеристик цифровой экономики (важности нематериальных активов, данных, алгоритмов и т. д.).

Список источников

1. *Fiyinfoluwa A.* Taxation of the digital economy: An evaluation of the Nigerian approach in the global context // *SSRN Electronic Journal*. 2023. DOI: 10.2139/ssrn.4504730
2. *Гаджиев Х. А.* Глобальная цифровая экономика: тренды и трансформация ценностно-поведенческих паттернов // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2022. Т. 14. № 3. С. 482–506. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-3-482-506
3. *Манахова И. В.* Цифровое будущее и глобальная экономическая безопасность // *Экономическая безопасность и качество*. 2018. № 1. С. 6–11.
4. *Information economy report 2017: Digitization, trade and development*. Geneva: UNCTAD, 2017. 130 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ier2017_en.pdf (дата обращения: 20.02.2024).
5. *Бергер А. М.* Налогообложение доходов транснациональных компаний в условиях цифровой экономики: дис. ... канд. экон. наук. М., 2023. 167 с.
6. *Изотов А. В.* Налоговые правоотношения в условиях цифровизации: современное состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 283 с.
7. *Кирова Е. А., Морозова Н. Г., Безверхий А. С.* Трансформация налоговой системы России в условиях становления цифровой экономики // *Вестник университета (Государственный университет управления)*. 2019. № 7. С. 118–124. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-7-118-124
8. *Белоусов Ю. В.* Цифровая экономика: понятие и тенденции развития // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. № 1. С. 26–43. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-26-43
9. *Тетерятников К. С., Камолов С. Г., Блашкина Д. А.* Цифровой налог: поучительный зарубежный опыт // *Российский экономический журнал*. 2020. № 4. С. 69–87. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-4-69-87
10. *Пономарева К. А.* Налогообложение цифровых услуг в контексте международных налоговых соглашений // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 8. С. 20–31. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.020-031
11. *Степнов И. М., Ковальчук Ю. А.* Цифровые вызовы и справедливость налогов // *Цифровое право*. 2020. Т. 1. № 1. С. 39–58. DOI: 10.38044/DLJ-2020-1-1-39-58
12. *Бергер А., Полежарова Л. В.* Налог на цифровые услуги: оценка целесообразности введения в России // *Финансы: теория и практика*. 2023. Т. 27. № 1. С. 54–62. (На англ.). DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-54-62
13. *ATAF publishes an approach to taxing the digital economy* // *African Tax Administration Forum*. October 1. 2020. URL: <https://www.ataftax.org/ataf-publishes-an-approach-to-taxing-the-digital-economy> (дата обращения: 15.02.2024).
14. *Israel Tax Authority* // *Gov.il*. URL: <https://www.gov.il/en/departments/news/sa-110416-3> (дата обращения: 15.02.2024).
15. *Цифровая экономика Российской Федерации: программа утв. распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р* // *Правительство России: офиц. сайт*. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).

References

1. *Fiyinfoluwa A.* Taxation of the digital economy: An evaluation of the Nigerian approach in the global context. *SSRN Electronic Journal*. 2023. DOI: 10.2139/ssrn.4504730
2. *Gadzhiev Kh.A.* Global digital economy: Trends and transformation of value-behavioral patterns. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) = Ars Administrandi (The Art of Management)*. 2022;14(3):482-506. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218-9173-2022-3-482-506
3. *Manakhova I.V.* Digital future and global economic security. *Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo = Economic Security and Quality*. 2018;(1):6-11. (In Russ.).
4. *Information economy report 2017: Digitization, trade and development*. Geneva: UNCTAD; 2017. 130 p. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ier2017_en.pdf (accessed on 20.02.2024).

5. Berger A.M. Taxation of income of transnational companies in the digital economy. Cand. econ. sci. diss. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation; 2023. 167 p. (In Russ.).
6. Izotov A.V. Tax legal relations in the context of digitalization: Current state and development prospects. Cand. legal sci. diss. Moscow: Russian State University of Justice; 2021. 283 p. (In Russ.).
7. Kirova E.A., Morozova N.G., Bezverkhii A.S. Transformation of the Russian tax system in the context of establishment of the digital economy. *Vestnik universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2019;(7):118-124. (In Russ.). DOI: 10.26425/1816-4277-2019-7-118-124
8. Belousov Yu.V. Digital economy: Concept and trends of development. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2021;(1):26-43. (In Russ.). DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-26-43
9. Teteryatnikov K.S., Kamolov S.G., Blashkina D.A. Digital tax: An instructive foreign experience. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 2020;(4):69-87. (In Russ.). DOI: 10.33983/0130-9757-2020-4-69-87
10. Ponomareva K.A. Digital services taxation in the context of international tax agreements. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(8):20-31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.020-031
11. Stepnoff I.M., Kovalchuk Yu.A. Digital challenges and tax equity. *Tsifrovoe pravo = Digital Law Journal*. 2020;1(1):39-58. (In Russ.). DOI: 10.38044/DLJ-2020-1-1-39-58
12. Berger A., Polezharova L.V. Tax for digital services: Assessment of the advantage of the introduction in Russia. *Finance: Theory and Practice*. 2023;27(1):54-62. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-54-62
13. ATAF publishes an approach to taxing the digital economy. African Tax Administration Forum. Oct. 01, 2020. URL: <https://www.ataftax.org/ataf-publishes-an-approach-to-taxing-the-digital-economy> (accessed on 15.02.2024).
14. Israel Tax Authority. Gov.il. URL: <https://www.gov.il/en/departments/news/sa-110416-3> (accessed on 15.02.2024).
15. Digital economy of the Russian Federation. The program approved by Decree of the Government of the Russian Federation on July 28, 2017 No. 1632-r. Government of the Russian Federation. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (accessed on 15.02.2024). (In Russ.).

Информация об авторе

С. В. Тарасевич — аспирант; 190020, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Information about the author

S. V. Tarasevich — postgraduate student; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190020, Russia;

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 12.04.2024; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 12.04.2024; accepted for publication 26.06.2024.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Информация об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, адрес электронной почты и ORCID id автора (при наличии); ученая степень, ученое звание, должность, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author’s full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), e-mail, ORCID id, degree, academic rank, position and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author’s sheet (1 author’s sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indention — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to journal, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn’t be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

